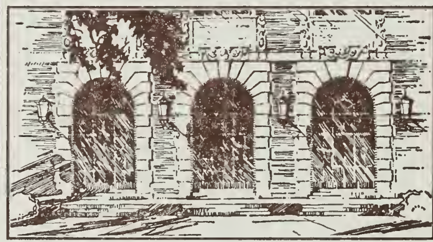

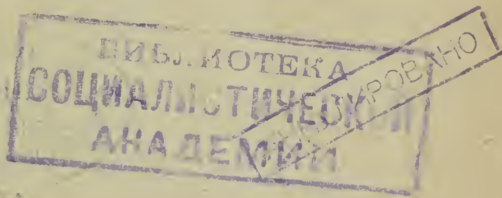

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА

РЕАЛЬНОЙ УНІИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

М. Пергамента.

ОДЕССА.
Тип. Шт. Войскъ Одесскаго военнаго Округа, Тираспольская, № 14.
1893.

Печатано по распоряженію правленія Императорскаго Новороссійскаго университета. Ректоръ *И. С. Некрасовъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Важнѣйшія опечатки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
8	1 св.	Nebenlanb	Nebenland
13	9 сн.	(Лекціи	Лекціи
32	9 »	такимь	такимъ
46	11 ›	**Kollersberg**	**Kollesberg**
49	15 ›	монархіи,	монархіи
—	11 »	что. несмотря	что, несмотря
51	14 св	монархіи,	монархіи
61	10 »	«императоръ	императоръ
77	17 ›	1712 г.	1721 г.
79	18 сн.	съ правомъ совѣщательнаго голоса	съ правомъ голоса
100	16 »	[3])	[2])
—	15 ›	[2])	[3])
109	2 ›	Grossherzogths	Grossherzogthüm.
110	19 ›	подвергалисъ.	подвергались,
116	13 св.	S. 27.	§ 27.

Источники и литература.

Arntz. Programme du cours de droit des gens. 1882.

Aschehoug. Das Staatsrecht der vereinigten Königreiche Schweden & Norwegen. 1886. Въ Marquards. Handbuch des öffentlichen Rechts IV, II, 2.

Beach—Lawrence. Commentaire sur les éléments de droit international... de Wheaton. I. 1868.

Bidermann. Die rechtliche Natur der österreichisch-ungarischen Monarchie. 1877.

Ею же. Entstehung & Bedeutung der Pragmatischen Sanction. 1875. Въ Grünhuts Zeitschrift für das Privat—& öffentliche Recht der Gegenwart II.

Ею же. Geschichte der österreichischen Gesammt-Staats-Idee. I & II. 1867—1889.

Ею же. Législation autonome de la Croatie. 1876. Въ Revue de droit international t. VIII.

M. Block. Art. «Personal Union» въ Cyclopädia of political Science etc. ed. by Lalor III. 1884.

Bluntschli. Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten. 2 Aufl. 1872.

Ею же. Die Lehre vom modernen Staat. I—III. 5 Aufl.
I. Allgemeine Staatslehre. 1875.
II. Allgemeines Staatsrecht. 1885 (6 Aufl.).
III. Politik als Wissenschaft. 1876.

Böhlau. Mecklenburgisches Landrecht. I, II. 1871—1874.

Brachelli. Die Staaten Europas. Vergleichende Statistik. 4 Aufl. 1884.

Ею же. Statistische Skizze der Europäischen Staaten. Heft 1—3. 1872—1873.

Brie. Der Bundesstaat. I. 1874.

Ею же. Theorie der Staatenverbindungen. 1886.

Ею же. Zur Lehre von den Staatenverbindungen. 1884. Въ Grünhuts Zeitschrift XI.

Brückner. Art. «Thüringische Staa-

ten» въ Bluntschli & Braters Staatslexikon X. 1867.

Büsing. Das Staatsrecht der Grossherzogthümer Mecklenburg-Schwerin & Mecklenburg-Strelitz. 1884. Въ Marquards. Handbuch III, II, 1.

Bulmerincq. Völkerrecht. 1884. Въ Marquards. Handbuch I, II.

Calvo. Le droit international théorique & pratique. I. 3 ed. 1880.

Carnazza-Amari. Traité de droit international public. I. Trad. de l'italien. 1880.

Cohn. «Quid intersit inter confoederationem civilatum et civitatem confoederatam etc». 1868.

Creasy. First Platform of international law. 1876.

Dantscher v. Kollesberg. Der monarchische Bundesstaat Oesterreich-Ungarn und der Berliner Vertrag nebst der Bosnischen Vorlage. 1880.

Dareste. Les constitutions modernes. I & II. 1883.

Эйхельманъ. Введеніе въ систему международнаго права 1889—90. Въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ». Годы XXIX—XXX.

Forkel. Das Staatsrecht der Herzogthümer Sachsen-Coburg & Gotha. 1884. Въ Marquards. Handbuch III, II, 2.

Freeman. History of federal government. I. 1863.

Funck-Brentano & Sorel. Précis du droit des gens. 1877.

Gareis. Allgemeines Staatsrecht. 1883. Въ Marquards. Handbuch I, 1.

Его же. Institutionen des Vòlkerrechts. 1888.

Gerber. Grundzüge eines Systems des deutschen Staatsrechts. 2 Aufl. 1869.

Gierke. Die Grundzüge des Staatsrechts etc. 1874. Въ Tübinger Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft XXX.

Его же. «Labands Staatsrecht & die deutsche Rechtswissenschaft. 1883. Въ Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung & Volkswirtschaft VII, 4.

Горенбергъ. Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи. 1891.

Градовскій. Государственное право. Лекціи. 1880.

Его же. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. I. Часть историческая. 1886.

Hänel. Zur Kritik der Begriffsbestimmung des Bundesstaates. 1877. Въ Annalen des Deutschen Reiches.

Halleck. International Law. I. 2d. ed. 1878.

Heffter. Das Europäische Völkerrecht der Gegenwart. 7-te

Aufl. bearbeitet von Geffcken. 1881.

Held. System des Verfassungsrechts der monarchischen Staaten Deutschlands. I. 1856.

Holtzendorff. Das deutsche Verfassungsrecht. 1882. Въ его же Encyclopädie der Rechtswissenschaft. 4 Aufl.

Его же. Handbuch des Völkerrechts. II. 1887.

Hornung. Critique des oeuvres de Iellinek. 1883. Въ Revue de droit international t. XV.

Hugelmann. Studien zum österreichischen Verfassungsrechte. I. 1886

Ивановскій. Лекціи по международному праву и дипломаціи. 1866.

И. Ивановскій. Собраніе дѣйствующихъ договоровъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. I—II. 1889—1890.

Jellinek. Die Lehre von den Staatenverbindungen. 1882.

Его же. Рефератъ о сочиненіи Pliverić'а «Beiträge etc». Въ Kritische Vierteljahresschrift N. F. Bd. XII, 2. 1889.

Juraschek. Die rechtliche Natur der Delegationen. 1878. Въ Grünhuts Zeitschrift V.

Его же. Entwicklungsgeschichte der Begriffe Personal- & Realunion. 1878. Въ Hartmanns Zeitschrift für Gesetzgebung & Praxis auf dem Gebiete des deutschen öffentlichen Rechts IV.

Его же. Personal- & Realunion. Mit Anhange «Das rechtliche Verhältniss zwischen Oesterreich und Ungarn». 1878.

Гр. Камаровскій. Обзоръ современной литературы по международному праву. 1887.

Капустинъ. Обозрѣніе предметовъ международнаго права. 1856.

Klüber. Droit des gens moderne de l'Europe (1819). Nouvelle édition revue ... par Ott. 1861.

Его же. Öffentliches Recht des teutschen Bundes & der Bundesstaaten. 4 Aufl. 1840.

Коркуновъ. Великое княжество Финляндское. Юридическая Лѣтопись. 1890 № 4.

Krones v. Marchland. Grundriss der österreichischen Geschichte. 1882.

Laband. Das Staatsrecht des deutschen Reiches. 1883. Въ Marquards. Handbuch II, I, 1.

Его же. Das Staatsrecht des deutschen Reiches. I. 2 Aufl. 1888.

Laferrière & Batbie. Les constitutions d'Europe & d'Amérique. 1869.

Laveleye. L'Autriche et sa constitution nouvelle. 1868. Въ Revue des deux Mondes t LXXIV, 3.

Lentner. Grundriss des Staatsrechts der österreichisch- ungarischen Monarchie. 1885.

Levi. International law. 1887.

Liebe. Staatsrechtliche Streitfragen. 1882. Въ Tübinger Zeitschrift Bd. 38.

Мартенсъ. Международное право цивилизованныхъ народовъ. I. 2 изд. 1887.

Méchélin. Précis du droit public du grand duché de Finlande. Переведено и дополнено Ординымъ. 1888.

Его же. Staatsrecht des Grossfürstenthums Finland. 1889. Въ Marquards. Handbuch IV, II, 1, 2.

Мехелинъ. Противорѣчатъ - ли права Финляндіи интересамъ Россіи? 1890.

O. *Mejer.* Einleitung in das deutsche Staatsrecht. 1 Aufl. 1861 & 2 Aufl. 1884.

G. *Meyer.* Lehrbuch des deutschen Staatsrechts. 1 Aufl. 1878 & 2 Aufl. 1885.

Neumann. Grundriss des heutigen Europäischen Völkerrechts. 1885.

Nordenflycht. Die schwedische Staatsverfassung in ihrer geschichtlichen Entwickelung. 1861.

Oppenheim. System des Völkerrechts. 1 Aufl. 1845 & 2 Aufl. 1866.

Ординъ. Покореніе Финляндіи. I, II. 1889.

Pasquale Fiore. Nouveau droit international public. I. Trad. de l'italien. 1885.

Pertile. Elementi di diritto internazionale I. 1877.

Phillimore. Commentaries upon international law. I. 2d. ed. 1871.

Pliverić. Beiträge zum ungarisch-kroatischen Bundesrechte. 1886.

Его же. Der kroatische Staat. 1887.

Pliverić & Iellinek. Das rechtliche Verhältniss Kroatiens zu Ungarn. 1885.

Pölitz. Die Europäischen Verfassungen seit dem Jahre 1789. III. 1833.

Pözl. Art «Union» въ Bluntschli & Braters Deutsches Staatslexikon X. 1867.

Полное собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

Pradier-Fodéré. Traité de droit international public Européen et Américain. I. 1885.

Pütter. Beyträge zum Deutschen Staats & Fürstenrechte. 1777.

Resch. Das Europäische Völkerrecht der Gegenwart. 1885.

Rönne. Das Staatsrecht der preussischen Monarchie. I. 2 Aufl. 1864

Rosin. Souveränetät, Staat, Gemeinde, Selbstverwaltung. Kritische Begriffsstudien. 1883.

Schulze. Das Staatsrecht des Königreiches Preussen. 1884. Въ Marquards. Handbuch II, II, 1.

Его же. Einleitung in das deut-

sche Staatsrecht. 1865 & Neue Ausgabe 1867.

Его же. Lehrbuch des deutschen Staatsrechts. 1880.

Сергѣевичъ. Лекціи по исторіи русскаго права. 1890.

Seydel. Der Bundesstaatsbegriff. 1872. Въ Tübinger Zeitschrift XXVIII.

Сокольскій. Краткій учебникъ русскаго государственнаго права. 1890.

Стояновъ. Очерки исторіи и догматики международнаго права. 1875.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи.

Таганцевъ. Высочайшій Манифестъ 1/13 декабря 1890 г. и финляндское уголовное уложеніе. Юридическая Лѣтопись. 1891 № 2.

Чичеринъ. О народномъ представительствѣ. 1866.

Ulbrich. Das Staatsrecht der österreichisch-ungarischen Monarchie. 1884. Въ Marquards. Handbuch IV, I, 1.

Его же. Die rechtliche Natur der österreichisch-ungarischen Mochie. 1879.

Его же. Lehrbuch des österreichischen Staatsrechts. 1883.

Valfrey. L'empire constitutionnel d'Autriche et ses lois fondamentales. 1868.

Virozsil. Das Staatsrecht des Königreichs Ungarn. I — III 1865—1866.

Vollgraff. «Staatenbund, Bundesstaat & Einheitsstaat, wodurch sie sich unterscheiden...» 1859.

Waitz. Grundzüge der Politik. 2 Aufl. 1862.

Welcker. Art «Bund» въ Rotteck & Welckers Staatslexikon II. 1846.

Wheaton. Elements of international Law. 2 ed. 1880.

Wiggers. Art «Grossherzogthümer Mecklenburg» въ Bluntschli & Braters Staatslexikon VI. 1861.

Zachariä. Deutsches Staats—& Bundesrecht. I. 3 Aufl. 1865.

Его же. Die deutschen Verfassungsgesetze der Gegenwart. I. 1855.

Его же. Zur Schleswig-Holsteinischen Frage. 1847.

Zöpfl. Grundsätze des allgemeinen & constitutionnell monarchischen Staatsrechts mit besonderer Rücksicht auf Deutschland. 3 Aufl. 1846 & (Grundsätze des allgemeinen & deutschen Staatsrechts) 4 Aufl. 1855.

Zorn. Das Staatsrecht des deutschen Reiches. I. 1880.

Его же. Streitfragen des deutschen Staatsrechts. 1881. Въ Tübinger Zeitschrift Bd. 37.

ВВЕДЕНІЕ.

«Въ рѣдкой области публичнаго права — говоритъ Іеллинекъ [1]) — господствуетъ такая неясность, какъ въ ученіи о соединеніи государствъ. Существо союза государствъ и союзнаго государства, природа реальной уніи, юридическій характеръ протектората, сюзеренитета и т. д. еще далеки отъ того, чтобы считаться выясненными въ наукѣ. Относительно многихъ изъ приведенныхъ понятій не образовалось какого-либо господствующаго мнѣнія, и даже оспаривается самое право указанной области на научную разработку».

Хотя многіе вопросы изъ ученія о соединеніяхъ государствъ подверглись тщательнымъ изслѣдованіямъ, съ тѣхъ поръ какъ были написаны эти строки (чему въ значительной степени способствовалъ самъ Іеллинекъ), хотя далѣе вопросъ о существѣ и природѣ реальной уніи по достигнутымъ въ немъ результатамъ оказался, быть можетъ, счастливѣе другихъ родственныхъ съ нимъ вопросовъ,—несмотря на все это, мы и здѣсь чуть-ли не на каждомъ шагу встрѣчаемся съ противорѣчіями, неясностями и подчасъ непреодолимыми трудностями.

Мнѣнія писателей чрезвычайно разнообразны и до такой степени мало сходны между собой, что невозможно ихъ группировать и подводить подъ общія категоріи. Мало того. На вопросъ, въ какого рода соединеніи находятся между собой два данныхъ государства, почти немыслимо получить одинъ опредѣленный отвѣтъ. Явленіе это, на первый взглядъ весьма стран-

[1]) Die Lehre v. d. Staatenverbindungen. 1882. S. 3.

ное, объясняется многими причинами. Сюда относятся: невполнѣ установившаяся терминологія [1]), разногласіе въ нѣкоторыхъ основныхъ пунктахъ ученія о государствѣ вообще, смѣшеніе политической точки зрѣнія съ юридической и др., — но главнѣйшей, на мой взглядъ, причиной является то обстоятельство, что писатели конструируютъ свои теоріи чисто отвлеченнымъ, дедуктивнымъ путемъ и даже не провѣряютъ степени ихъ примѣнимости на отдѣльныхъ соединеніяхъ. Напротивъ, подступая къ образованіямъ государствъ съ предвзятыми теоріями и желая во что бы то ни стало отстоять свои воззрѣнія, писатели ошибочно приходятъ къ исключенію цѣлаго ряда государствъ изъ извѣстной группы, объявляя ихъ неправильными соединеніями или измышляя для нихъ особыя теоріи [2]).

Правильный путь, конечно, не таковъ. Если, какъ справедливо думаетъ Іеллинекъ [3]), и нельзя совершенно избѣжать дедуктивныхъ построеній, а необходимо отъ времени до времени прибѣгать къ простѣйшимъ гипотезамъ, то все же индукціи должно быть предоставлено обширное поле, и ужъ во всякомъ случаѣ не должны выставляться теоріи, прямо идущія въ разрѣзъ съ дѣйствительностью.

Пути по преимуществу индуктивному и я позволю себѣ слѣдовать въ настоящемъ сочиненіи. Приведши главныя мнѣнія писателей о реальной уніи, опредѣленія ея и существенные взгляды, выставляемые на это соединеніе, я приступлю къ изслѣдованію положительнаго матеріала, имѣющагося по занимающему меня вопросу, то есть къ разсмотрѣнію законодательства тѣхъ государствъ, которыя въ литературѣ причисляются къ состоящимъ въ реальной уніи. Положивъ въ основаніе эти нормы, я буду имѣть возможность отнестись критически къ мнѣніямъ писателей и выяснить свой собственный взглядъ на интересующее насъ соединеніе.

---

[1]) Cp. Gareis Allgem. Staatsrecht S. 106.
[2]) Cp. Iellinek ibidem.
[3]) Op. cit. S. 11.

ГЛАВА I.

Обзоръ литературы.

«In keiner Partie der Lehre von den Staatenverbindungen herrscht eine solche Zerfahrenheit und Oberflächlichkeit, wie in der von den Verbindungen jure imperii».

Iellin. op. cit. S. 83.

А. § 1. Прежде чѣмъ заняться литературой о реальной уніи и обратиться къ очерку ученій по этому вопросу, необходимо отмѣтить, что вопросъ этотъ лежитъ на границѣ двухъ главныхъ отраслей публичнаго права и, какъ таковой, одинаково подвергался разсмотрѣнію со стороны писателей государственнаго и международнаго права. Сообразно съ этимъ, и мое изложеніе ученій о реальной уніи распадется на двѣ части, которыя будутъ посвящены послѣдовательному разсмотрѣнію взглядовъ авторовъ первой и второй группъ. Имѣя при этомъ въ виду возможно болѣе выяснить связь, отношеніе и зависимость другъ отъ друга ученій о реальной уніи, мнѣ кажется болѣе всего удобнымъ, для извѣстной, по крайней мѣрѣ, части ученій, излагать взгляды въ порядкѣ ихъ возникновенія, другими словами, представить обзоръ исторіи литературы по трактуемому соединенію.

Приступая въ частности къ разсмотрѣнію воззрѣній государствовѣдовъ, я оставляю въ сторонѣ первоначальную исторію развитія понятія реальной уніи, какъ представляющую малый интересъ по крайней бѣдности, неопредѣленности и неустойчивости

господствовавшихъ въ ней мнѣній [1]), и свой очеркъ начинаю прямо съ того писателя, взглядъ котораго и по настоящее время [2]) сохраняетъ значеніе для представителей извѣстной теоріи о реальной уніи,—съ Г. А. Цахаріе [3]).

Въ своей брошюрѣ «Zur Schleswig—Holsteinischen Frage» [4]) этотъ ученый опредѣляетъ унію, какъ соединеніе настоящихъ государствъ, сохраняющихъ свою самостоятельность и независимость. Переходя въ частности къ личной уніи, онъ говоритъ, что унія эта основана исключительно на личныхъ правахъ общаго монарха, что она юридически случайна, что потому срокъ ея продолжительности и существованіе общности въ другихъ какихъ-либо учрежденіяхъ совершенно безразличны. Реальная унія, напротивъ, на взглядъ Цахаріе, есть соединеніе въ лицѣ монарха двухъ столь же независимыхъ и самостоятельныхъ государствъ [5]), но соединеніе обусловленное основными законами обоихъ государствъ, такъ что — прибавляетъ указанный писатель—соединеніе покоится на прочной причинѣ и является юридически необходимымъ. Отсюда непосредственно вытекаетъ одинаковый порядокъ наслѣдованія въ соединенныхъ государствахъ, невозможность войны между ними, выступленіе въ международномъ общеніи въ качествѣ единаго субъекта (чѣмъ-де реальная унія сходствуетъ съ простымъ государствомъ и почему она есть «настоящая» унія). Все прочее, какъ-то: общность или равенство въ законодательствѣ или управленіи, вѣчность и т. п., для понятія реальной уніи, по Цахаріе, несущественно. Напротивъ, относительно общности онъ полагаетъ, что въ личной уніи

---

[1]) Желающихъ ознакомиться съ ней отсылаю къ сочиненію Juraschek'a: Personal- & Realunion § 1 — § 4. Ср. также его же: «Entwicklungsgesch. der Begriffe Personal—& Realunion» въ Zeitschr. für Gesetzgeb. & Prax. etc. IV, s. 105 ff.

[2]) Op. cit. S. 36, гдѣ Юрашекъ объявляетъ мнѣніе Цахаріе господствующимъ въ наукѣ. Ср. также Brie «Theorie der Staatenverbindungen S. 70 N 3.

[3]) Его не должно смѣшивать съ K. S. Zachariä, которому принадлежитъ сочиненіе «40 Bücher vom Staate» 1839».

[4]) 1847. S. 29—32. См. также его сочиненіе: «Deutsches Staats—& Bundesrecht» 3 Aufl. 1865. I, S. 104 ff.

[5]) Выраженію «нѣкоторая» независимость нельзя въ виду общаго пониманія автора придавать значенія.

она можетъ быть даже больше, чѣмъ въ реальной, а что касается вопроса о вѣчности, то онъ допускаетъ реальную унію подъ условіемъ.

Не довольствуясь положительнымъ опредѣленіемъ реальной уніи, какъ извѣстнаго соединенія государствъ въ лицѣ монарха, Цахаріе добавляетъ, что, при отсутствіи общности таковаго, соединеніе посредствомъ какихъ-либо другихъ институтовъ, какъ, напримѣръ, законодательныхъ учрежденій, не является реальной уніей.

Изъ числа реальныхъ уній должно точно также исключить всѣ тѣ соединенія, гдѣ не имѣется совмѣстнаго существованія государственныхъ властей, а потому сюда не относятся причисляемыя Клюберомъ [1]) unio realis inaequali jure proprie sic dicta и unio realis incorporativa.

Странно, что всякая унія, въ томъ числѣ и личная, является, по мнѣнію нашего автора, соединеніемъ государственнаго права [2]) на томъ основаніи, что она непосредственно обнимаетъ государственный органъ, т. е. основана на общности существеннаго государственнаго института. Вообще же ученіе Ца-

---

[1]) Какъ образецъ построеній въ предшествовавшую Г. Цахаріе эпоху, привожу систему соединеній государствъ Клюбера, — систему, которая пользовалась большой популярностью (ср. Zachar. Deutsch. Staats — & Bundesrecht I § 28) и которой, дѣйствительно, нельзя отказать въ стройности и полнотѣ.

Unio civitatum, sive perpetua sit, sive temporaria, sit jure
I vel societatis (systema civitatum foederatarum),
II vel imperii, h. e. sub eodem imperante. Haec est
1) vel personalis, sive
a) mere personalis, seu personalissima, sive
b) hereditaria, seu gentilitia;
2) vel realis jure
a) sive aequali,
b) sive inaequali, ita ut haec sit
α) vel inaequalis proprie sic dicta,
β) vel incorporativa.

Klüber. Öffentl. Recht des teutsch. Bundes & der Bundesstaaten 4 Aufl. 1840 § 82. Ср. также его же: Droit des gens § 27.

[2]) Впрочемъ, Цахаріе въ общемъ избѣгаетъ опредѣлять характеръ уній, отводя имъ среднее мѣсто между международными и государственными соединеніями.

харіе представляется чрезвычайно логичнымъ и цѣльнымъ, и мы будемъ имѣть случай убѣдиться, насколько оно дѣйствительно имѣло успѣха и насколько попытки громаднаго большинства ближайшихъ преемниковъ Цахаріе измѣнить и дополнить его воззрѣнія оказались малоуспѣшными.

§ 2. На того изъ нихъ, который непосредственно слѣдовалъ за Цахаріе, взгляды послѣдняго не оказали, впрочемъ, никакого вліянія. Я говорю здѣсь о Блюнчли, который во всѣхъ многочисленныхъ изданіяхъ [1]) своего знаменитаго труда «Allgemeines Staatsrecht» неизмѣнно держался своего стараго пониманія реальной уніи. Для наличности послѣдней, по мнѣнію Блюнчли, требуется общность не только монарха, но и законодательства и администраціи. Самостоятельность соединенныхъ государствъ можетъ быть только относительная, ибо надъ ними образуется другое цѣльное, настоящее государство. Австрія и Венгрія, состоящія-де въ настоящее время въ личной уніи, имѣютъ въ общности министерствъ иностранныхъ дѣлъ, военнаго и финансовъ, а равно и въ институтѣ делегацій задатки и зачатки реальной уніи [2]). Въ союзномъ государствѣ отдѣльныя государства даже независимѣе, — говоритъ Блюнчли въ другомъ мѣстѣ [3]) — чѣмъ въ реальной уніи: въ то время какъ можно не задумываясь говорить о суверенитетѣ государствъ въ Bundesstaat'ѣ, едва-ли кто станетъ говорить о суверенитетѣ связанныхъ реальной уніей австрійскихъ цислейтанскихъ земель (!).

Очевидно, что въ изложеніи Блюнчли мы встрѣчаемся съ пониманіемъ реальной уніи, какъ инкорпораціи, съ unio realis inaequalis proprie sic dicta vel incorporativa, видѣнной нами уже у Клюбера. Впрочемъ, даже сравнительно съ послѣднимъ Блюнчли представляется отставшимъ, такъ какъ Клюберъ въ своей realis unio aequali jure допускаетъ полную независимость и самостоятельность государствъ, чего не дѣлаетъ Блюнчли, который, такимъ образомъ, совершенно становится на точку зрѣнія Пюттера [4]) и его современниковъ [5]).

---

[1]) Первое вышло въ 1852 г., а I т. «Allgem. Staatslehre» послѣдняго (5-го) изданія въ 1875.

[2]) **Bluntschli** Lehre v. modern. Staat. I S. 312—313.

[3]) Op. cit. S. 558.

[4]) **Pütter**. Beytr. zum teutsch. Staats — & Fürstenrechte 1777 I Abs. 11.

[5]) Шмальцъ, Шлёцеръ, Лейстъ, Виландъ и др. Ср. Juraschek op.

Первымъ по времени писателемъ, отразившимъ воззрѣнія Цахаріе, былъ Цёпфль [1]), который подъ вліяніемъ его труда значительно измѣнилъ свое прежнее отношеніе къ разсматриваемому вопросу.

Реальную унію Цёпфль считаетъ прочнымъ соединеніемъ государствъ, и притомъ такимъ, которое установлено основными ихъ законами и въ силу котораго правитель одного государства всегда признается таковымъ и въ другомъ. Этимъ опредѣленіемъ онъ чрезвычайно близко подходитъ къ пониманію Цахаріе. Замѣтимъ однако, что хотя онъ и дѣлаетъ въ этомъ отношеніи значительный шагъ впередъ по сравненію со своимъ прежнимъ воззрѣніемъ [2]), его все же нельзя поставить на одинаковую высоту съ его предшественникомъ: онъ не отрѣшается отъ понятія зависимыхъ земель (Nebenländer) и, кромѣ того, включаетъ въ число уній и инкорпорацію, отличающуюся, по его мнѣнію, отъ реальной уніи только тѣмъ, что при ней имѣется не только общій законъ о престолонаслѣдіи, но и общая политическая организація и общее представительство.

Еще менѣе успѣха видно въ ученіи слѣдующаго по времени писателя—Рённе [3]), который стоитъ чуть-ли не на первоначальной точкѣ зрѣнія Цёпфля. Онъ полагаетъ именно, что реальная унія имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ лицо, призываемое на престолъ одного государства, ipso jure становится государемъ и въ другомъ, при чемъ каждое изъ этихъ государствъ «можетъ» сохранить свое законодательство и управленіе. Далѣе, совершенно какъ и Цёпфль, Рённе удерживаетъ дѣленіе на Haupt—&

---

cit. S. 17—18. Held System S. 397 N 3. У насъ на почвѣ Пюттера стоитъ Чичеринъ (Народн. Представит. стр. 184—185), который, хотя и писалъ значительно позже (1866), но тѣмъ не менѣе признаетъ колоніи видомъ реальной уніи.

[1]) **Zöpfl.** Grundsätze des allgem. & deutsch. Staatsrechts 4 Aufl. 1855 I § 65.

[2]) Выраженнымъ въ болѣе раннихъ изданіяхъ его труда, предшествовавшихъ работѣ Цахаріе. Такъ, въ третьемъ изданіи (Grundsätze des allgem. & des constitut. monarch. Staatsrechts 1846 S. 202) онъ говоритъ, что какъ въ инкорпораціи, такъ и въ личной и реальной уніи, имѣются лишь слѣды (!) прежней самостоятельности.

[3]) **Rönne.** «Das Staatsrecht der preuss. Monarchie» 1 Aufl. 1856. 2 Aufl. 1864 г. I a S. 124 N 1.

Nebenland и считаетъ инкорпорацію видомъ уніи вообще и реальной уніи въ частности.

Ни Цёпфлю, ни Рённе [1]) не удалось, слѣдовательно, усвоить себѣ окончательно исходную точку Цахаріе. Они старались только о примиреніи и сліяніи своихъ старыхъ взглядовъ съ новыми, что не преминуло, конечно, неблагопріятно отозваться на послѣдовательности ихъ ученія.

§ 3. Къ писателямъ, твердо вступившимъ на путь, намѣченный Цахаріе, Юрашекъ [2]) справедливо относитъ Гельда, Шульце, Пёцля и Гольцендорфа, къ которымъ я, съ своей стороны, причислю еще О. Мейера, Г. Мейера, Ульбриха и у насъ Градовскаго.

Первый изъ нихъ, Гельдъ [3]), опредѣляетъ реальную унію, какъ прочное и установленное основными законами соединеніе двухъ или болѣе государствъ, остающихся притомъ вполнѣ самостоятельными. Онъ отступаетъ, такимъ образомъ, отъ Цахаріе въ томъ, что не требуетъ общности непремѣнно въ лицѣ монарха; напротивъ, по его мнѣнію, реальная унія въ отличіе отъ личной возможна даже между республиканскими государствами [4]). Но этого мало: въ его ученіи имѣется еще другая особенность и притомъ столь важная, что ея совершенно достаточно для того, чтобы за взглядами Гельда признать серіозное значеніе. Дѣло въ томъ, что, трактуя объ уніяхъ, онъ прямо заявляетъ, что реальная унія, равно какъ и личная, строго юридически — правовыя понятія международнаго права и, какъ таковыя, къ государственному праву совсѣмъ не относятся. Въ этомъ отношеніи юридическая природа ихъ тождественна съ природой союза государствъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Не касаясь правильности этого мнѣнія, нельзя не согласиться однако, что столь ясная постановка вопроса о томъ, къ какой сферѣ публичнаго права относится наше соединеніе, столь рѣшительное непризнаніе государственно-правоваго характера уніи, представлявша-

---

[1]) Ср. еще Virozsil Staatsrecht des Königr. Ungarn I 178, III, 257.

[2]) Op. cit. S. 38.

[3]) **Held**. System. I S. 390 ff.

[4]) Впрочемъ, и реальная и личная унія у него совершенно непослѣдовательно подводятся подъ общую категорію соединенія верховныхъ властей въ одномъ субъектѣ.

гося дѣломъ безспорнымъ [1]), есть неотъемлемая заслуга и останется заслугой, несмотря на то, что вплоть до новѣйшаго времени это ученіе никѣмъ не раздѣлялось и вліянія совсѣмъ не имѣло. Юрашекъ не только не восхваляетъ Гельда за ука занную черту въ его ученіи, что можно бы, въ крайнемъ случаѣ, объяснить противоположностью взглядовъ, но (и это удивительнѣе всего) даже не замѣчаетъ различія въ этомъ пунктѣ теорій Гельда и Цахаріе [2]).

Ближайшіе по времени писатели гораздо менѣе самостоятельны, чѣмъ только-что разобранный. Такъ О. Мейеръ [3]), касаясь понятія реальной уніи только мимоходомъ, опредѣляетъ ее вполнѣ согласно съ Цахаріе, какъ такое покоящееся на основныхъ законахъ связуемыхъ государствъ соединеніе, въ которомъ государства, оставаясь вполнѣ обособленными, поставлены подъ власть одного монарха.

Шульце [4]), удѣляя вопросу о реальной уніи больше мѣста, даже въ подробностяхъ и ближайшемъ развитіи этого понятія слѣдуетъ Цахаріе: и онъ принимаетъ за реальную унію прочное и обусловленное конституціонными законами соединеніе, при чемъ точно также считаетъ несущественнымъ моментомъ общность въ какой-либо сферѣ законодательства или управленія; и онъ исключаетъ инкорпорацію изъ реальной уніи и вообще не подводитъ ея подъ понятіе уніи; и онъ, наконецъ, приписываетъ реальной уніи настоящій государственно-правовой характеръ: реальная унія, думаетъ Шульце, есть соединеніе самихъ государствъ (общность монарха является, по его мнѣнію, лишь вытекающимъ отсюда слѣдствіемъ), чѣмъ она и отличается отъ личной уніи, предполагающей не jus in rem, a jus in personam [5]). Какъ типичный примѣръ реальной уніи, приведена Швеція—Норвегія [6]).

---

[1]) Нельзя принять во вниманіе сбивчивыхъ и крайне неопредѣленныхъ намековъ Клюбера на международный характеръ соединенія.

[2]) Іеллинекъ (op. cit S. 204) отдаетъ полную справедливость Гельду.

[3]) **O. Mejer.** Einleit. in das deutsche Staatsrecht 1861 S. 6. Не измѣнено въ отношеніи разсматриваемаго вопроса и 2-е изданіе 1884 (§ 10).

[4]) **H. Schulze.** Einleit. in das deutsche Staatsrecht 1867 S. 199 ff. О взглядахъ автора въ позднѣйшемъ его трудѣ будетъ рѣчь ниже.

[5]) Cp. Gareis. Institut. des Völkerrechts S. 49.

[6]) Изъ того обстоятельства, что Шульце говоритъ, что при реальной уніи, какъ и при союзномъ государствѣ, можно говорить о Gesammtstaat'ѣ,

Ученію Цахаріе слѣдуетъ почти во всемъ и Пёцль [1]). Отступленія крайне незначительны. Если онъ и кладетъ въ основаніе реальной уніи соединеніе не самихъ государствъ, а государственныхъ властей (такъ что, въ противоположность Цахаріе и Шульце, соединеніе верховныхъ властей государствъ является у него причиной, а соединеніе государствъ — только слѣдствіемъ), то въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи, при характеристикѣ признаковъ реальной уніи, онъ возвращается къ прежнему пониманію и своей поправкѣ вообще не придаетъ значенія. Цѣль, преслѣдуемая имъ, очевидно, та, чтобы подвести и личную и реальную унію подъ одну категорію соединенія властей [2]). Несущественно и то обстоятельство, что для наличности реальной уніи Пёцль считаетъ достаточнымъ, если законодательствомъ одного государства соединеніе его верховной власти съ верховной властью другого государства требуется, а законами второго оно только допускается.

Во всемъ остальномъ онъ является безусловнымъ сторонникомъ Цахаріе, требуя самостоятельности связуемыхъ государствъ и утверждая, что надъ ними не возвышается никакой государственной власти. Соединеніе — говоритъ онъ — въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Блюнчли [3]), перестаетъ быть соединеніемъ государствъ. Но, продолжаетъ онъ, несмотря на всю независимость соединяемыхъ государствъ, на все отличіе реальной уніи отъ Bundesstaat'а, она все-таки, въ противоположность

не слѣдуетъ выводить, будто Шульце полагаетъ, что при реальной уніи дѣйствительно возникаетъ новое государство (какъ это дѣлаетъ Гарейсъ, о чемъ см. ниже). Изъ всей постановки вопроса и приведенныхъ примѣровъ ясно, напротивъ, что авторъ хотѣлъ этимъ сказать только то, что соединенныя государства могутъ выступать въ роли цѣльнаго государства. Цахаріе въ этомъ же смыслѣ говоритъ, что по отношенію къ международнымъ сношеніямъ и т. п. реальная унія раздѣляетъ судьбу простого государства. Шульце даже особенно настаиваетъ на независимости соединяемыхъ государствъ. «Норвегія — заявляетъ онъ — рѣшительно самостоятельное королевство». Въ первомъ изданіи того же труда (1865 § 62) авторъ и совсѣмъ не упоминаетъ о Gessammtstaat'ѣ.

[1]) **Pözl.** v. «Union» въ Staatswörterbuch Блюнчли и Братера X 669 — 677.

[2]) Juraschek op. cit S. 40.

[3]) См. выше стр. 6.

союзу государствъ, есть институтъ чисто государственный. Въ заключеніе Пёцль опровергаетъ возможность причислять къ уніямъ инкорпорацію и указываетъ на несостоятельность понятія «unio per confusionem». Путемъ такого соединенія образуется, думаетъ авторъ, только одно государство, и объ уніи въ такомъ случаѣ можно говорить не болѣе, какъ исторически; иначе почти всѣ государства имѣли бы право на это названіе. Какъ лучшій примѣръ реальной уніи, опять упомянута Швеція—Норвегія.

Послѣдній изъ приведенныхъ Юрашекомъ писателей, Гольцендорфъ [1]), держась вообще точки зрѣнія Цахаріе, внесъ въ ученіе о реальной уніи моментъ неразрывности. Онъ опредѣляетъ ее именно, «какъ юридически неразрывное соединеніе двухъ или нѣсколькихъ государствъ подъ властью одного и того же монарха», въ отличіе отъ личной уніи, которая, на его взглядъ, юридически расторжима. О причинѣ соединенія какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, Гольцендорфъ не говоритъ. Мы вправѣ, конечно, предположить, что, и по его мнѣнію, неразрывность установлена на основаніи какихъ-нибудь положеній публичнаго права, но вопросъ этотъ во всякомъ случаѣ оставленъ открытымъ. Указанное воззрѣніе, почти совершенно изолированное въ литературѣ по государственному праву [2]), кажется чрезвычайно страннымъ [3]). Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ «неразрывность» соединенія? Всякое правовое положеніе подлежитъ измѣненію, отмѣнѣ и т. п.; для этого можетъ, правда, требоваться наличность извѣстныхъ условій, какъ, напримѣръ, согласіе требуемыхъ факторовъ и др., но незыблемымъ положеніе оттого не станетъ. Самъ авторъ не проводитъ послѣдовательно своего взгляда. Какъ же, при его пониманіи природы реальной уніи, считать состоящими въ такомъ соединеніи Австрію и Венгрію, связь которыхъ, какъ извѣстно, обусловлена, а потому de jure, по крайней мѣрѣ, не вѣчна? Между тѣмъ Гольцендорфъ не задумывается признать указанныя два государства реальной уніей [4]).

---

[1]) v. **Holtzendorff**. Encycl. der Rechtswissensch. 1870; 4-te Aufl. 1882. S. 1017. Взгляды его и Блюнчли, какъ писателей по международному праву, будутъ разсмотрѣны ниже.

[2]) Къ нему въ новѣйшее время (1883) присоединился Гарейсъ. «Allgem. Staatsrecht» въ Handb. Марквардсена I, 1 S. 105—106.

[3]) Cp. Juraschek (op. cit S. 41), Jellinek (op. cit S. 218), Brie Theorie S. 71, Камаровскій, Обзоръ стр. 300.

[4]) Cp. Juraschek op. cit S. 43.

Въ другомъ мѣстѣ онъ опять сомнѣвается, согласуемо-ли съ реальной уніей то обстоятельство, что соединеніе государствъ разсчитано только на продолжительность одной династіи, а по прекращеніи ея каждое изъ государствъ вправѣ избрать себѣ монарха отдѣльно.

Остальные изъ названныхъ мною писателей выказываютъ еще менѣе самостоятельности по сравненію съ теоріей Цахаріе. Г. Мейеръ [1]) въ первомъ изданіи своего учебника дословно повторяетъ опредѣленіе Цахаріе и въ качествѣ примѣровъ приводитъ Австро-Венгрію и Швецію-Норвегію, а Ульбрихъ [2]), подробно развивая, согласно съ характеромъ своей работы, ученіе о реальной уніи, останавливается, главнымъ образомъ, на прочности и закономѣрности разсматриваемаго соединенія. Эти моменты, на взглядъ автора, и отличаютъ реальную унію отъ личной. Большая или меньшая общность въ какихъ-либо государственныхъ учрежденіяхъ, напротивъ, совершенно безразлична въ данномъ отношеніи. Подобно Цахаріе, Ульбрихъ особенно настаиваетъ на томъ, что при реальной уніи государства остаются вполнѣ независимыми, и отрицаетъ возникновеніе Gesammtstaat'а надъ связуемыми политическими тѣлами. Удаляется онъ отъ Цахаріе только въ томъ, что допускаетъ «unio inaequalis», въ каковой, по его мнѣнію, состоитъ независимое государство по отношенію къ присоединеннымъ къ нему землямъ (partes annexae), обладающимъ извѣстной относительной самостоятельностью. Ульбрихъ допускаетъ даже unionem per suppressionem и тѣмъ отчасти приближается къ Клюберу и его непосредственнымъ послѣдователямъ [3]). Къ послѣдователямъ Цахаріе можетъ быть отнесенъ еще Градовскій, который считаетъ реальной уніей только такое соединеніе независимыхъ государствъ въ силу общности монарха, которое установлено ихъ основными законами. Примѣромъ служитъ Швеція-Норвегія. Дуалистическая система Австро-Венгріи, напротивъ, не подводится авторомъ ни подъ понятіе личнаго, ни подъ понятіе реальнаго соединенія на томъ

---

[1]) **G. Meyer.** Lehrb. des deutsch. Staatsrechts I Aufl. 1878 S. 1. О позднѣйшихъ взглядахъ этого писателя см. ниже.

[2]) **Ulbrich.** Die rechtl. Natur der österreich. — ungar. Monarchie 1879 S. 6. ff.

[3]) Каковы: Шмидъ, Іорданъ, Вайсъ (см. Juraschek op. cit. S. 24—27).

основаніи, что связь между обѣими частями монархіи поддерживается здѣсь не только общей династіей, но и нѣкоторыми общими учрежденіями [1]).

§ 4. Вотъ въ возможно болѣе точномъ и объективномъ изложеніи тѣ взгляды на природу реальной уніи, какіе существовали въ литературѣ вплоть до послѣдняго времени, когда на интересующій насъ вопросъ стали обращать особое вниманіе. Взгляды эти высказывались, главнымъ образомъ, въ общихъ сочиненіяхъ по государственному и международному праву. Спеціальнаго же труда о соединеніяхъ государствъ, если не считать старыхъ работъ Пуффендорфа [2]), не было, а тѣмъ менѣе можно было найти сочиненіе, посвященное исключительно вопросу объ уніи. Первой монографіей въ этомъ родѣ явилась работа Юрашека, не разъ уже мною цитированная [3]).

Здѣсь впервые авторъ представилъ обширный положительный матеріалъ, на основаніи котораго онъ строитъ свою теорію. Изъ современныхъ государственныхъ образованій Юрашекъ признаетъ находящимися въ реальной уніи: 1) Швецію и Норвегію, 2) Мекленбургскія гросгерцогства М. Шверинъ и М. Стрелицъ, 3) герцогства Саксенъ-Кобургъ и Готу и 4) Австрію съ Венгріей. Изъ прошлыхъ соединеній, могущихъ быть принятыми за реальную унію, Юрашекъ останавливается на соединеніи Польши съ Россіей въ періодъ отъ 1815 по 1832 годъ. Какъ уже видно изъ этого перечня, Юрашекъ до извѣстной степени отступаетъ отъ своихъ предшественниковъ. И дѣйствительно, хотя онъ въ общемъ непосредственно примыкаетъ къ Цахаріе, отстаиваетъ его взгляды и даже сомнѣвается въ томъ, возможно-ли подвинуть разработку вопроса дальше [4]) въ указанномъ геттингенскимъ ученымъ направленіи, тѣмъ не менѣе онъ не только внесъ въ ученіе много цѣннаго, развилъ и обо-

---

[1]) (Лекціи по государственному праву 1880, стр. 318—319.

[2]) S. Puffendorf. «De Systematibus Civitatum» & «De republica Irregulari». Cp. Brie «Der Bundesstaat» I S. 22 ff.

[3]) Собственно говоря, сочиненіе Юрашека, написанное въ 1878 г., должно было быть поставлено раньше указанной работы Градовскаго и брошюры Ульбриха. Но этотъ небольшой анахронизмъ имѣетъ свое оправданіе въ томъ, что эти писатели, какъ было замѣчено, всецѣло принадлежатъ къ школѣ Цахаріе, предшествовавшей Юрашеку.

[4]) op. cit. S. 42.

сновалъ его, проникши въ глубь того, что Цахаріе едва только намѣтилъ [1]), но по нѣкоторымъ вопросамъ старался также выставить свой собственный взглядъ и въ зависимости отъ этого далъ разбираемому соединенію совершенно новое опредѣленіе. Юрашекъ возстаетъ противъ съуженія понятія реальной уніи, противъ того, что ей старались и стараются давать опредѣленіе аналогичное съ опредѣленіемъ личной уніи, говоря, что въ первой соединеніе государствъ въ лицѣ монарха юридическое, а во второй фактическое [2]). Основываясь на примѣрѣ Мекленбургскихъ гросгерцогствъ, а отчасти и на герцогствѣ Саксенъ-Кобургъ-Готѣ, Юрашекъ приходитъ къ убѣжденію, что связь между государствами въ реальной уніи не должна необходимо состоять въ общности монарха, а потому опредѣляетъ реальную унію, какъ «такое соединеніе двухъ или болѣе государствъ, которое состоитъ въ обусловленной основными законами общности государственныхъ учрежденій или отношеній, безъ созиданія рядомъ съ соединенными государствами или надъ ними новаго государства» [3]). Послѣдняя оговорка оказалась, очевидно нужной для отграниченія реальной уніи отъ понятія союзнаго государства [4]). Въ опредѣленіе личной уніи Юрашекъ, напротивъ, не вноситъ ничего новаго, считая ее, согласно прежнему, соединеніемъ государствъ въ лицѣ монарха въ силу исключительно личныхъ правъ одного и того же лица на занятіе престола въ различныхъ государствахъ [5]). Въ виду такого пониманія, Юрашекъ совершенно послѣдовательно отрицаетъ возможность подведенія личной и реальной уніи подъ одно понятіе и тѣмъ самымъ исключаетъ категорію «unio ex jure imperii» [6]).

На самостоятельности и независимости соединяемыхъ государствъ Юрашекъ настаиваетъ болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, утверждая, что надъ государствами нѣтъ централь-

---

[1]) Ср. **Bulmerincq.** Völkerrecht въ Marquards-Handb. I, 2 S. 195 и собственную програму Юрашека op. cit S. 45.

[2]) Op. cit. S. 81 ff.

[3]) Op. cit. S. 95. Указанное расширеніе еще раньше, во вниманіе къ Мекленбургскимъ гросгерцогствамъ, было сдѣлано Клюберомъ (Öffentl. Recht. § 82), но отвергнуто Цахаріе (l. c.).

[4]) Ср. Juraschek op. cit S. 97.

[5]) ibid. S. 77.

[6]) ibid. S. 42, 45.

ной власти,[1]) и выставляя суверенитетъ ихъ, какъ одно изъ трехъ необходимыхъ для наличности реальной уніи условій [2]); остальными двумя являются, по его мнѣнію, соединеніе въ силу основныхъ законовъ и общность государственно-правовыхъ учрежденій. Мало того. При разсмотрѣніи соединенія Австріи и Венгріи, которое онъ не колеблется признать реальной уніей [3]), Юрашекъ доказываетъ, что каждое изъ названныхъ государствъ имѣетъ свою особую территорію, свое особое населеніе и подданство. Въ существованіи отдѣльной верховной власти для каждаго изъ государствъ Юрашекъ также не сомнѣвается: онъ прямо утверждаетъ, что монархъ только физически одно лицо, а юридически — два [4]), что законодательныя собранія для государствъ раздѣльны, — и съ большой убѣдительностью и успѣхомъ отстаиваетъ этотъ взглядъ и въ отношеніе делегацій [5]). Несмотря на все это, авторъ безусловно требуетъ признанія за реальной уніей характера государственно-правоваго [6]). Bundesstaat и реальная унія — говоритъ онъ — суть два единственныхъ соединенія, построенныхъ на государственной почвѣ [7]). Реальная унія — настоящее, дѣйствительное соединеніе государствъ [8]), въ противоположность личной уніи и союзу государствъ въ техническомъ смыслѣ слова. Настоящимъ же, а, слѣдовательно, и государственно-правовымъ оно должно считаться потому, что соединеніе основано на общности органа или учрежденія государственнаго, а не международнаго или частно-правнаго. Государственныя учрежденія, служащія, такимъ образомъ, звеномъ государствъ въ реальной уніи, раздѣляются Юрашекомъ на пять группъ [9]): 1) территорія и населеніе, 2) государственная власть [10]), 3) законодательное собраніе, 4) административные

---

[1]) ibid. S. 97 & 103.
[2]) ibidem. S. 84.
[3]) ibid. S. 102.
[4]) ibid. S. 107.
[5]) ibid. S. 112 ff.
[6]) ibid. S. 85, 88, 96 & passim.
[7]) ibid. S. 96.
[8]) ibid. S. 88, 96 и др.
[9]) ibid. S. 88 ff.
[10]) Неточное выраженіе: какъ видно изъ послѣдующаго (S. 89) и изъ примѣровъ, Юрашекъ имѣлъ здѣсъ въ виду носителя государственной власти — монарха.

органы и 5) судебные органы. Почти всѣ существующія реальныя уніи основываются на общности двухъ и даже болѣе изъ этихъ группъ. Такъ, Швеція и Норвегія, по Юрашеку, имѣютъ общаго монарха и общіе административные органы; въ Россіи и Польшѣ общность распространяется еще вдобавокъ на территорію; въ Саксенъ-Кобургъ-Готѣ общи всѣ государственныя учрежденія безъ исключенія. Только соединеніе гросгерцогствъ мекленбургскихъ основано на общности одного лишь законодательнаго собранія. Эти соображенія вмѣстѣ съ тѣмъ приводятъ Юрашека къ заключенію, что твердой и прочной формы реальной уніи не существуетъ [1]), что по природѣ она способна безконечно разнообразиться и видоизмѣняться и что предѣломъ бóльшей или меньшей связи между соединяемыми государствами можетъ считаться только унитарное государство, въ которое реальная унія и способна переходить постепенно и незамѣтно.

Расширеніе, внесенное Юрашекомъ въ ученіе о реальной уніи, нашло себѣ послѣдователя въ лицѣ Шульце [2]), который, отказавшись отъ своего прежняго взгляда [3]), допускаетъ точно также, какъ и Юрашекъ [4]), соединеніе путемъ реальной уніи между республиками [5]), хотя — соглашается и онъ — самымъ обыкновеннымъ типомъ реальной уніи является тотъ именно, который основанъ на общности монарха, а потому возможенъ только въ монархическихъ государствахъ. Всѣ примѣры, приведенные Юрашекомъ, повторяются и Шульце. Наконецъ, наз-

---

[1]) Ibid. S. 94. Еще дальше въ этомъ направленіи идетъ Цорнъ (Das Staatsrecht des deutsch. Reiches I S. 50; ср. Resch Europ. Völkerrecht S. 38), утверждающій, что реальная унія юридически совсѣмъ не можетъ быть точно опредѣлена («Die Realunion ist gar kein juristisch präcisirbarer Begriff») и Ашегугъ («Das Staatsrecht der vereinigten Königreiche Schweden & Norwegen» въ Marquards. Handb. IV, II, 2 § 9), который, если не ошибаюсь, считаетъ реальной уніей всякое соединеніе, основанное на продолжительной общности извѣстныхъ учрежденій. Ср. также мнѣніе Гарейса (op. cit. S. 106) и различіе, дѣлаемое имъ между этимологическимъ и историческимъ значеніемъ понятія реальной уніи: онъ полагаетъ, что этимологически «реальная унія» означаетъ общность любого интереса, а исторически только одного монарха.

[2]) **Schulze**. Lehrb. des deutsch. Staatsrechts I S. 43 — 44.

[3]) См. выше стр. 9.

[4]) Op. cit. S. 84, 89.

[5]) Ср. выше теорію Гельда.

ванные писатели сходятся и въ томъ, что реальная унія склонна къ переходу въ простое государство. Шульце полагаетъ, впрочемъ, что изъ нея можетъ возникнуть и Staatenstaat, если надъ обоими соединенными государствами успѣетъ возвыситься новое государство (Oberstaat).

§ 5. Воззрѣнія Юрашека нашли сильнаго противника въ лицѣ Iellinek'a. Въ своемъ капитальномъ трудѣ «Die Lehre von den Staatenverbindungen» [1]) онъ возстаетъ противъ присвоенія реальной уніи государственно-правового характера. Разъ, говоритъ онъ, мы имѣемъ дѣло съ самостоятельными государствами, то очевидно, что предъ нами соединеніе международнаго права [2]). Подробнѣе онъ старается доказать это положеніе своимъ ученіемъ о происхожденіи реальной уніи. Въ противоположность Юрашеку, Цахаріе и всей его школѣ, онъ утверждаетъ [3]), что никакой законъ, ни основной, ни другой, не въ состояніи породить реальную унію, что образованія ея должно искать не въ законахъ связанныхъ государствъ, а только въ договорѣ между ними. Развѣ, спрашиваетъ онъ, законодательство одного государства можетъ обязать другое равноправное съ нимъ государство, остающееся самостоятельнымъ? Очевидно, нѣтъ. Независимое государство можетъ быть обязано лишь въ силу своей собственной на то воли, въ силу соглашенія, состоявшагося между нимъ и другимъ государствомъ, или, другими словами, въ силу договора чисто международнаго характера. Если и имѣются на лицо законы, опредѣляющіе соединеніе государствъ, находящихся въ реальной уніи, то законы эти, по мнѣнію Іеллинека, являются лишь слѣдствіемъ, вытекающимъ изъ соглашенія, и нужны лишь для извѣстныхъ цѣлей выполненія его. Юридически же они вліянія не имѣютъ, и основаніемъ соединенія остается по прежнему одинъ только договоръ. А если такъ, заключаетъ Іеллинекъ, если отношенія между связанными государствами чисто договорныя, то немыслимо говорить о государственномъ характерѣ соединенія: какъ всякій союзъ суверен-

[1]) Нашему вопросу посвящены стр. 197—253.

[2]) Op. cit. S. 204.

[3]) Ibid. S. 198 ff.

ныхъ государствъ, оно всегда будетъ относится къ сферѣ права международнаго [1]).

Іеллинекъ далѣе не соглашается и съ тѣмъ расширеніемъ понятія реальной уніи, которое придалъ ему Юрашекъ. Разсмотрѣніе публично-правовыхъ нормъ Мекленбургъ-Шверина и Мекленбургъ-Стрелица приводитъ его къ совершенно инымъ выводамъ, нежели къ какимъ пришелъ Юрашекъ, слѣдствіемъ чего является исключеніе означеннаго государственнаго образованія изъ числа государствъ, находящихся въ реальной уніи. Въ зависимости отъ этого онъ и даетъ свое опредѣленіе реальной уніи, — опредѣленіе, болѣе полное, чѣмъ всѣ предыдущія, могущее избѣгнуть упрека въ шаблонности и безсодержательности [2]). «Реальная унія—на взглядъ Іеллинека—есть лишь видъ союза государствъ въ собственномъ смыслѣ слова [3]). Это именно та форма Staatenbund'a, которая образуется, когда два другъ отъ друга независимыхъ государства (или бо́льшее ихъ число) юридически такъ соединяются съ цѣлью общей защиты, что одно и то же физическое лицо является носителемъ государственной власти въ обоихъ государствахъ. Соединяемыя государства вправѣ при этомъ распространить союзъ и въ отношеніе другихъ государственныхъ функцій».

Совершенно иными представляются взгляды другого писателя, который, хотя и принялъ во всѣхъ частяхъ данное Іеллинекомъ опредѣленіе реальной уніи, но существенно расходится съ нимъ въ пониманіи юридической природы трактуемаго соединенія. Этотъ писатель—Гарейсъ [4]). Полагая, съ одной стороны, что реальная унія не иное что, какъ видъ союза государствъ, и, повторяя буквально приведенную уже дефиницію Іеллинека, онъ, съ другой, считаетъ реальную унію образованіемъ чисто государственно-правовымъ. Это обстоятельство, по справедливости, кажущееся чрезвычайно страннымъ, не можетъ однако служить основаніемъ для обвиненія Гарейса въ

---

[1]) Ibid. S. 205.

[2]) Juraschek op. cit. S. 95.

[3]) Iellinek op. cit. S. 215. Я передаю опредѣленіе реальной уніи по возможности дословно.

[4]) **Gareis**. Allgem. Staatsrecht. 1883 (въ Marquards. Handb. I, 1). S. 100 ff.

непослѣдовательности. Дѣло въ томъ, что этотъ авторъ причисляетъ и союзъ государствъ къ государственнымъ соединеніямъ: на ряду съ союзнымъ государствомъ и реальной уніей Staatenbund является формой проявленія сложнаго государства, такъ называемаго государства государствъ [1]).

Въ связи съ пониманіемъ природы реальной уніи стоитъ и ученіе Гарейса о ея происхожденіи и основаніи. Таковымъ является у него не договоръ, какъ у Іеллинека, а законъ. Соединеніе въ силу закона отличаетъ реальную унію отъ личной; реальная унія есть покоящаяся на законодательствѣ унія личная. Въ послѣдней, говоритъ Гарейсъ, связуемыя государства остаются вполнѣ обособленными унитарными государствами; въ первой, какъ и въ Staatenstaat'ѣ вообще, получается новое государственное образованіе, отличное отъ каждаго изъ составляющихъ его тѣлъ не только количественно, но и качественно, имѣющее свои собственные интересы и свою собственную верховную власть. Хотя авторъ и настаиваетъ дальше на отдѣленіи частей и сохраненіи за каждой изъ нихъ своего особеннаго законодательства, управленія и т. п., тѣмъ не менѣе о соединеніи настоящихъ, независимыхъ государствъ съ его точки зрѣнія не можетъ быть и рѣчи [2]). Терминъ «соединеніе государствъ» даже замѣненъ терминомъ «соединеніе территорій». Примѣромъ реальной уніи между тѣмъ выставляется все-таки Австро-Венгрія.

Ученіе Гарейса крайне своеобразно. Не касаясь пока его правильности, отмѣчу только тотъ фактъ, что оно воскресило давно забытые взгляды временъ Пюттера, согласно съ которыми unio realis (aequalis) являлась полноправнымъ соедине-

---

[1]) Еще дальше въ этомъ же направленіи идетъ Лентнеръ (Grundriss des Staatsrechts der österr.-ungar. Monarchie S. 14), который сверхъ Staatenbund'а относитъ къ государственнымъ соединеніямъ и личную унію. Соотвѣтственно этому реальная унія предполагаетъ, по его мнѣнію, общность не только монарха, но и извѣстныхъ органовъ и учрежденій (войска, флота (!), международнаго представительства, таможенной системы (!). Совершенно непонятно, какъ при такомъ опредѣленіи авторъ находитъ возможнымъ выставлять образцомъ реальной уніи Швецію—Норвегію.

[2]) О томъ, что реальная унія, по Гарейсу, юридически нерасторжима см. выше стр. 11. Это мнѣніе, впрочемъ, при изложенномъ пониманіи, является далеко не столь непонятнымъ, какъ у Гольцендорфа. Ср. Neumann. Grundriss des ... Völkerrechts S. 19; Капустинъ. Обозрѣніе стр. 67.

ніемъ государствъ, за которыми послѣ того оставлялась извѣстная сумма правъ и нѣкоторая доля самостоятельности. Сходство такой реальной уніи съ инкорпорацiей не можетъ подлежать сомнѣнію [1]).

Если только-что разсмотрѣнная теорія коренным образомъ расходится съ ученіемъ Іеллинека (несмотря на тождество въ опредѣленіяхъ) и можетъ считаться даже прямо ему противоположной, то теорія новѣйшаго изслѣдователя природы реальной уніи, профессора Бри, согласуется съ нимъ, напротивъ, во всѣхъ почти существенныхъ чертахъ [2]). Бри полагаетъ именно, согласно съ Іеллинекомъ, что реальная унія примѣнима только къ монархіямъ, и опредѣляетъ ее какъ «союзъ государствъ, основанный на юридической общности монарха». Государства остаются при этомъ совершенно самостоятельными и независимыми; соединеніе по своему характеру относится къ международному праву. Отступленіе отъ теоріи Іеллинека незначительно. Бри, правда, не считаетъ реальную унію видомъ Staatenbund'а, но такое пониманіе имѣетъ своей причиной не различіе взглядовъ этихъ двухъ писателей на природу реальной уніи, а только различіе ихъ отношенія къ Staatenbund'у. Причисляя поэтому реальную унію къ ассоціаціямъ государствъ вообще, Бри въ частности причисляетъ ее къ Staatenvereine, а не Staatenbünde [3]). Нѣсколько важнѣе его несогласіе съ Іеллинекомъ въ другомъ пунк-

---

[1]) Ср. Juraschek op. cit. S 17.

[2]) **Brie.** «Zur Lehre von den Staatenverbindungen» IX въ Grünh. Zeitschr. 1884. Bd. XI S. 134 & «Theorie der Staatenverbindungen» S. 69 ff.

[3]) По ученію Бри, характерный признакъ ассоціаціи заключается въ юридическомъ обязательствѣ государствъ стремиться къ положительному осуществленію какой-либо общей цѣли. Такія соединенія бываютъ либо неорганизованными (политическіе союзы), либо организованными. Послѣднія, въ свою очередь, распадаются на двѣ особыхъ группы: Staatenvereine, состоящіе изъ государствъ, установившихъ между собой тѣ или иные общіе органы, и Staatengemeinwesen—изъ государствъ, принявшихъ форму союзовъ (Bünde), т. е. создавшихъ независимо отъ отдѣльныхъ членовъ особые органы для общей цѣлостной, такъ сказать, воли всего ихъ соединенія (Gesammtwillen). Staatenvereine различаются далѣе другъ отъ друга тѣмъ, что общіе органы или занимаютъ въ государствахъ второстепенное подчиненное мѣсто (соединенія въ области управленія или суда), или же являются носителями самой верховной власти. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы и говоримъ о реальной уніи («Theorie» S. 52 ff).

тѣ. Въ то время какъ послѣдній единственнымъ основаніемъ реальной уніи считаетъ договоръ, Бри сверхъ того признаетъ таковымъ обычное право и вообще всякую общую и обязательную для соединяемыхъ государствъ причину. Но и въ этомъ трудно усмотрѣть серіозное разногласіе во взглядахъ, тѣмъ болѣе, что самъ Бри соглашается, что всѣ существующія нынѣ реальныя уніи безъ исключенія построены на договорѣ [1]).

Далеко не такъ согласны упомянутые два писателя въ отнесеніи того или другаго соединенія къ числу реальныхъ уній. Хотя Бри, подобно Іеллинеку, отказываетъ Мекленбургскимъ гросгерцогствамъ и Саксенъ-Кобургъ-Готѣ въ признаніи ихъ реальными уніями, но зато онъ причисляетъ сюда Россію-Финляндію, Кроацію-Венгрію и Россію-Польшу въ періодъ отъ 1815 по 1832 годъ (послѣднее согласно съ Юрашекомъ). Такимъ образомъ, присоединяя два указанныхъ современныхъ соединенія къ тѣмъ двумъ, которыя были исключительно признаны Іеллинекомъ въ качествѣ реальныхъ уній — Швеціи-Норвегіи и Австро-Венгріи, — онъ приходитъ къ убѣжденію, что въ настоящее время имѣется въ Европѣ четыре образованія публичнаго права, которыя необходимо подвести подъ категорію реальныхъ уній.

Г. Мейеръ [2]) въ послѣднемъ изданіи своего учебника цѣликомъ принялъ ученіе Бри со всѣми его поправками по сравненію съ воззрѣніями Іеллинека. Изъ названныхъ соединеній указаны, впрочемъ, въ качествѣ примѣровъ только Швеція-Норвегія и Австро-Венгрія.

Проф. Сокольскій [3]), напротивъ, присоединяется къ мнѣнію Іеллинека. «Однимъ изъ видовъ союза государствъ — говоритъ онъ — является т. н. реальная унія, то есть такое основанное на договорѣ соединеніе нѣсколькихъ остающихся независимыми государствъ, для общей обороны или даже для преслѣдованія иныхъ цѣлей управленія, при которомъ верховная власть въ каждомъ изъ заключившихъ унію государствъ ввѣряется одному и тому же физическому лицу съ различеніемъ въ немъ нѣсколь-

---

[1]) Обо всемъ этомъ подробно въ догматической части.

[2]) G. Meyer. Lehrb. des deutsch. Staatsrechts. 2 Aufl. 1885 § 12.

[3]) «Краткій учебникъ русскаго государственнаго права. 1890» стр. 13.

кихъ юридическихъ личностей». Какъ примѣры, проф. Сокольскій приводитъ Австро-Венгрію и Швецію-Норвегію.

Этими писателями я заканчиваю изложеніе литературы о реальной уніи по государственному праву. Приведенными именами почти всецѣло исчерпывается число государствовѣдовъ, выразившихъ, начиная со второй половины текущаго столѣтія, болѣе или менѣе существенное мнѣніе или до извѣстной степени самостоятельное сужденіе о трактуемомъ соединеніи.

§ 6. Теперь, согласно принятой системѣ, слѣдовало бы перейти къ разсмотрѣнію положенія нашего вопроса въ литературѣ по международному праву. Но прежде чѣмъ это сдѣлать, я считаю небезполезнымъ остановиться еще разъ на приведенныхъ уже воззрѣніяхъ писателей съ тѣмъ, чтобы сгруппировать ихъ и указать на ихъ сходство и различіе.

По своему отношенію къ занимающему насъ вопросу писатели по государственному праву распадаются на три группы, согласно тремъ главнѣйшимъ представителямъ ученія о реальной уніи. Писатели первой группы, съ Г. Цахаріе во главѣ, кладутъ въ основаніе своего опредѣленія соединеніе въ силу основныхъ законовъ связуемыхъ государствъ, принимая въ то же время за соединяющее эти государства звено обязательно и исключительно власть монарха. Писатели второй категоріи, обусловливая соединеніе точно также основными законами и признавая его государственно-правовымъ, называютъ, по примѣру Юрашека, реальной уніей всякое соединеніе посредствомъ общихъ государственныхъ учрежденій. Нѣкоторые ученые, какъ мы видѣли, идутъ въ этомъ направленіи даже дальше. Писатели третьей группы, наконецъ, главнымъ образомъ Іеллинекъ и Бри, опредѣляютъ реальную унію, какъ юридическое соединеніе государствъ подъ властью одного монарха. Соединеніе государствъ— международно-правовое и покоится притомъ, по мнѣнію этихъ писателей, на юридическомъ основаніи общемъ и обязательномъ для соединяемыхъ государствъ, каковымъ въ большинствѣ случаевъ (а по Іеллинеку всегда) является международный договоръ.

Такимъ образомъ, писатели послѣдней категоріи сходятся съ послѣдователями Цахаріе въ признаніи необходимымъ для реальной уніи лица государя, какъ связующаго государства элемента. Писатели второй группы имѣютъ, въ свою очередь, то общее со сторонниками первой школы, что допускаютъ одина-

ковое съ ними основаніе для союза государствъ и приписываютъ ему одинаковую юридическую природу [1]). Наиболѣе, слѣдовательно, отличаются другъ отъ друга мнѣнія Юрашека и Іеллинека. Мнѣніе Цахаріе занимаетъ среднее между ними мѣсто.

Но указаннаго сходства мало. При всемъ видимомъ разногласіи крайнихъ взглядовъ, и между ними существуетъ точка соприкосновенія. Дѣло въ томъ, что всѣ три теоріи — и въ этомъ ихъ общее сходство — согласны между собой насчетъ одного существеннаго признака. Этотъ признакъ, допускаемый и даже требуемый всѣми государствовѣдами, занимавшимися вопросомъ о реальной уніи, заключается въ суверенитетѣ, самостоятельности и полной независимости соединяемыхъ государствъ. Исключеніями являются въ этомъ отношеніи лишь Блюнчли и Гарейсъ, изъ которыхъ первый, какъ извѣстно, только повторялъ воззрѣнія, высказанныя имъ еще весьма рано, а второй вообще удивляетъ насъ своимъ страннымъ, не совсѣмъ яснымъ и въ высшей степени оригинальнымъ ученіемъ о соединеніяхъ государствъ.

Послѣ этого краткаго сопоставленія уже разсмотрѣнныхъ ученій я перехожу къ литературѣ по международному праву.

Б. § 7. Произведенія этой отрасли публичнаго права касаются занимающаго насъ вопроса только слегка и притомъ, за весьма немногими случаями, крайне поверхностно. Интересуясь государствомъ лишь поскольку оно является субъектомъ международныхъ сношеній и констатируя, что государства, состоящія въ реальной уніи, если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, выступаютъ въ качествѣ единаго субъекта международнаго права,— писатели - интернаціоналисты этимъ вполнѣ удовлетворяются и, не вникая въ публично-правовый характеръ соединенія, принимаютъ его естественно за унитарное государство. Такимъ образомъ, реальная унія и инкорпорація являются съ ихъ точки зрѣнія равносильными понятіями, и многіе изъ нихъ, какъ мы увидимъ ниже, не колеблются заявить это открыто. Мало того: вопросы о томъ, ка-

[1]) Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ къ этимъ школамъ примыкаетъ и Гирке, являющійся отчасти сторонникомъ государственно-правового характера реальной уніи. (См. ниже).

ково взаимное отношеніе связуемыхъ государствъ, каково основаніе соединенія, какова его природа и т. п., представляются для упомянутыхъ писателей дотого безразличными, что они даже недоумѣваютъ, почему въ сочиненіяхъ по международному праву удѣляется мѣсто ихъ разъясненію. Такъ, Фіоре упрекаетъ Кальво и Лоренса въ томъ, что, при обсужденіи формъ соединенія, они стараются отграничить инкорпорацію отъ реальной уніи. «Такія разграниченія — говоритъ Фіоре — въ области международнаго права совершенно неумѣстны; ихъ можно проводить въ государственномъ правѣ; важны они, пожалуй, и для вопроса о внутреннемъ самоуправленіи частей политическаго тѣла; но разъ дано единство власти, которой принадлежитъ исключительная возможность пріобрѣтать права во внѣшнихъ сношеніяхъ и принимать на себя обязательства, — международная личность является одной и той же: для международнаго права Австро-Венгрія ничѣмъ не отличается отъ Великобританіи» [1]). «Кто вступилъ бы въ договоръ съ Венгріей — утверждаетъ Филлиморъ [2]) — нарушилъ бы нормы международнаго права точно такъ же, какъ и тотъ, кто заключилъ бы трактатъ съ Ирландіей»,—а потому соединенія Австріи съ Венгріей, съ одной стороны, Англіи, Шотландіи и Ирландіи, съ другой, принимаются авторомъ за вполнѣ аналогичныя.

Въ силу такого отношенія трактуемыхъ писателей, взгляды, высказанные ими на реальную унію, во-первыхъ, крайне немногочисленны, а, во-вторыхъ, весьма однообразны. При полномъ почти пренебреженіи вопросомъ; при постоянной наличности однихъ и тѣхъ же ученій, въ видѣ бѣгло высказываемыхъ мнѣній, повторяемыхъ на пространствѣ полувѣка; при изолированности тѣхъ немногихъ писателей, которые остановились нѣсколько подробнѣе на трактуемомъ соединеніи и воззрѣнія которыхъ представляются чѣмъ-то въ родѣ разбросанныхъ въ пустынѣ оазисовъ,—при такомъ характерѣ литературы по международному праву нѣтъ, конечно, возможности говорить о постепенномъ выясненіи понятія реальной уніи, взаимномъ отношеніи и зависимости другъ отъ друга теорій и т. п., нѣтъ также воз-

---

[1]) **Pasquale Fiore**. Nouv. droit internat. publique. Trad. 1885. T. I, § 336.

[2]) **Phillimore**. Commentaries upon internat. law. 2 ed. 1871. I p. 94.

можности прослѣдить ученія генетически, по мѣрѣ ихъ возникновенія и завоеванія себѣ мѣста въ ряду другихъ, имъ родственныхъ и противоположныхъ. Въ силу этихъ причинъ я принужденъ въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи отказаться отъ историческаго метода, примѣненнаго мною къ разсмотрѣнію литературы нашего вопроса по государственному праву, и долженъ, во избѣжаніе безплодныхъ повтореній и отступленій, ограничиться приведеніемъ лишь главныхъ взглядовъ, раздѣленіемъ всѣхъ прочихъ на небольшое число категорій и сравненіемъ этихъ категорій между собой.

§ 8. Одинъ изъ старѣйшихъ нѣмецкихъ писателей по международному праву, знаменитый Гефтеръ [1]), опредѣляетъ реальную унію, какъ всякое соединеніе государствъ, при которомъ сами государства вступаютъ въ союзъ для полной или частичной общности судьбы. При этомъ подъ понятіе реальной уніи Гефтеръ подводитъ какъ соединеніе во имя общей защиты и другихъ какихъ-либо цѣлей (примѣръ: Швеція - Норвегія), такъ и инкорпорацію, Bundesstaat и даже простое государство. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ признается существованіе центральной власти надъ связуемыми государствами.

Новѣйшій издатель сочиненія Гефтера, Геффкенъ [2]), въ своихъ примѣчаніяхъ къ его ученію объ уніи замѣчаетъ, что Гефтеръ недостаточно ясно различаетъ разнообразные случаи, при чемъ, съ своей стороны, указываетъ, что тамъ, гдѣ одна только общность монарха, имѣетъ мѣсто личная унія, а въ такихъ случаяхъ, какъ соединеніе австрійскихъ Kronländer или Россіи съ Финляндіей, существуетъ унія реальная. Швеція и Норвегія, прибавляетъ Геффкенъ, хотя и личная унія, но не чистая, такъ какъ по прекращеніи нынѣ царствующей династіи государства должны будутъ приступить къ совмѣстному избранію короля.

Мнѣнія, сходнаго съ мнѣніемъ Геффкена, держится и другой, почти столь же старый, какъ Гефтеръ, писатель — Оппенгеймъ [3]). Онъ считаетъ всякое соединеніе ex jure imperii

---

[1]) **Heffter**. Das Europ. Völkerrecht. 1844. § 20. Изложенный взглядъ сохраненъ во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ.

[2]) Op. cit. 7 Aufl. bearb. von D-r Geffcken. 1881.

[3]) **Oppenheim**. System des Völkerrechts. 1 Aufl. 1845, 2 Aufl. 1866. S. 96, 97.

личной уніей, которая распадается у него на unio personalis temporaria и unio personalis perpetua. Реальная же унія необходимо предполагаетъ помимо общности монарха еще единство частей, а потому создаетъ настоящее государство.

Взглядъ Оппенгейма встрѣтилъ сочувствіе въ литературѣ по международному праву и былъ принятъ писателями для разграниченія личной уніи отъ реальной. Такъ, напримѣръ, Блюнчли [1]), повторяя его почти дословно, принимаетъ Австро-Венгрію за реальную унію лишь потому, что между обѣими частями монархіи существуютъ общія министерства и делегаціи. Швеція-Норвегія, по его мнѣнію, личная унія, но въ силу особенности, состоящей въ совмѣстномъ избраніи новой династіи, онъ допускаетъ и для нея названіе реальной уніи.

Треверсъ-Твисъ [2]) точно также находитъ, что всякое соединеніе, не только случайное и временное, но и необходимое и продолжительное, если основано на одномъ jus imperii, должно приниматься за личную унію, такъ какъ союзъ обусловленъ общностью «лица» и въ немъ нѣтъ ничего реальнаго. «Но — продолжаетъ онъ — согласно съ двумя указанными разновидностями соединенія, слѣдуетъ различать unio personalis временную и продолжительную. Временной является соединеніе Англіи съ Ганноверомъ съ 1714 по 1837 г., продолжительной—Австріи съ Венгріей до 1867 года. Впрочемъ, Треверсъ-Твисъ соглашается, что въ первомъ случаѣ обыкновенно говорятъ о личной, а во второмъ — о реальной уніи [3]).

Отъ указаннаго ученія объ образованіи путемъ реальной

---

[1]) **Bluntschli.** Das moderne Völkerrecht. 2 Aufl. 1872. Art. 75.—Замѣтимъ, что раздѣленіе личной уніи встрѣчается и въ его сочиненіи по государственному праву, равно какъ въ трудахъ Гарейса.

[2]) **Travers-Twiss.** The Law of Nations. 2 ed. 1884. I, § 38—§ 40.

[3]) Совершенно одиноко стоитъ крайне оригинальный взглядъ Треверсъ-Твиса, по которому до 1867 года имѣлась реальная унія между германскими и негерманскими государствами, бывшими подъ скипетромъ Габсбургскаго дома, на томъ основаніи, что первыя входили въ германскій союзъ и составляли вмѣстѣ съ тѣмъ часть Австрійской монархіи; то же самое должно-де сказать и объ отношеніи другъ къ другу германскихъ и негерманскихъ государствъ Гогенцоллерновъ. Въ такихъ случаяхъ, думаетъ Треверсъ-Твисъ, нѣмецкіе писатели справедливо говорятъ о Gesammtstaat'ѣ (Whole-State) въ отличіе отъ его частей.

уніи цѣльнаго государства ничѣмъ почти не отличается то воззрѣніе, въ силу котораго реальная унія есть не иное что, какъ инкорпорація, при которой за присоединенной частью оставляется нѣкоторая доля самостоятельности. Этотъ взглядъ высказывается цѣлымъ рядомъ писателей, каковы Функъ-Брентано и Сорель [1]), Пертиле [2]), Нейманъ [3]), Стояновъ [4]) и др. Всѣ они приравниваютъ реальную унію къ инкорпораціи и для наличности первой ставятъ единственнымъ условіемъ сохраненіе извѣстной автономіи, извѣстныхъ правъ и преимуществъ; объ отдѣльномъ существованіи государствъ въ реальной уніи, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть и рѣчи. Сообразно съ этимъ, наше соединеніе, въ противоположность личной уніи, они принимаютъ за неразрывное. Въ качествѣ примѣровъ ими приводятся почти безъ исключенія для unio personalis Швеція - Норвегія, а для unio realis — Великобританія, отчасти Австро - Венгрія, которая, на ихъ взглядъ, уже колеблется между той и другой формой соединенія.

Нѣсколько ближе къ пониманію истины другая группа писателей, утверждающихъ, что реальная унія тѣмъ отличается отъ личной, что она поглощаетъ суверенитетъ соединяемыхъ государствъ: вездѣ — говорятъ эти писатели, — гдѣ только при unio sub eodem imperante встрѣчается суверенитетъ отдѣльныхъ государствъ, мы имѣемъ предъ собой не реальную унію, а личную. Такого мнѣнія держатся Филлиморъ [5]), Кальво [6]), Кризи [7]), Галлекъ [8]), отчасти Фіоре [9]), Арнцъ [10]) и пр. Эти ученые, хотя и отличаютъ уже реальную унію отъ инкорпораціи, но подчасъ выставляютъ въ видѣ примѣровъ такія соединенія, которыя могутъ быть причислены только къ инкорпораціямъ,

---

[1]) **Funck-Brentano & Sorel**. Précis du droit des gens. 1877. p. 36 etc.
[2]) **Pertile**. Elem. di diritto internazion. 1877. I p. 94 etc.
[3]) **v. Neumann**. Grundriss des heut. Europ. Völkerrechts. 1885. S. 19.
[4]) **Стояновъ**. Очерки исторіи и догматики междунар. права. 1875. стр. 293 и слѣд.
[5]) Commentaries I, p. 94 etc.
[6]) **Calvo**. Le droit internation. 3 ed. 1880. I p. 149 etc.
[7]) **Creasy**. First platform of internat. law. 1876 p. 137 etc.
[8]) **Halleck**. Internat. Law. 1878. I, p. 62 etc.
[9]) Nouv. droit internat. §§ 336, 337.
[10]) **Arntz**. Programme du cours de droit des gens. 1882. p. 28 etc.

—какъ, напримѣръ, отдѣльныя части Цислейтаніи, Великобританіи и т. п.

§ 9. Совершенно иначе смотрятъ на дѣло тѣ писатели, которые, если и разсматриваютъ вопросъ съ международной точки зрѣнія, то все же обращаютъ вниманіе и на государственно-правовую сторону соединенія. Эти писатели распадаются, въ свою очередь, на двѣ категоріи. Одни останавливаются преимущественно на основаніи соединенія и на степени его прочности и продолжительности; другіе оттѣняютъ различіе положенія связуемыхъ государствъ во внутреннемъ и внѣшнемъ сношеніяхъ; но какъ тѣ, такъ и другіе, признаютъ за этими государствами полную самостоятельность, независимость и суверенитетъ.

Писатели первой категоріи [1]) считаютъ реальную унію постояннымъ и обусловленнымъ основными законами соединеніемъ государствъ подъ властью одного монарха. Примѣрами у нихъ служатъ Швеція - Норвегія, Австро - Венгрія, а у Бульмеринка сверхъ того всѣ соединенія, принятыя за реальныя уніи Юрашекомъ и Шульце, то есть мекленбургскія гросгерцогства, Саксенъ-Кобургъ-Гота и Россія - Польша отъ 1815 г. по 1832 годъ. Подражаніе этихъ писателей государствовѣдамъ школы Цахаріе и отчасти Юрашека слишкомъ очевидно. Ко второй слѣдуетъ причислить Прадье-Фодере[2]), Карнацца-Амари [3]), Мартенса [4]), Гольцендорфа [5]), изъ старыхъ писателей Уптона [6]). Ихъ положеніе состоитъ въ томъ, что должно различать суверенитетъ внутренній и внѣшній, что первый сохраняется за

---

[1]) Каковы: **Resch**. Das Europ. Recht der Gegenwart. 1885. S. 38, **Bulmerincq**. Völkerrecht. 1884 въ Marquards. Handb. I, II, 2. S. 194—195, **Ивановскій** (Лекціи по праву междунар. и дипломаціи. 1866, стр. 55 и слѣд.), различающій реальную унію на равныхъ правахъ государствъ и съ подчиненіемъ одного государства другому, въ каковомъ послѣднемъ случаѣ получается инкорпорація. Это раздѣленіе напоминаетъ собой unio realis aequalis и unio realis inaequalis Клюбера (ср. Arntz l. c.).

[2]) **Pradier-Fodéré**. Traité de droit internat. 1885. T. I, § 118—§ 124.

[3]) **Carnazza-Amari**. Traité de droit internat. Trad. 1880. I p. 269 etc.

[4]) **Мартенсъ**. Соврем. междунар. право. 2 изд. 1887. I стр. 243 и сл.

[5]) **Holtzendorff**. Handb. des Völkerrechts. II S. 123 ff.

[6]) **Wheaton**. Elem. of internat. Law. 1836. Ed. 1880. § 40 — § 49 и **Beach-Lawrence**. Commentaire sur les élém. de droit internat. de Wheaton. 1868. T. I p. 268—342.

каждымъ изъ соединяемыхъ государствъ и что только въ отношеніе послѣдняго государства слиты. «Реальная унія—говоритъ Карнацца-Амари — состоитъ въ томъ, что, сохраняя отдѣльное устройство, законодательство и управленіе, государства въ международныхъ сношеніяхъ являются единымъ субъектомъ. Истинный характеръ этого рода союза заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ производитъ общность внѣшняго суверенитета, между тѣмъ какъ суверенитетъ внутренній остается почти всецѣло обособленнымъ и отличнымъ. Это скорѣе всего соединеніе «государствъ». «Реальная унія, по мнѣнію Гольцендорфа, есть единство въ международно-правовомъ отношеніи при двойственности въ государственно-правовомъ. Существенными признаками ея служатъ общность монарха, разграниченіе государственныхъ территорій и подданствъ». «Реальное соединеніе—утверждаетъ профессоръ Мартенсъ—есть результатъ соглашенія между двумя полноправными политическими организмами; оно выражается въ существованіи извѣстныхъ общихъ для обоихъ государствъ органическихъ учрежденій и прекращается новымъ договоромъ между соединенными государствами или силою оружія».

Обозрѣніе литературы международнаго права по интересующему насъ вопросу оправдало, думаю, сдѣланныя мною раньше замѣчанія: успѣха въ развитіи понятія реальной уніи въ ней почти не видно. Разсматривая наше соединеніе односторонне, со своей спеціальной точки зрѣнія, интернаціоналисты придаютъ реальной уніи характеръ простого государства, а составляющимъ его частямъ значеніе провинцій, снабженныхъ бо́льшей или ме́ньшей долей автономіи. Лишь немногіе изъ писателей по международному праву съумѣли отрѣшиться отъ узкости этого взгляда и обратить вниманіе и на другія стороны соединенія, да и тѣ касаются нашего вопроса вскользь [1]) и далеки отъ болѣе или менѣе существенной разработки его.

---

[1]) Исключеніе составляетъ проф. Даневскій, который въ своемъ недавно вышедшемъ «Пособіи къ изученію исторіи и системы международнаго права. 1892» удѣлилъ реальной уніи нѣсколько страницъ (вып. I стр. 144—148) Трудомъ этимъ, появившимся въ свѣтъ тогда, когда настоящая работа была уже передана для напечатанія, я, къ сожалѣнію, воспользоваться не могъ и долженъ ограничиться сдѣланной оговоркой. Послѣднее относится и къ вышедшему еще позже учебнику русскаго государственнаго права Н. М. Коркунова.

§ 10. Вотъ тѣ опредѣленія и взгляды, которые были высказаны относительно реальной уніи писателями по государственному и международному праву. Намъ предстоитъ теперь провѣрить ихъ ученія на основаніи положительнаго матеріала, представляемаго законодательствами тѣхъ государствъ, которыя считаются состоящими въ реальной уніи. При этомъ, согласно съ тѣми пунктами, которые оказались спорными, разрѣшенію должны будутъ, главнымъ образомъ, подлежатъ слѣдующіе вопросы: 1) являются-ли части реальной уніи самостоятельными, независимыми, суверенными государствами? 2) можетъ-ли въ реальной уніи соединяющимъ звеномъ служить не власть монарха, а какое-либо государственное учрежденіе? 3) каково основаніе соединенія государствъ, состоящихъ въ реальной уніи,—законъ-ли, договоръ, или что-нибудь иное? Отвѣтъ на поставленные три вопроса дастъ возможность глубже вникнуть въ трактуемое соединеніе, остановиться на его цѣляхъ, значеніи, прочности и т. п. Мало того: отвѣтъ этотъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительнымъ и для послѣдняго главнаго вопроса, къ выясненію котораго сводится въ сущности весь споръ о юридической природѣ реальной уніи, вопроса о томъ, къ чему ее слѣдуетъ отнести—къ государственно-ли правовымъ соединеніямъ, или къ соединеніямъ права международнаго.

Что касается самаго выбора законодательнаго матеріала, долженствующаго служить основаніемъ для построенія ученія о реальной уніи, нужно отмѣтить тотъ фактъ, что и здѣсь, въ дѣлѣ причисленія того или иного соединенія къ реальнымъ уніямъ, господствуетъ большое разногласіе, даже между такими писателями, которые въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ болѣе или менѣе между собой сходны. Считаю поэтому необходимымъ, въ видахъ избѣжанія скудости и односторонности данныхъ, возможно болѣе расширить кругъ разсматриваемыхъ государствъ. Эта цѣль будетъ, надѣюсь, достигнута, если, обращаясь къ современнымъ соединеніямъ, я остановлюсь на изслѣдованіи публично-правовыхъ нормъ 1) Швеціи и Норвегіи, 2) Австро-Венгріи, далѣе 3) Венгріи и Кроаціи-Славоніи, 4) Россіи и Финляндіи, 5) Саксенъ-Кобургъ-Готы и, наконецъ, 6) Мекленбургъ-Шверина и Мекленбургъ-Стрелица.

Это изслѣдованіе составитъ предметъ слѣдующаго отдѣла моей работы, къ которому я и перехожу.

ГЛАВА II.

Обзоръ законодательствъ.

I.

Швеція — Норвегія [1]).

---

§ 1. Начиная съ Кальмарской уніи (1397), Норвегія была соединена съ Даніей подъ властью датскаго короля. Въ 1814 г., въ благодарность за помощь, оказанную союзникамъ въ борьбѣ съ Наполеономъ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ Бернадотомъ, Норвегія была присоединена къ Швеціи. По Кильскому договору (14 января 1814 года) Фридрихъ VI принужденъ былъ уступить королю шведскому Норвегію съ тѣмъ, чтобъ она составляла самостоятельное соединенное со Швеціей королевство. Но Норвежцы не были расположены подчиниться договору. Любимый въ Норвегіи намѣстникъ (Statholder) короля датскаго, Христіанъ Фридрихъ, былъ объявленъ регентомъ и созвалъ (10 апрѣля 1814) учредительное собраніе въ Эйдсвольдѣ. Конституціонныя работы въ собраніи были ведены людьми, проникнутыми демократическими идеями, въ томъ преимущественно видѣ,

---

[1]) Литература: **Градовскій.** «Госуд. право важнѣйш. европ. державъ» I стр. 510 и сл.; **Aschehoug** «Das Staatsrecht der vereinigten Königreiche Schweden & Norwegen» въ Marquards. Handb. IV, II, 2; Iellinek op. cit. S. 223 ff., Juraschek op. cit. S. 52 ff. Мартенсъ op. cit. I стр. 245—246, **Dareste.** «Les constitutions Modernes» II p. 159 etc. **Pölitz.** «Die Europäischen Verfassungen» III S. 92 & 101, Beach—Lawrence. Commentaire p. 268 etc.

какъ онѣ выразились во французской конституціи 1791 г. Окончательный проэктъ конституціи былъ принятъ собраніемъ 17 мая 1814 г. Тотчасъ же послѣ этого Христіанъ Фридрихъ избранъ былъ королемъ. Новому правителю не удалось однако добиться признанія со стороны великихъ державъ, а Карлъ XIII или, вѣрнѣе, Бернадотъ рѣшился настаивать на исполненіи Кильскаго договора. Норвежцы между тѣмъ по прежнему отрицали право распоряжаться ими «какъ стадомъ». Шведскія войска, подъ предводительствомъ Бернадота (наслѣднаго принца Карла Іоанна), явились въ Норвегію для поддержанія правъ Швеціи. Но война скоро прекратилась, и распря кончилась взаимными уступками. Съ одной стороны, Швеція отказалась отъ присоединенія Норвегіи въ силу Кильскаго договора, т. е. по праву завоеванія, и удовольствовалась соединеніемъ двухъ странъ на началахъ свободнаго двусторонняго договора; съ другой, Норвегія отказалась отъ мысли образовать совершенно обособленное государство. По акту перемирія, заключеннаго въ Моссѣ 14 августа, чрезвычайный стортингъ долженъ былъ собраться, для обсужденія началъ шведско-норвежской уніи, причемъ принцъ Карлъ Іоаннъ отъ имени короля Карла XIII обязался принять основной законъ отъ 17 мая и не требовать никакихъ другихъ въ немъ измѣненій, кромѣ тѣхъ, которыя окажутся необходимыми въ виду соединенія обоихъ государствъ. Стортингъ на эти перемѣны согласился и, по отреченіи отъ престола (10 октября) Христіана Фридриха, объявилъ себя суверениымъ и провозгласилъ вѣчное соединеніе Норвегіи съ Швеціей. 4 ноября закончились работы по пересмотру прежде обнародованной конституціи, а на слѣдующій день, съ принятіемъ послами отъ имени шведскаго короля новой конституціи, Карлъ XIII былъ провозглашенъ королемъ Норвегіи и занялъ, такимъ образомъ, Норвежскій престолъ по праву избранія. Но для того чтобы Шведско-Норвежская унія получила силу, требовалось еще формальное соглашеніе между законодательными властями обѣихъ сторонъ. Оно выразилось въ актѣ соединенія (Rigs-Act) отъ 6 августа 1815 г., коимъ относящіяся къ этому предмету статьи Норвежской конституціи или выраженныя въ нихъ начала были приняты со стороны Шведскаго сейма [1]).

[1]) Градовскій l. c.

Этотъ актъ соединенія вмѣстѣ съ закономъ отъ 18 іюля 1815 г. [1]) о совершеннолѣтіи короля исчерпываетъ всѣ положенія, опредѣляющія взаимное отношеніе обоихъ государствъ[2]), отношеніе, оставшееся неизмѣннымъ и по настоящее время[3]).

§ 2. § 1 Rigs-Akt'а гласитъ[4]):

«Королевство Норвегія есть государство свободное, независимое, нераздѣльное и неотчуждаемое, соединенное съ Швеціей подъ властью одного короля. Форма правленія есть монархическая, ограниченная и наслѣдственная».

Согласно съ этимъ, въ Норвегіи и въ Швеціи дѣйствуютъ тождественные законы о престолонаслѣдіи, избраніи новой династіи, регентствѣ и т. п.

Престолъ наслѣдуется въ прямой нисходящей линіи по системѣ агнатической, соотвѣтственно порядку престолонаслѣдія, принятому въ Швеціи 26 сентября 1810 г. чинами королевства Шведскаго и утвержденному королемъ[5]).

«Если — говорится далѣе[6]) — не будетъ лица, имѣющаго право на наслѣдованіе престола и должно будетъ приступить въ обоихъ королевствахъ къ избранію наслѣдника престола, то Шведскій риксдагъ и Норвежскій стортингъ будутъ созваны въ тотъ же день...... Въ назначенный для избранія день чины Шведскаго королевства и Норвежскій стортингъ изберутъ, согласно предписанному конституціей соотвѣтственнаго государства порядку, по одному лицу.... Если выборъ обоихъ королевствъ падетъ на то же лицо, то оно будетъ законно избрано въ наслѣдники престола. Если, напротивъ, королевства избрали различныя лица, то разногласіе будетъ прекращено избраніемъ соединенныхъ собраній обоихъ королевствъ. Это собраніе будетъ состоять изъ 72 лицъ, по 36 для каждаго королевства,... подъ предсѣдательствомъ того изъ двухъ президентовъ, на кого падетъ жребій.....» То же самое будетъ имѣть мѣсто при избраніи новой династіи, въ случаѣ если царствующая угаснетъ[7]).

---

[1]) Норв. Grundlav § 8.
[2]) Aschehoug op. cit S. 11.
[3]) ibid. § 16.
[4]) Совершенно однозначащимъ съ нимъ является и § 1 Норвежскаго Grundlav.
[5]) Rigsakt § 2, Regeringsform § 1.
[6]) Rigsakt § 3, съ которымъ ср. § 7 норв. Grundlav.
[7]) Rigsakt. § 11, Grundlav § 48.

«Въ случаѣ смерти короля и несовершеннолѣтія его наслѣдника, Шведскій и Норвежскій государственные совѣты немедленно соберутся, чтобы совмѣстно созвать Шведскій риксдагъ и Норвежскій стортингъ» [1]).

«До собранія представителей обоихъ королевствъ, для установленія регентства въ теченіе несовершеннолѣтія короля, государственный совѣтъ изъ одинаковаго числа членовъ шведовъ и норвежцевъ будетъ управлять королевствами, подъ названіемъ временнаго Шведско-Норвежскаго правительства, согласно соотвѣтственнымъ конституціямъ каждой страны.... Дѣло будетъ рѣшаться простымъ большинствомъ голосовъ, причемъ перевѣсъ будетъ давать голосъ предсѣдателя...., который, бывъ назначенъ по жребію, еженедѣльно чередуется съ министромъ другого государства» [2]).

«Выборъ опекуновъ, долженствующихъ управлять въ малолѣтство короля, будетъ происходить такъ же, какъ выборъ наслѣдника престола» [3]).

Такимъ образомъ, актъ уніи опредѣляетъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ вѣчное соединеніе государствъ, основанное на общности монарха. Въ монархѣ однако строго различаются двѣ юридическія личности, и въ каждомъ государствѣ король отдѣльно коронуется и даетъ совершенно особую присягу [4]). Для примѣра различнаго положенія короля въ обоихъ государствахъ достаточно указать на то положеніе, въ силу котораго veto его въ Швеціи имѣетъ абсолютное, а въ Норвегіи лишь суспензивное въ большинствѣ случаевъ значеніе [5]).

Законодательныя собранія, управленіе и правосудіе организованы въ каждомъ государствѣ совершенно самостоятельно и независимо. Въ Швеціи принято начало двухъ палатъ [6]), а до 1866 года было представительство сословное изъ духовенства, дворянства, горожанъ и крестьянъ [7]); въ Норвегіи, напротивъ,

---

[1]) Rigsakt § 6.
[2]) ibid. § 7.
[3]) ibid. § 8, Grundlav § 7.
[4]) Grundlav §§ 9 и 10; введеніе къ шведск. зак. о престолонаслѣдіи.
[5]) Grundlav § 79 (ср. Aschehoug op. cit. § 122).
[6]) Riksdagsordning § 1.
[7]) Aschehoug op. cit. S. 10.

господствуетъ начало одной палаты. Стортингъ (большой совѣтъ) въ принципѣ образуетъ одно цѣлое и избирается разомъ [1]). Онъ самъ затѣмъ выдѣляетъ изъ своей среды $^{1}/_{4}$ депутатовъ, образующихъ лагтингъ, въ отличіе отъ одельстинга, составляющаго первую палату [2]). Ни комплектованіе, ни дѣятельность законодательныхъ собраній—Шведскаго и Норвежскаго — не имѣетъ никакого отношенія другъ къ другу [3]). Точно также не состоятъ въ связи и органы управленія обоихъ государствъ. Въ каждомъ изъ нихъ особыя министерства, такъ называемые департаменты, съ особыми министрами во главѣ. Въ Швеціи существуютъ департаменты юстиціи, военный, морской, для гражданскаго вѣдомства, церковныхъ дѣлъ, финансовъ и иностранныхъ дѣлъ [4]); въ Норвегіи—церковныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, военный, общественныхъ работъ и контроля [5]). Каждое изъ государствъ имѣетъ свои особыя судебныя учрежденія низшихъ и высшихъ инстанцій [6]). Каждое изъ королевствъ, наконецъ, имѣетъ свои особые финансы [7]), свое особое войско [8]) и даже особый флагъ, впрочемъ, со значкомъ уніи [9]). Излишне говорить, что различны въ обоихъ государствахъ территорія и подданство [10]), являющееся притомъ въ каждомъ государствѣ условіемъ поступленія на государственную службу [11]).

Иначе государства организованы въ отношеніи внѣшнихъ сношеній. Здѣсь оба государства въ большинствѣ случаевъ выступаютъ, какъ единый субъектъ международнаго права.

---

[1]) Grundlav § 49, Aschehoug § 114.

[2]) Grundlav § 73.

[3]) Ср. Grundlav § 49—§ 85 и Riksdagsordning.

[4]) Regeringsform § 6.

[5]) Зак. 1885 г. См. Aschehoug § 101.

[6]) Regeringsform § 17—§ 24, Grundlav § 86—§ 91; Aschehoug §§ 86 & 151—152.

[7]) Grundlav §§ 18, 93, 110.

[8]) Grundlav § 25.

[9]) Резолюція отъ 20 іюля 1844 года.

[10]) Правило то, что шведы въ Норвегіи и норвежцы въ Швеціи — иностранцы (Aschehoug op. cit. S. 23); существуетъ даже выдача преступниковъ между обоими королевствами (законы $18^{18}/_{19}$ гг.).

[11]) Regeringsform § 88; Grundlav § 92.

Король имѣетъ право собирать войска, объявлять войну, заключать миръ, вступать въ союзы и выступать изъ нихъ, посылать и принимать пословъ [1]).

Правда, что предъ объявленіемъ войны онъ «созываетъ чрезвычайный государственный совѣтъ изъ норвежскаго статсъ-министра и шведскихъ и норвежскихъ государственныхъ совѣтниковъ.... и испрашиваетъ ихъ мнѣніе обо всѣхъ вопросахъ»..., но дѣло въ томъ, что мнѣнія эти для короля не обязательны: «Король имѣетъ право принять и выполнить то рѣшеніе, которое онъ сочтетъ наиболѣе полезнымъ для блага государства» [2]). Общимъ представителемъ обоихъ государствъ является, такимъ образомъ, въ дѣлахъ политическихъ исключительно король, который и заключаетъ отъ ихъ имени договоры [3]).

Въ другихъ отношеніяхъ однако, — отношеніяхъ не обусловленныхъ общностью защиты государствъ, королевства сохраняютъ свою самостоятельность и въ сношеніяхъ съ другими державами могутъ, каждое отдѣльно, принимать на себя обязательства и выговаривать себѣ права. Король можетъ заключать договоры, дѣйствіе которыхъ распространяется лишь на одно изъ королевствъ, и притомъ не только по дѣламъ пограничнымъ, но и по инымъ. Такіе трактаты, въ дѣйствительности, неоднократно были заключаемы какъ со стороны Швеціи, такъ и Норвегіи. Далѣе, тѣ договоры, въ которые вступила Швеція до соединенія съ Норвегіей, не имѣютъ силы для послѣдней, развѣ бы они носили политическій характеръ; наоборотъ, договоры, имѣющіе силу для Норвегіи, вслѣдствіе заключенія ихъ Датско-Норвежской монархіей, безъ значенія для Швеціи [4]).

---

[1]) Rigsakt § 4; Regeringsform §§ 12, 13; Grundlav § 26.

[2]) ibid.

[3]) Поскольку, конечно, эти договоры для своего выполненія требуютъ измѣненія или введенія закона, король связанъ согласіемъ законодательныхъ учрежденій. Aschehoug op. cit. S. 18.

[4]) Aschehoug op. cit. S. 18; онъ же въ Nordisk Retsencyclopaedi I, 6, 22. На Парижской конференціи 1883 г. относительно подводныхъ кабелей присутствовали делегаты отъ Швеціи и отъ Норвегіи, подававшіе отдѣльно голоса и выражавшіе противоположныя мнѣнія. Проф. Мартенсъ (op. cit. I, 245), находя этотъ фактъ аномальнымъ, объясняетъ его только независимостью телеграфныхъ управленій обоихъ королевствъ. Явленіе это мнѣ, напротивъ, представляется совершенно нормальнымъ, и думается, что скорѣе противное нуждалось бы въ объясненіи и предположеніи соглашенія между обоими скандинавскими государствами.

Мало того. Оба королевства заключаютъ даже соглашенія между собой, которыя, правда, облекаются въ форму тождественныхъ въ обоихъ государствахъ законовъ, но договорный характеръ которыхъ все же не подлежитъ сомнѣнію: государства не вправѣ отмѣнить ихъ собственной властью, за исключеніемъ того случая, когда въ такихъ законахъ прямо означено, что они сохраняютъ силу только до тѣхъ поръ, пока соотвѣтствующій законъ существуетъ и въ другомъ государствѣ [1]). При простомъ совпаденіи законовъ той и другой страны, государства, напротивъ, отнюдь не связаны.

Всѣ тѣ взаимныя отношенія, кои по конституціямъ обоихъ государствъ рѣшаются властью короля, дѣлаются предметомъ не договорнаго соглашенія, а такъ называемыхъ резолюцій, издаваемыхъ королемъ единовременно для обѣихъ половинъ полуострова. Такъ, напримѣръ, опредѣлены взаимныя между обоими государствами почтовыя и телеграфныя сношенія. Понятно, что король во всякое время воленъ отмѣнить такой законъ въ любомъ изъ королевствъ [2]).

Въ силу политической цѣли соединенія королевства имѣютъ общихъ пословъ и консуловъ. Хотя это и не выражено explicite въ актѣ соединенія, но вытекаетъ непосредственно изъ существа уніи, по крайней мѣрѣ, для первыхъ [3]). И тѣ и другіе являются должностными лицами не Швеціи-Норвегіи, какъ цѣльнаго и единаго государства, но каждаго государства въ отдѣльности. Таковыми по необходимости могутъ быть назначаемы какъ шведы, такъ и норвежцы [4]). Напротивъ, министерство иностранныхъ дѣлъ не есть общее учрежденіе, а исключительно шведское, которое, по препорученію со стороны Норвегіи, занимается дѣлами этого послѣдняго государства [5]). При обсужденіи,

---

[1]) Aschehoug § 14.

[2]) ibid.

[3]) Относительно консуловъ общность была установлена вмѣстѣ съ актомъ уніи, и съ тѣхъ поръ это фактическое состояніе продолжается. Ibid. S. 20. Но въ послѣднее время стортингъ потребовалъ обособленія консульствъ. См. объ этомъ интересную статью Bjornsterne-Bjornson'a ‹Le conflit Suédois-Norvégien› въ Revue des Revues. Octobre 1892.

[4]) Консулами, впрочемъ, могутъ быть даже иностранцы. Grundlav § 92.

[5]) Замѣтимъ здѣсь же, что предоставленіе нѣкоторыхъ частей управленія по договору однимъ государствомъ другому не создаетъ сложнаго

впрочемъ, дѣлъ, относящихся къ обоимъ государствамъ или только къ одной Норвегіи, присутствуетъ норвежскій статсъ-министръ или другой членъ норвежскаго государственнаго совѣта [1]).

Точно также вообще, при обсужденіи въ шведскомъ государственномъ совѣтѣ обстоятельствъ, касающихся обоихъ королевствъ, имѣютъ право присутствовать и подавать голосъ шведскій статсъ-министръ и оба сопровождающіе короля норвежскихъ государственныхъ совѣтника. Въ дѣлахъ этихъ должно всегда испрашивать мнѣніе норвежскаго правительства [2]), развѣ бы

государства (т. е. такого, гдѣ верховная власть господствуетъ надъ народонаселеніемъ и территоріей посредственно во всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ; см. Сокольскій. Кратк. учебн. стр. 11, Iellinek op. cit. S. 315—316, ср. Schulze. Lehrb. S. 40—41 и Bluntschli. Staatslehre S. 555) и нисколько не вредитъ самостоятельности государства, такъ какъ чужая государственная власть дѣйствуетъ только въ силу мандата туземной, т. е. въ качествѣ уполномоченнаго. На подобныхъ, напримѣръ, основаніяхъ правительство Лихтенштейнскаго княжества поручило выполненіе въ немъ судебныхъ функцій австрійскимъ властямъ Форальберга. Возможно даже порученіе другому государству всего управленія. Поразительнымъ примѣромъ служатъ Боснія и Герцоговина, которыя, на основаніи 25 ст. Берлинскаго трактата, администрируются всецѣло Австро-Венгріей. Несмотря на это, все-таки должно признать, что названныя провинціи входятъ въ составъ не Австро-Венгріи, а Оттоманской имперіи и что суверенитетъ надъ ними по прежнему принадлежитъ Портѣ, хотя, конечно, въ силу существующаго порядка вещей, права ея не иное что, какъ jus nudum. Ср. Сокольскій. Кратк. учебн. стр. 10, 11, Iellinek op. cit. S. 53 ff. 116, 171—172. Brie. Theorie. S. 25—26, 60—61. Иначе Lingg въ Arch. f. öff. Recht. 1890. S. 484.

[1]) Резолюція отъ 13 апр. 1835 г.

[2]) Которое на случай отсутствія короля состоитъ изъ части норвежскаго совѣта (Grundlav § 13). Въ параллель къ этому въ Швеціи, во время пребыванія короля въ отдаленныхъ частяхъ королевства или въ Норвегіи, управляетъ часть шведскаго совѣта (Regeringsform § 43). По закону 1873 г. норвежскій совѣтъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ вице-короля или, въ случаѣ неимѣнія таковаго, одного изъ статсъ-министровъ. Вице-королемъ можетъ быть лишь принцъ королевской семьи, и никакого другого намѣстника король не вправѣ назначить (Grundlav §§ 12 и 14). Iellinek (op. cit. S. 244 N 63) ошибочно полагаетъ, что и по сей день въ этомъ отношеніи имѣетъ мѣсто старый порядокъ вещей съ возможнымъ опредѣленіемъ Statholder'а изъ шведовъ. См. Dareste. Constit. Modernes. II pp. 164 N 1, 165 N 1.

потребовалась такая быстрота рѣшенія, что не окажется достаточнаго къ тому времени. Наоборотъ «всякій разъ какъ въ норвежскомъ государственномъ совѣтѣ будутъ обсуждаться въ присутствіи короля дѣла, затрогивающія интересы обоихъ государствъ, то, независимо отъ времени и мѣста собранія, члены шведскаго государственнаго совѣта будутъ пользоваться правомъ засѣданія и голоса» [1]).

Такимъ образомъ, различается двухъ родовъ соединенный совѣтъ: 1) шведско-норвежскій и 2) норвежско-шведскій, смотря по мѣсту засѣданія совѣта (въ Стокгольмѣ-ли, или въ Христіаніи) и значенію для государствъ обсуждаемаго вопроса [2]). Общими дѣлами, подвѣдомственными сложному государственному совѣту, являются: 1) вопросъ объ объявленіи войны; 2) заключеніе мира, обсужденіе котораго происходитъ всегда въ шведскомъ государственномъ совѣтѣ; 3) нѣкоторыя дипломатическія дѣла, касающіяся обоихъ государствъ и требующія для своего рѣшенія участія совѣта, въ силу своей связи съ внутреннимъ управленіемъ государствъ; 4) внутреннія территоріальныя отношенія, урегулированныя уже договоромъ или законодательнымъ путемъ; 5) прочія отношенія государствъ другъ къ другу, затронутыя въ такъ называемыхъ взаимныхъ законахъ, то есть такихъ нормахъ, которыя, хотя и являются результатомъ соглашенія, но могутъ быть отмѣнены односторонней волей каждаго государства въ отдѣльности, и 6) дѣла, по которымъ король издаетъ обязательныя для обоихъ королевствъ резолюціи [3]).

§ 3. Мы исчерпали главныя положенія акта уніи, равно какъ и дополняющія его статьи конституцій обоихъ Скандинавскихъ королевствъ.

Положенія эти прекрасно выясняютъ характеръ соединенія указанныхъ государствъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что отношеніе между ними есть отношеніе двухъ вполнѣ суверенныхъ державъ. Изъ разсмотрѣнія приведенныхъ нормъ легко убѣдиться, что главная забота при составленіи акта уніи заключалась именно въ проведеніи во всѣхъ подробностяхъ [4])

---

[1]) Rigsakt § 5, Grundlav § 38.

[2]) Подробнѣе объ этомъ см. Aschehoug op. cit. S. 28.

[3]) Aschehoug op. cit. § 23.

[4]) См., напримѣръ, Grundlav §§ 33 и 81. Ср. Лохвицкій. Обзоръ конституцій стр. 205.

принципа равноправности обѣихъ договаривающихся сторонъ. Въ § 42 норвежскаго Grundlav говорится объ «абсолютномъ равенствѣ» Швеціи и Норвегіи. Отъ этого принципа допускались отступленія лишь тамъ, гдѣ его немыслимо было провести вполнѣ [1]).

Существо уніи состоитъ въ томъ, что оба названныхъ королевства въ силу Rigsakt'а, договорный характеръ котораго очевиденъ [2]), съ цѣлью защиты и внѣшней безопасности, вступили между собой въ союзъ, основанный на общности монарха [3]). Во всемъ, кромѣ обусловленныхъ цѣлью уніи общихъ органовъ и одинаковой внѣшней политики, государства являются въ качествѣ самостоятельныхъ и вполнѣ независимыхъ организмовъ, которые не только могутъ выступать, какъ субъектъ международнаго права по отношенію къ третьимъ государствамъ, но даже вправѣ входить въ международныя сношенія между собой.

Такимъ образомъ, Швеціи-Норвегіи, какъ единаго государства, не существуетъ, ибо не существуетъ ни одного изъ элементовъ такого государства [4]). Нѣтъ шведо-норвежской территоріи, нѣтъ шведо-норвежскаго народа, нѣтъ, наконецъ, и шведо-норвежской верховной власти; послѣдней нельзя видѣть въ лицѣ короля, который обладаетъ въ каждой странѣ совершенно особыми и отличными другъ отъ друга полномочіями и въ которомъ, какъ мы уже сказали, должно различать двѣ юридическія личности. Если въ «резолюціяхъ» монархъ и издаетъ однимъ актомъ обязательныя для обоихъ государствъ постановленія, то эти послѣднія носятъ характеръ не законовъ, а административныхъ распоряженій: власть короля въ этомъ случаѣ ничѣмъ не отличается отъ власти любого исполнительнаго органа, общаго обоимъ государствамъ. Равнымъ образомъ и участіе общаго

---

[1]) Таково, напр., постановленіе § 7 Rigsakt'а, въ силу котораго Interimsregering засѣдаетъ въ Стокгольмѣ; то же вытекаетъ изъ смысла § 11 Grundlav для мѣста пребыванія короля.

[2]) Припомнимъ, что онъ отдѣльно былъ утвержденъ парламентами обоихъ государствъ (см. введен. къ Rigsakt'у у Laferrière & Batbie. Constit. d'Europe et d'Amérique p. 392—393).

[3]) Iellin. l. c.

[4]) Iellin. op cit. S. 225.

сложнаго совѣта въ рѣшеніи извѣстныхъ дѣлъ не можетъ поколебать выставленнаго принципа, такъ какъ учрежденіе это, состоящее при королѣ, носитъ лишь совѣщательный характеръ [1]).

Въ силу указанныхъ отличительныхъ чертъ нельзя признать Швецію-Норвегію союзнымъ государствомъ. Нельзя, повторяемъ, потому, что надъ государствами нѣтъ никакой общей, отдѣльной отъ каждаго изъ нихъ власти, нѣтъ связаннаго съ единымъ государствомъ юридическаго лица, а есть только извѣстное между государствами правоотношеніе.

Но Швецію и Норвегію нельзя также считать состоящими въ личной уніи. Въ виду того, что значительное число писателей [2]) принимаетъ Швецію-Норвегію за такое именно соединеніе, я остановлюсь на разсмотрѣніи его характера.

§ 4. Личная унія имѣетъ мѣсто тогда, когда случайно въ двухъ или болѣе государствахъ носителемъ верховной власти является одно и то же физическое лицо [3]). Ее нельзя даже признать соединеніемъ, хотя бы международнымъ, а тѣмъ менѣе государственнымъ [4]): это просто извѣстное совпаденіе, историческій фактъ, и если при наличности ея дозволительно говорить о соединеніи, то только въ смыслѣ фактическомъ, пожалуй, политическомъ, но отнюдь не юридическомъ [5]). Изъ даннаго опре-

---

[1]) Regeringsform § 9, Grundlav § 30.

[2]) Каковы: Calvo, Phillimore, Wheaton, Pertile, M. Block, Brachelli, Laveleye, Стояновъ и проф. Эйхельманъ; отчасти Bluntschli, Resch и Капустинъ, которые признаютъ Швецію и Норвегію среднимъ типомъ, переходнымъ отъ личной уніи къ реальной. Союзнымъ государствомъ Швеція-Норвегія является только по мнѣнію Треверсъ-Твиса, который обосновываетъ свой взглядъ тѣмъ удивительнымъ соображеніемъ, что между обоими государствами существуетъ общность политики, и Леви (International Law p. 82), который безъ всякихъ объясненій присоединяется къ Треверсъ-Твису.

[3]) Ср. v. Juraschek op. cit. S. 77, Iellin. S. 85, Brie. Theorie. S. 60, 72—73. Случайность — вотъ критерій для распознаванія личной уніи, а не бо́льшее или меньшее сходство органовъ и учрежденій — явленія, объясняющіяся тѣмъ или инымъ фактическимъ вліяніемъ одного государства на другое. Ср. Ulbr. Rechtl. Nat. S. 6. Holtzendorff. Encyclop. S. 1017.

[4]) Juraschek S. 71—72 и критика у Iellinek'а S. 85 N 1.

[5]) O. Mejer. Einleit. in das d. Staatsrecht. 1 Aufl. S. 6. Schulze. Lehrb. I, S. 41. Brie op. c. S. 73; также Wieland. Dissertatio politica. 1777. § 6.

дѣленія видно, что звено между государствами въ личной уніи — физическое лицо, и притомъ такое, которое является носителемъ суверенитета въ каждомъ изъ государствъ. Этимъ разрѣшается вопросъ о томъ, можетъ-ли личная унія существовать между республиками или хотя бы между монархическимъ и республиканскимъ государствами. Писатели совершенно справедливо отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно [1]. Президентъ республики не есть носитель верховной власти, а лишь первое должностное лицо въ государствѣ. Соединеніе въ его лицѣ положенія президента въ одномъ и въ другомъ изъ государствъ было бы лишь совпаденіемъ должностей (Aemter-Kumulirung), — и только. Не будетъ личной уніи и въ томъ случаѣ, когда монархъ одного государства считается вмѣстѣ съ тѣмъ президентомъ въ другомъ. Но существу личной уніи нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что одно государство — монархія абсолютная, а другое — конституціонная. De facto, конечно, степень близости и связи между государствами сильно разнообразится въ зависимости отъ того, какого рода государства состоятъ въ личной уніи. Естественно, что личная унія неограниченныхъ государствъ повлечетъ за собой, въ силу широкихъ полномочій самодержца, бо́льшую связь между государствами, чѣмъ это будетъ имѣть мѣсто въ государствахъ съ ограниченной формой правленія. Точно такъ же совпаденіе въ одномъ лицѣ положенія монарха и президента можетъ для государствъ имѣть большое и даже бо́льшее значеніе, чѣмъ личная унія. Мы видимъ это въ исторіи, когда Вильгельмъ Оранскій, штатгальтеръ нидерландской республики, былъ избранъ въ короли англійскіе подъ именемъ Вильгельма III (1688). Но всѣ эти обстоятельства юридическаго значенія не имѣютъ [2].

Переходя ко взаимному между государствами въ личной уніи отношенію, необходимо прежде всего замѣтить, что государства

---

[1]) Даже Гельдъ, настаивающій на возможности реальной уніи между республиками, допускаетъ личную унію только для монархій (ср. выше, стр. 8).

[2]) Ср. относительно всего сказаннаго Juraschek S. 67—78, Iellinek S. 82—88. Также Bluntschli. Lehre v. modernen Staat. I, 311 ff.

эти не только сохраняютъ свое самостоятельное бытіе, но въ отношеніи другъ друга остаются даже совершенно чужими [1]). Связь между государствами исчерпывается общностью носителя суверенитета: все, что сверхъ того, выходитъ за предѣлы личной уніи [2]). Юрашекъ справедливо поэтому говоритъ, что о развитіи формъ личной уніи не можетъ быть и рѣчи. Вліяніе одного государства на другое теоретически не существуетъ. Что фактически вопросъ этотъ опять-таки обстоитъ иначе; что государства, состоящія въ личной уніи, часто подпадаютъ сильному вліянію другъ друга, особенно въ томъ случаѣ, когда одно изъ нихъ значительно могущественнѣе другого [3]); что вслѣдствіе того во многихъ государствахъ изданы стѣснительныя условія для принятія короны въ другомъ государствѣ [4]), — все это нисколько не противорѣчитъ правильности высказаннаго юридическаго положенія.

Изъ государствъ, состоящихъ въ личной уніи, одно можетъ вести войну, въ то время какъ другое продолжаетъ мирныя сношенія и даже заключаетъ охранительные договоры съ той именно державой, съ которой первое изъ находящихся въ уніи государствъ ведетъ войну [5]). Мало того: государства могутъ даже вести войну между собой. Въ этомъ отношеніи Іеллинекъ увлекается, утверждая, что такая война мыслима лишь въ теоретическихъ разсужденіяхъ. Если даже оставить въ сторонѣ примѣръ Пруссіи и Нейенбурга въ семилѣтнюю войну, какъ не вполнѣ [6]) сюда идущій, то все же безъ натяжки можно себѣ представить

---

[1]) Carnazza-Amari. Traité. I p. 269.

[2]) Такія явленія, какъ общность двора государя и т. п., въ силу ихъ непосредственнаго отношенія къ личности монарха, не противорѣчатъ существу личной уніи. Ср. Iellinek l. c. Ulbrich. Das Staatsrecht der öster.-ungar. Monarchie въ Marq. Handb. IV, I, 1, S. 17—18. Его-же Rechtl. Natur. S. 54.

[3]) Достаточно привести примѣръ Англіи и Ганновера съ 1714 по 1837 г. и вспомнить зависимое и печальное положеніе послѣдняго въ этотъ періодъ.

[4]) См. конституц. Прусск. отъ 1850, art 55; Саксонск. отъ 1831, § 5; Бельгійск. отъ 1831, art 62 и др., гдѣ опредѣляется, что безъ особаго разрѣшенія монархъ не вправѣ занять престолъ въ какомъ-либо второмъ государствѣ.

[5]) Прим. см. у Juraschek'а S. 73.

[6]) Вопреки Юрашеку (op. cit. S. 52 и 73).

случай, когда одно изъ государствъ является членомъ союзнаго государства и должно подчиниться рѣшенію вести войну съ тѣмъ именно государствомъ, съ которымъ у него общій монархъ [1]).

Остается разсмотрѣть жизненные моменты личной уніи.

По аналогіи съ юридическими способами пріобрѣтенія верховной власти въ монархіяхъ, личная унія можетъ возникнуть двумя способами: либо путемъ случайнаго совпаденія законовъ о престолонаслѣдіи въ нѣсколькихъ государствахъ, либо въ силу избранія монарха одного государства въ государи въ другомъ.

Въ международномъ признаніи со стороны другихъ государствъ личная унія, какъ таковая, не нуждается. Для наличности ея можетъ, конечно, потребоваться признаніе даннаго лица монархомъ въ одномъ изъ государствъ, а, быть можетъ, и въ каждомъ изъ нихъ (въ отдѣльности!), но такое признаніе ничѣмъ не будетъ отличаться отъ того случая, когда потребуется признаніе извѣстнаго лица монархомъ одного какого-нибудь государства. Исторія подтверждаетъ это мнѣніе. Факты признанія личной уніи международнымъ путемъ объясняются исключительными историческими причинами, имѣвшими напримѣръ, мѣсто въ дѣлѣ уніи Голландіи и Люксенбурга [2]) (лондонскій трактатъ 1839 г.) или Бельгіи и Конго (Берлинская конференція 1884 — 1885 гг.).

Продолжается личная унія до тѣхъ поръ, пока существуетъ право одного и того же лица на престолъ въ обоихъ государствахъ. Она можетъ охватить лишь одно царствованіе; можетъ простираться и на нѣсколько царствованій одной, напримѣръ, династіи [3]); можетъ вообще существовать въ теченіе весьма неопредѣленнаго времени [4]). Прекращается, наконецъ, личная унія прекращеніемъ совпаденія правъ на престолы въ одномъ лицѣ,—

---

[1]) Ср. Brie въ Grünh. Zeitschr. S. 105.

[2]) Прекратившейся, отмѣтимъ мимоходомъ, въ 1890 году.

[3]) Если бы Австро-Венгрія была личной уніей, то она, въ силу прагматической санкціи, представила бы подходящій примѣръ для такого рода случая. Juraschek. S. 77. Ср. Ивановскій. Лекціи стр. 56.

[4]) Гольцендорфъ (Handb. des Völkerrechts II, S. 1123) называетъ ее поэтому «transitorische Union»; можно, впрочемъ, допустить даже вѣчное и вмѣстѣ съ тѣмъ случайное соединеніе. Pradier-Fodéré. Traité. I § 118.

безразлично, будетъ-ли то вслѣдствіе смерти, добровольнаго отреченія, насильственнаго лишенія престола, прекращенія династіи и т. п. Прекращеніе личной уніи есть такое же фактическое явленіе, какъ ея возникновеніе и существованіе. Съ отпаденіемъ требуемыхъ для нея условій она ipso jure теряется безъ дальнѣйшаго, и каждое изъ государствъ, состоявшихъ въ личной уніи, продолжаетъ свое никогда не прерывавшееся независимое существованіе, съ тою только разницей, что двѣ юридическихъ личности отнынѣ воплощаются въ двухъ физическихъ лицахъ, между тѣмъ какъ до того онѣ были соединены въ одномъ.

§ 5. Ясно, что исходя изъ изложеннаго ученія о личной уніи, нельзя за таковую принять соединеніе Швеціи и Норвегіи. Главнымъ характернымъ моментомъ личной уніи является случайность соединенія—случайность, порождающая и начало ея и конецъ. Въ Швеціи - Норвегіи между тѣмъ мы видѣли прямо обратное: здѣсь соединеніе обоихъ государствъ не только не является случайностью, а дѣломъ юридически желаннымъ и обусловленнымъ, но предвидятся даже всѣ возможные случаи, при которыхъ могло бы имѣть мѣсто разъединеніе государствъ, и принимаются мѣры къ тому, чтобы, и при наступленіи такихъ обстоятельствъ, государства все-таки въ лицѣ носителя суверенитета продолжали и сохраняли между собой связь.

Если, такимъ образомъ, соединеніе скандинавскихъ государствъ нельзя назвать ни союзнымъ государствомъ, ни личной уніей, то остается признать его уніей реальной [1]).

Австро — Венгрія [2]).

§ 6. Въ 1527 г., послѣ смерти Ягеллона Ладислава (Людвига) II, избирается королемъ Венгріи императоръ Фердинандъ I.

---

[1]) О томъ, что Швеція - Норвегія не есть союзъ государствъ въ тѣсномъ смыслѣ, излишне, я думаю, говорить. Насколько мнѣ извѣстно, во всей обширной литературѣ по разбираемому вопросу нѣтъ ни одной попытки представить Швецію и Норвегію Staatenbund'омъ.

[2]) Литература: Ulbrich. Lehrb. des österreich. Staatsrechts. Его же Das Staatsrecht der österreich.-ungar. Monarchie, въ Marq. Handb. IV,

Произошедшее, такимъ образомъ, соединеніе Австріи съ Венгріей и почти одновременно (въ 1526) и съ Богеміей было чисто личное[1]). Только постепенно, благодаря соединяющему эти страны звену — монарху, образовалась общность извѣстныхъ учрежденій; да и то она выразилась въ тѣхъ лишь областяхъ, гдѣ не имѣло мѣсто вмѣшательство сословій—во внѣшней политикѣ, въ военномъ и финансовомъ дѣлѣ, и соотвѣтственныхъ органахъ — Geheimratskollegium'ѣ, Hofkriegsrat'ѣ и придворной канцеляріи. Съ начала XVII в., особенно послѣ сраженія на Бѣлой горѣ, когда королевская власть въ Богеміи и австрійскихъ земляхъ успѣла усилиться, проявляется еще рѣзче дуализмъ между Венгріей, съ одной стороны, въ которой монархъ является сильно ограниченнымъ, и гдѣ по прежнему продолжается избирательное начало при замѣщеніи престола, и прочими указанными землями, съ другой.

Болѣе тѣсное съ Австріей соединеніе начинается со времени подавленія возмущенія въ Венгріи и Пресбургскаго рейхстага 1687 г., на которомъ была признана наслѣдственность венгерскаго престола и принадлежность его мужской линіи Габсбурговъ по порядку первородства, съ сохраненіемъ при всемъ томъ коронованія въ Венгріи, изготовленія особаго диплома на вѣнчаніе и особой присяги[2]). Дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи произвела такъ называемая прагматическая санкція.

I, 1. Его же. Die rechtl. Natur der öster-ungar. Monarchie. **Bidermann.** Gesch. der österreich. Gesammtstaatsidee. I & II. Его же. Die rechtl. Natur der öster-ungar. Monarchie. Его же. Entsteh. & Bedeutung der pragmat. Sanction, въ Grünh. Zeitschr. II. Juraschek. Personal—& Realunion. Anhang: Das rechtl. Verhältniss zwischen Österr. & Ungarn. Его же. Die rechtl. Natur der Delegationen, въ Grünh. Zeitschr. V. **Dantscher von Kollersberg.** Der monarch. Bundesstaat Österreich-Ungarn. **Virozsil.** Das Staatsrecht des Königreichs Ungarn I—III. Iellinek. Die Lehre von den Staatenverbind. S. 226—253. Dareste. Les constitut. mod. I p. 328—415. Krones v. Marchland. Grundriss der österreich. Gesch.

[1]) О временномъ личномъ же соединеніи этихъ же земель при Сигизмундѣ см. Ulbrich въ Marq. Handb. l. c. S. 7.

[2]) Bidermann. Gesammtstaatsidee. I, S. 51 ff. Въ Пресбургѣ же (G. A. IV) произошла отмѣна права вооруженнаго сопротивленія сословій (т. наз. facultas insurgendi et resistendi), основаннаго на § 31 золотой буллы короля Андрея II отъ 1222 г. Ср. G. A. II: 1867, § 1.

На ней, въ виду важнаго ея значенія, необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе.

Прагматическую санкцію вплоть до новѣйшаго времени считали единымъ и одностороннимъ актомъ короны; на самомъ же дѣлѣ это цѣлый комплексъ актовъ, и только незнакомствомъ съ ними можно объяснить прежній неправильный взглядъ. Одни изъ этихъ актовъ составлены самими членами императорскаго дома, а другіе являются результатомъ принятія предыдущихъ сословными собраніями отдѣльныхъ странъ [1]. Въ ряду первыхъ главное мѣсто занимаетъ pactum mutuae successionis отъ 12 сентября 1703 года, изъ котораго вытекаетъ предпочтеніе мужскаго нисходящаго поколѣнія предъ женскимъ и наслѣдованіе по праву первородства. 19 апрѣля 1713 года Карлъ VI, въ собраніи министровъ и тайныхъ совѣтниковъ, торжественно прочитываетъ этотъ актъ, объясняетъ его содержаніе и устанавливаетъ порядокъ престолонаслѣдія такимъ образомъ, чтобы всѣ страны, подъ его скипетромъ находящіяся, нераздѣльно jure primogeniturae переходили къ его мужескому потомству, а по прекращеніи послѣдняго такимъ же порядкомъ наслѣдовали дочери послѣднецарствовавшаго и, лишь въ случаѣ отсутствія и этихъ дочерей, призывалось женское нисходящее поколѣніе старшихъ мужескихъ линій. Изъ вторыхъ, т. е. актовъ принятія изложеннаго фамильнаго статута (Hausgesetz), для насъ интересны лишь венгерскіе законы ландтага 1722—1723 г., изъ коихъ нашимъ вопросомъ занимаются законы I и II и предисловіе (praefatio) къ нимъ. Здѣсь сословія благодарятъ Карла за его старанія создать союзъ съ наслѣдственными австрійскими землями, который, между прочимъ, можетъ послужить и для отраженія внѣшнихъ враговъ:

«..........proque stabilienda in omnem casum, etiam contra vim externam cum vicinis Regnis et Provinciis

[1]) Ulbrich (Lehrb. S. 27 & Rechtl. Natur. S. 27) не совсѣмъ точно выражается, говоря, что эти акты носили договорный характеръ. Таковой можетъ быть признанъ лишь за нѣкоторыми и не принадлежитъ тѣмъ изъ нихъ, которые исходили отъ сословій австрійскихъ наслѣдственныхъ земель. Bidermann въ Grünh. Zeitschr. l. c. S. 245 ff. Самъ Ульбрихъ (Lehrb. S. 29 N 1) замѣчаетъ, что при принятіи порядка престолонаслѣдія этими странами корона съ своей стороны не обязывалась. Другое дѣло Венгрія (о чемъ ниже).

Haereditariis *Unione*. . . . directam curam et sollicitudinem ex . . . . Literis Regalibus. . . . intelligentes gratias referunt» [1]);

обѣщаютъ впредь неизмѣнно признавать законнымъ наслѣдникомъ венгерскаго престола того, который по послѣднему статуту отъ 19 апрѣля 1713 года является таковымъ въ прочихъ нераздѣльныхъ коронныхъ земляхъ, и установляютъ точно такую же нераздѣльность земель венгерской короны:

«. . . . . qui vel quae praemissorum Augustae Domus Austriacae Regnorum et Provinciarum Haeres. . . . existet, eodem Successionis. . . . Haereditario Iure etiam pro infallibili Rege Ungariae Partiumque, Regnorum et Provinciarum eidem annexarum aeque indivisibiliter intelligendarum, habeatur et coronetur» [2]).

Наслѣдникъ долженъ обязательно исповѣдовать римско-католическую вѣру и быть эрцгерцогомъ австрійскимъ:

«. . . . . Jus haereditarium succedendi in . . . . Romano-Catholicos Successores utriusque Sexus Austriae Archiduces . . . . transferunt» [3]).

Въ случаѣ же прекращенія и женскихъ линій австрійскаго дома Венгрія вновь получаетъ право избранія себѣ монарха:

«. . . . et nonnisi post omnimodum praedicti Sexus defectum avitam et veterem. . . . Consuetudinem Praerogativamque Statuum et Ordinum in Electione et Coronatione Regum locum habituram reservant intelligendam [4]).

Далѣе слѣдуютъ условія со стороны венгерцевъ: сохраненіе самостоятельности и независимости государства, его правъ, свободы и законовъ.

Рѣшеніе ландтага $172^2/_3$ г. получило санкцію короля Карла (III), который, такимъ образомъ, принялъ и условія, заключавшіяся въ немъ [5]). Въ силу этихъ обстоятельствъ за венгерскими

---

[1]) G. A. I: $172^2/_3$ pr.

[2]) G. A. I: $172^2/_3$ § 4.

[3]) G. A. II: $172^2/_3$ § 7.

[4]) G. A. II: $172^2/_3$ § 11. Cp. Bidermann. Gesammtstaatsidee. II, S. 51—54.

[5]) Biderm. въ Grünh. Zeitschr. II, S. 250.

законами указанныхъ годовъ нельзя не признать договорнаго характера, и справедливо венгерскій парламентъ въ 1861 г. объявилъ, что «прагматическая санкція не простой дипломъ, не пожалованный даръ или данное обѣщаніе, но состоявшійся въ силу взаимнаго соглашенія договоръ, на основаніи котораго, съ одной стороны, венгерцы торжественно отказались въ пользу женскаго потомства Габсбургскаго дома отъ своего права свободнаго избранія короля по прекращеніи мужскаго колѣна дома Габсбурговъ,—а, съ другой стороны, Карлъ III (какъ германскій императоръ, Карлъ VI), открыто признавшій это свободное право избранія въ G. A. III: 1715, обѣщалъ исполненіе предложенныхъ націей условій . . . ». «Заключенный, такимъ образомъ, двусторонній договоръ вступилъ въ силу со всѣми своими условіями» [1]).

Значеніе прагматической санкціи сводится къ двумъ пунктамъ: она установляетъ, во-первыхъ, постоянное и прочное, а не временное и случайное, на личной только уніи основанное, соединеніе всѣхъ странъ монархіи, и, во-вторыхъ, защиту и поддержаніе общей безопасности общими и соединенными силами всѣхъ земель [2]).

Царствованія Маріи Терезіи и Іосифа II являются періодомъ не только административныхъ реформъ, но и стремленія къ государственному объединенію. Сопротивленіе противъ законодательства въ этомъ смыслѣ принудило Леопольда II возвратиться къ прежнему положенію. Но въ то время какъ въ западной части монархіи, онъ ограничился частичными и сравнительно незначительными уступками [3]), Венгрія вновь получаетъ полное обезпеченіе своей государственной и административной самостоятельности.

G. A. X: $17^{90}/_{91}$, гласитъ, что. несмотря на art. I & II: $172^{2}/_{3}$,

---

[1]) ibid.

[2]) Такъ, по крайней мѣрѣ, изъясняетъ G. A. XII: 1867, каковой законъ въ этомъ отношеніи является аутентическимъ толкованіемъ прагматической санкціи pro futuro atque pro praeterito. Ср. Ulbr. Rechtl. Natur. S. 32. Понимали-ли ее венгерцы точно такъ же и въ $172^{2}/_{3}$ г. — другой вопросъ, на который можно, пожалуй, дать и отрицательный отвѣтъ. Ср. Bidermann l. c. S. 233.

[3]) Подробно обо всемъ этомъ у Ульбриха Lehrb. S. 32 ff. Ср также Градовскій. Госуд. право европ. державъ, стр. 602 и сл.

« ....Hungaria nihilominus cum partibus annexis sit regnum liberum et relate ad totam legalem regiminis formam (huc intellectis quibusvis dicasteriis suis) independens, id est nulli alteri Regno aut populo obnoxium, sed propriam habens Consistentiam et Constitutionem, proinde a legitime coronato haereditario Rege suo adeoque etiam a Sua Majestate sacratissima, Successoribusque ejus Hungariae Regibus *propriis Legibus et consuetudinibus*, non vero ad normam aliarum Provinciarum, ... regendum et gubernandum».

Точно также G. A. XII: $17^{90}/_{91}$ года постановляетъ, что законодательная власть принадлежитъ въ Венгріи законно вѣнчаннымъ государямъ вмѣстѣ съ законно собранными на ландтагѣ сословіями королевства и что, слѣдовательно, не допускается управленіе страной посредствомъ эдиктовъ или такъ называемыхъ патентовъ.

При всемъ томъ, при всей независимости Венгріи, могла и дѣйствительно продолжала существовать общность въ нѣкоторыхъ указанныхъ выше областяхъ,—общность, имѣвшая мѣсто, какъ мы видѣли, и при чисто личномъ соединеніи Венгріи съ Австрійской монархіей и проистекавшая изъ того обстоятельства, что веденіе внѣшней политики, начальство надъ войскомъ, высшее полицейское управленіе и регаліи составляли исключительное право монарха. Этимъ и объясняется наличность общихъ учрежденій [1]), тождественность нѣкоторыхъ нормъ и даже одноактное изданіе извѣстныхъ постановленій въ обѣихъ половинахъ монархіи. Эти явленія не порождали, конечно, никакой высшей надъ Венгріей власти (что особенно явствуетъ изъ приведеннаго текста X: $17^{90}/_{91}$), хотя на видъ можетъ казаться, что учрежденія ея были подчинены учрежденіямъ другого государства, будто бы издававшаго для нея законы [2]).

Въ 1804 г. происходитъ принятіе австрійскимъ монархомъ императорскаго титула. Актъ этотъ имѣлъ только цѣлью установить равенство Габсбургскаго дома съ главнѣйшими европейскими монархами и державами,—равенство, которое, по выра-

---

[1]) См. выше.

[2]) Ulbr. Rechtl. Nat. S. 34 ff.

женію патента, «принадлежитъ монархамъ Австріи какъ въ отношеніи древняго блеска ихъ дома, такъ и въ отношеніи величины и населенія ихъ государства, заключающаго въ себѣ столь значительныя королевства и независимыя княжества, и которое обезпечено за ними международной практикой или трактатами»[1]). Но перемѣна титула не должна была влечь за собой никакого измѣненія въ положеніи королевствъ, княжествъ и провинцій. Ихъ титулы, устройство, привилегіи и отношенія должны были оставаться «неизмѣнными»[2]). Особенно же должно замѣтить это относительно королевства Венгріи и соединенныхъ съ нимъ земель, въ которыхъ по прежнему имѣетъ быть особое вѣнчаніе на престолъ[3]). Такимъ образомъ, и въ разсматриваемомъ патентѣ выражается дуализмъ между Австріей и Венгріей. Въ то время какъ во всѣхъ остальныхъ странахъ монархіи, личность императора окончательно поглощаетъ личность монарха той или другой отдѣльной страны, въ Венгріи рѣзко различаются личности короля и императора. Вообще ей извѣстно только первая; вторая проявляется лишь въ сферѣ неограниченныхъ правъ монарха[4]).

Оставляя въ сторонѣ паденіе Священной Римской Имперіи 1805 г. (благодаря которому, скажемъ мимоходомъ, австрійскій императоръ юридически впервые сталъ сувереномъ) и прочія для насъ маловажныя событія первой половины текущаго столѣтія, обратимся прямо къ 1848 г.

Революціонное движеніе, охватившее въ это время европейскій континентъ, отразилось и на монархіи Габсбурговъ. Въ Венгріи оно выразилось въ стремленіи къ обособленности отъ Австріи и соединенію съ ней только посредствомъ личности монарха. Эту цѣль, вмѣстѣ съ обращеніемъ сословнаго устройства въ конституціонно-представительное, и преслѣдовали G. A. I—XXXI: 1848[5]). Но законы эти были оспорены, какъ

---

[1]) Kais. Pat. v. 11 Aug. 1804. Pol. G. S. XXII Bd № 20. Введеніе.
[2]) ibid.
[3]) ibid. пункты 3 и 4.
[4]) Ulbr. въ Marq. Handb. l. c. S. 9. Rechtl. Nat. S. 38.
[5]) Особенно важны G. A. III объ отвѣтственномъ венгерскомъ министерствѣ, G. A. IV & V о законодательномъ собраніи. Ср. Ulbr. Lehrb. S. 53.

идущіе въ разрѣзъ съ единствомъ монархіи, и 4 марта 1849 г. было введено общее устройство для всѣхъ земель, имѣвшее послѣдствіемъ извѣстное возстаніе Венгріи, инкорпорацію послѣдней и обращеніе всей монархіи въ единое государство.

Единство всей монархіи было сохранено и въ постановленіи [1]) отъ 31 декабря 1851 г., отмѣнившемъ конституціонное устройство 49 г., такъ что въ періодъ до 1860 г. мы видимъ предъ собой единое централизованное государство (съ 52 г. съ неограниченной даже формой правленія). Такъ называемый «Octoberdiplom» 1860 г. и февральскій патентъ слѣдующаго, 61 г. сдѣлали попытку создать конституціонное децентрализованное унитарное государство съ извѣстной автономіей областей и провинціальными законодательными собраніями, но приведенію въ дѣйствіе этихъ законовъ воспротивилась Венгрія, которая, опираясь на указанные законы 1848 г., не хотѣла признать общаго для всей монархіи парламента (Gesammtreichsrath).

Результатомъ всего этого оказался манифестъ 1865 г., которымъ монархъ изъявилъ свою волю вступить на путь соглашенія съ законными представителями Венгріи. Созванный къ концу 1865 г. венгерскій парламентъ, въ отличіе отъ рейхстага 1861 г., призналъ вытекающими изъ прагматической санкціи взаимную защиту обѣихъ половинъ монархіи и существованіе нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ [2]). Этимъ онъ далъ возможность прійти къ улаженію спора, завершившагося цѣлымъ рядомъ законовъ [3]), вѣнцомъ которыхъ является G. A. XII: 1867 «о дѣлахъ общихъ между землями венгерской короны и другими землями, подвластными Его Величеству [4]), и способѣ ихъ отправленія».

---

[1]) Allerhöchstes Kabinetsschreiben.

[2]) Ulbr. Lehrb. S. 54.

[3]) О самостоятельномъ венгерскомъ министерствѣ, коронованіи и коронаціонномъ дипломѣ; отмѣчу еще G. A. VII & VIII: 1867, измѣнившіе нѣкоторыя статьи G. A. III: 1848.

[4]) Эти земли я для краткости буду называть Австріей или Цислейтаніей, въ отличіе отъ Венгріи (Транслейтаніи). Оффиціальный ихъ титулъ: «Die im Reichsrathe vertretenen Königreiche und Länder». Австр. Ausgleichsgesetz § 1 и законъ 21 дек. 1867 г. объ общихъ правахъ гражданъ, § 1. Ср. Ulbr. въ Marq. Handb. § 6.

Почти одновременно съ разрѣшеніемъ вопросовъ въ венгерскомъ парламентѣ былъ созванъ и австрійскій рейхсратъ, опредѣлившій въ пяти основныхъ государственныхъ законахъ[1]) конституціонное устройство Австріи и въ особомъ законѣ [2]) отъ того же 21 декабря отношеніе къ общимъ всѣмъ частямъ монархіи дѣламъ. Этотъ послѣдній законъ по своему содержанію приблизительно равенъ венгерскому G. A. XII: 1867 г. [3]).

§ 7. Въ началѣ [4]) означеннаго венгерскаго закона указывается прежде всего, что соединеніе между землями Венгріи, съ одной стороны, и прочими странами Его Величества, съ другой, основано на прагматической санкціи, принятой законами I, II & III: 172$^2/_3$ [5]); что, согласно съ нею, защита и поддержаніе общей безопасности соединенными силами составляетъ взаимную и обоюдную обязанность, но что при всемъ томъ необходимымъ условіемъ является государственная, политическая и внутренняя, самостоятельность Венгріи. «Эти два принципа», продолжаетъ тотъ же законъ [6]), «и послужили венгерскому парламенту основаніемъ для опредѣленія предметовъ, касающихся одновременно Венгріи и другихъ странъ, подвластныхъ общему монарху». «Равно какъ—читаемъ тамъ же — Венгрія всегда готова была въ прошедшемъ и будущемъ выполнять все то, чего на основаніи прагматической санкціи неизбѣжно требуютъ защита и поддержаніе общей безопасности соединенными силами, такъ точно она не можетъ принять на себя обязательства, кои выходятъ за эту цѣль и для достиженія ея не безусловно необходимы».

«Одно изъ средствъ осуществить общую защиту, вытекающую изъ прагматической санкціи, говоритъ § 8 того же закона, есть соотвѣтственное веденіе иностранныхъ дѣлъ. Въ виду

---

[1]) См. Dareste op. cit. I p. 361 etc.; Ulbr. въ Marquards. Handb. § 7.

[2]) № 146 R. G. Bl.

[3]) Ulbr. въ Marquards. Handb. l. c. S. 11.

[4]) G. A. XII: 1867, §§ 1, 2, 3.

[5]) Такимъ образомъ, осталось въ силѣ положеніе, по которому соединеніе продолжается лишь поскольку будетъ существовать потомство Карла, Іосифа и Леопольда, а въ случаѣ прекращенія таковаго право избранія возвращается къ Венгріи, II: 1867 § 4.

[6]) Ibid. § 4.

этого необходимо сдѣлать общими иностранныя дѣла, затрогивающія одновременно всю совокупность земель, подвластныхъ суверенитету Его Величества. Слѣдовательно, дипломатическое и коммерческое представительство за-границей и переговоры о международныхъ трактатахъ, при согласіи и одобреніи каждаго изъ министерствъ въ отдѣльности, составляютъ предметъ вѣдѣнія общаго министерства иностранныхъ дѣлъ». Но договоры подлежатъ утвержденію каждаго изъ парламентовъ на точномъ основаніи конституцій [1]).

«Другое средство общей защиты — армія и все къ ней относящееся, словомъ, военное дѣло». Исключаются и вѣдаются отдѣльно Венгріей (и Австріей) какъ въ отношеніи законодательства, такъ и въ отношеніи управленія: періодическій наборъ войска, опредѣленіе размѣра контингента и пр. и вообще всѣ мѣры касательно распредѣленія и содержанія арміи [2]), а также организація или перемѣна системы обороны [3]).

«Общими признаются, наконецъ, и финансы въ мѣрѣ требуемой расходами на отрасли, признанныя общими», согласно съ этимъ установленіе общаго для нихъ бюджета и провѣрка сюда относящихся отчетовъ. Но распредѣленіе и взиманіе суммъ, составляющихъ долю расходовъ, падающую на Венгрію, нормируется венгерскимъ парламентомъ и венгерскимъ отвѣтственнымъ министерствомъ [4]).

Что касается способа отправленія общихъ дѣлъ, то, подъ условіемъ сохраненія неприкосновенности государственнаго устройства Венгріи, существованія конституціоннаго режима въ прочихъ земляхъ Его Величества и полнаго равенства этихъ двухъ частей, онъ представляется въ слѣдующихъ чертахъ [5]).

Для всѣхъ предметовъ, дѣйствительно общихъ и въ качествѣ таковыхъ не принадлежащихъ отдѣльно Венгріи и отдѣльно Австріи, существуетъ общее министерство, которое не вправѣ не только вести дѣла правительства одной изъ двухъ частей, но и вообще какимъ бы то ни было образомъ въ нихъ

---

[1]) Ср. Австр. Ausgleichsgesetz, § 1 a.
[2]) XII: 1867, §§ 9, 12; Австр. законъ, § 15.
[3]) XII: 1867, § 13; см., впрочемъ, ниже.
[4]) XII: 1867, §§ 13, 40—42; Австр. зак. § 1c.
[5]) XII: 1867, §§ 23—26, 28.

вмѣшиваться [1]). Законодательная по общимъ дѣламъ власть принадлежитъ такъ называемымъ делегаціямъ, которыя избираются венгерскимъ рейхстагомъ, съ одной стороны, и австрійскимъ рейхсратомъ, съ другой, каждымъ въ отдѣльности изъ числа своихъ членовъ. Делегаціи эти, какъ и общее министерство, разсматриваютъ только общія дѣла и не могутъ переходить за границу, отдѣляющую общія отрасли отъ дѣлъ, предоставленныхъ исключительно парламентамъ каждой изъ частей [2]).

Кромѣ общихъ обѣимъ половинамъ монархіи дѣлъ, имѣется еще рядъ вопросовъ, на которые хотя и не распространяется означенная, вытекающая изъ прагматической санкціи общность, но которые тѣмъ не менѣе, въ видахъ политическихъ, нормируются на основаніи тождественныхъ началъ, установляемыхъ отъ времени до времени путемъ соглашенія [3]). Эти вопросы касаются 1) торговли, преимущественно же законодательства таможеннаго, 2) косвенныхъ налоговъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ промышленному производству, 3) установленія монетнаго дѣла, 4) желѣзнодорожныхъ путей, интересующихъ оба государства, 5) системы защиты страны [4]) — и получаютъ свое рѣшеніе въ видѣ трактатовъ между Венгріей, съ одной стороны, и Цислейтаніей, съ другой, какъ совершенно независимыми другъ отъ друга государствами [5]).

Точно также путемъ соглашенія рѣшается и вопросъ о томъ, въ какой пропорціи каждая изъ половинъ монархіи участвуетъ въ несеніи общихъ расходовъ по общимъ дѣламъ внѣшнихъ сношеній, военнымъ и финансовымъ. Соглашеніе это имѣетъ происходить между рейхсратомъ и рейхстагомъ чрезъ извѣстные промежутки времени. Законодательныя собранія, каждое особо, избираютъ двѣ депутаціи, которыя вырабатываютъ извѣстный проэктъ. Въ этомъ имъ помогаютъ министерства той и другой

---

[1]) XII: 1867, § 27; Австр. зак. § 5.

[2]) XII: 1867, §§ 29, 37; Австр. зак. § 6.

[3]) XII: 1867, § 52; Австр. зак. § 2.

[4]) XII: 1867, §§ 13, 58, 63—66; Австр. зак. § 2.

[5]) XII: 1867, §§ 60, 61. Такіе трактаты, дѣйствительно, были заключены на первыхъ же порахъ. Сюда относится зак. 24 дек. 1867 № 4, (=G. A. XVI: 1867). Точно такимъ же путемъ было нормировано распредѣленіе уже накопившагося государственнаго долга — зак. 24 дек. 1867 № 3, (=G. A. XV: 1867). Ср. G. A. XII: 1867, § 54; Ulbr. Lehrb. S. 56—57.

страны по принадлежности, которыя затѣмъ вносятъ проэктъ, каждое въ свой парламентъ. Рейхсратъ и рейхстагъ сообщаютъ другъ другу свое рѣшеніе, послѣ чего оно представляется монарху для санкціи. Если депутаціи приходятъ къ двумъ разнымъ заключеніямъ, тогда и то и другое вносятся въ оба парламента. Только въ крайнемъ случаѣ, когда никакимъ образомъ нельзя добиться согласія между рейхсратомъ и рейхстагомъ, вопросъ подлежитъ разрѣшенію монарха, опредѣляющаго пропорцію единолично, но и то лишь на періодъ одногодичный [1]).

§ 8. Обращаясь къ оцѣнкѣ нормъ разсмотрѣнныхъ двухъ законовъ (XII: 1867 и австр. зак. отъ 21 декабря 1867 г.) [2]), нельзя не прійти къ тому заключенію, что въ лицѣ Австріи и Венгріи мы имѣемъ два совершенно независимыхъ и суверенныхъ государства. Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что въ основѣ соединенія лежитъ договоръ. § 1 закона XII: 1867 прямо говоритъ, что унія покоится на прагматической санкціи [3]), а договорный характеръ послѣдней былъ, надѣюсь, достаточно выясненъ при обзорѣ исторіи соединенія Австріи съ Венгріей. Въ § 2 того же закона прагматическая санкція, дѣйствительно, называется «основнымъ и торжественнымъ договоромъ». Договоромъ она именуется и въ австрійскихъ законахъ, какъ, напримѣръ, въ зак. отъ 21 дек. 1867 о представительствѣ имперіи (§ 11). Самый способъ улаженія спора въ 1867 г. точно также неминуемо приводитъ къ тому же выводу. Венгерскій законъ XII этого года содержитъ

---

[1]) XII: 1867, § 18 — § 22; Австр. зак. § 3. Распредѣленіе расходовъ по общимъ дѣламъ было установлено зак. 24 дек. 1867 г. № 2 и тождественнымъ съ нимъ G. A. XIV: 1867. Договоръ по этому вопросу, какъ и союзъ таможенный и торговый, былъ заключенъ на 10 лѣтъ, затѣмъ продолженъ еще на 10 лѣтъ и, по истеченіи этого срока, опять продолженъ на столько же. Изъ общихъ расходовъ Австрія несетъ 68, 6%, а Венгрія 31, 4% (такъ какъ прежде всего 2% падаютъ на Венгрію, а остальные 98% распредѣляются между нею и Австріей въ отношеніи 30: 70). Dareste op. cit. I p. 333.

Въ 1878 г. (законъ 27 іюня № 66 = G. A. XXV) былъ учрежденъ договорнымъ путемъ общій австро-венгерскій банкъ, относительно котораго оба государства состоятъ въ ассоціаціи. Подробности у Ulbrich'a Lehrb. S. 600 ff.

[2]) R. G. Bl № 146.

[3]) См. также XII: 1867, §§ 6, 18, 28 etc.

цѣлый рядъ условій [1]), поставляемыхъ австрійской имперіи. Это, такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію Іеллинека [2]), не иное что, какъ предложеніе договора, который путемъ изданія соотвѣтственнаго австрійскаго закона былъ принятъ и слѣдовательно, заключенъ. Почти излишне прибавлять, что контрагентами этого договора являются, съ одной стороны, суверенъ австрійскій, а съ другой, король венгерскій, какъ самостоятельные и равные [3]) другъ другу государи, какими они были одинаково въ $172^2/_3$ и 1867 гг. [4]).

Договорный характеръ виденъ не только въ прошедшемъ. Соглашеніе двухъ независимыхъ сторонъ неоднократно повторяется на нашихъ глазахъ, и на основаніи существующихъ нормъ ему суждено повторяться и въ будущемъ [5]). Изложенные §§ 18—22 XII: 1867 и § 3 австрійскаго закона относительно распредѣленія общихъ расходовъ доказываютъ это наглядно. Формальные трактаты (торговые и финансовые) [6]), заключенные между половинами монархіи, до очевидности ясно свидѣтельствуютъ о томъ же.

---

[1]) §§ 25, 26, 68, 69 etc.

[2]) Die Lehre v. d. Staatenverbind. S. 240 N 56 a, ср. S. 221.

[3]) Ср. XII: 1867, §§ 21, 29.

[4]) Замѣтимъ, что если бы въ періодъ между $172^2/_3$ & 1867 г. Венгрія утратила свою независимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ король венгерскій пересталъ существовать или по меньшей мѣрѣ занялъ бы подчиненное въ отношеніи австрійскаго монарха положеніе, то и тогда, въ виду непосредственной ссылки закона XII: 1867 на прагматическую санкцію, выставленное въ текстѣ положеніе о равенствѣ двухъ суверенов осталось бы правильнымъ. Но въ дѣйствительности не было ни единаго *законнаго* акта, коимъ бы уничтожалось или умалялось значеніе короля венгерскаго. Попытки Іосифа II были безуспѣшны и окончились закономъ $17^{90}/_{91}$, гдѣ яснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, выражена независимость Венгріи (см. выше); принятіе въ 1804 г. императорскаго титула, какъ указано, нисколько не повліяло на положеніе Венгріи, а всѣ измѣненія въ періодъ отъ 1848 по 1865 г. были односторонни и никогда Венгріей не признавались. Ср. Iellinek op. cit. S. 237; Ulbr. Lehrb. S. 743. Неправъ поэтому Бидерманъ (Rechtl. Nat. S. 33), когда говоритъ, что какъ до, такъ и послѣ 1848 г., надъ Венгріей имѣлась центральная власть.

[5]) Iellinek (op. cit. S. 219), справедливо говоритъ, что слово «Ausgleich» съ 1867 г. играетъ выдающуюся роль въ исторіи обѣихъ половинъ монархіи. Ср. Jurasch. op. cit. § 12.

[6]) См выше.

Итакъ, соединеніе Австріи и Венгріи основано на договорѣ, выраженіемъ котораго служатъ два отдѣльныхъ, принадлежащихъ двумъ разнымъ государствамъ, но только совпадающихъ по своему содержанію закона [1]). Объ единомъ актѣ государственнаго характера, о законѣ, изданномъ какой-нибудь высшей властью и легшемъ въ основу отношеній нашихъ двухъ государствъ, нѣтъ и слѣда [2]).

Такимъ образомъ, способъ установленія соединенія Австріи съ Венгріей указываетъ на независимость этихъ государствъ. Къ тому же выводу насъ приводитъ разсмотрѣніе каждаго изъ трехъ государственныхъ элементовъ. Въ дальнѣйшемъ мы постараемся выяснить, что, съ одной стороны, какъ Австрія, такъ и Венгрія, обладаетъ особой территоріей, особымъ народонаселеніемъ и особой верховной властью, и, слѣдовательно, ни одна изъ нихъ не подчинена другой, а что, съ другой стороны, нѣтъ такого политическаго тѣла, которое бы возвышалось надъ ними и, въ свою очередь, обладало существенными признаками государства.

Относительно территоріи дѣло представляется безспорнымъ. Существованіе территоріи австрійской explicite выражено въ законахъ отъ 21 дек. 1867 г. R. 141 [3]), отъ 19 мая 1868 и въ цѣломъ рядѣ договоровъ, заключенныхъ Австріей съ сосѣдними державами [4]). Наличность территоріи короны Венгерской и присоединенныхъ къ ней земель [5]) явствуетъ изъ закона II: 1867, §§ 1 & 3 и изъ формы присяги короля, клянущагося охранять цѣлостность и ненарушимость ея территоріи [6]). Объ австро-венгерской территоріи между тѣмъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ ни слова [7]).

---

[1]) Ulbr. Marq. Handb. l. c. S. 11; Rechtl. Natur. S. 52; Iellin. op. cit. S. 238.

[2]) Если Данчеръ («Der monarch. Bundesstaat Oester.-Ung.») говоритъ о государственномъ актѣ и общей Rechtsverfassung (S. 344 ff., S. 352), то это объясняется исключительно ложнымъ съ его стороны пониманіемъ парламентовъ Австріи и Венгріи, о чемъ ниже.

[3]) § 11 litt. a. Cp. Ulbr. Lehrb. S. 75.

[4]) См. ихъ у Ulbrich'а l. c.

[5]) Кроаціи-Славоніи.

[6]) Dareste. op. cit. I p. 414.

[7]) Утвержденіе Данчера (op. cit. S. 324), что имѣется австро-венгерская территорія, ни на чемъ не основано. То обстоятельство, что су-

Точно также является несомнѣннымъ отдѣльное подданство какъ для Австріи, такъ и для Венгріи. § 1 закона 21 декабря 1867 г. объ общихъ правахъ гражданъ говоритъ, что для всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ королевствамъ и странамъ, имѣющимъ своихъ представителей въ рейхсратѣ, существуетъ одно общее австрійское подданство, и опредѣляетъ условія пріобрѣтенія и потери этого подданства [1]). Въ Венгріи этому закону соотвѣтствуетъ G. A. L: 1879, объявляющій, что во всѣхъ странахъ венгерской короны имѣется одно (и только одно) подданство. Общаго австро-венгерскаго подданства опять-таки нѣтъ [2]).

Повидимому, менѣе яснымъ представляется вопросъ о верховной власти, но только повидимому. И здѣсь не трудно показать наличность особой высшей государственной власти для Австріи и особой для Венгріи и отсутствіе общей для нихъ обѣихъ.

ществуютъ нормы для защиты пространства, занимаемаго всей монархіей, объясняется лишь союзомъ обоихъ государствъ. Ср. Iellin. op. cit. S. 244 N 64, Jurasch. op. cit. S. 106, Ulbr. Lehrb. S. 742 N 3.

[1]) На томъ, что Австрія въ тѣсномъ смыслѣ слова (Цислейтанія) не есть сложное, а лишь децентрализованное унитарное государство, считаю излишнимъ останавливаться. Ср. Iellin. op. cit. S. 76. Ulbr. Marq. Handb. S. 34. Rechtl. Natur. S. 62 ff.

[2]) Доказательство Данчера (op. cit. S. 320 ff.) въ пользу таковаго такъ же мало убѣдительно, какъ и его попытки относительно общей территоріи. Ulbr. Lehrb. S. 742—743. Справедливо говоритъ Іеллинекъ (l. c.), что, напримѣръ, положеніе, въ силу котораго всякій служащій въ войскѣ и флотѣ считается туземцемъ въ обоихъ государствахъ, такъ же мало свидѣтельствуетъ объ общемъ подданствѣ, какъ и § 38 австрійскаго уголовнаго кодекса, требующій, чтобы австріецъ, совершившій преступленіе заграницей, разсматривался тамъ, какъ туземецъ. Прибавлю отъ себя, что означенное положеніе § 16 R. 46: 1868 объясняется общностью военнаго дѣла. Это соображеніе подтверждается тѣмъ, что служащіе въ ландверѣ, на который общность не распространяется, не пользуются правами подданства въ обѣихъ половинахъ монархіи и что вообще подданные одного государства почитаются иностранцами въ другомъ. Ulbr. Lehrb. S. 121. Если, далѣе, Данчеръ думаетъ, что законъ tacite признаетъ австро-венгерское подданство, на томъ основаніи, что обратное нигдѣ не выражено explicite, то ему на это можно возразить, что такимъ путемъ легко доказать и русско-французское подданство. Нигдѣ, вѣдь, прямо не сказано, что его нѣтъ.

Носитель верховной власти въ восточной и западной половинѣ Габсбургской монархіи не одинъ и тотъ же. Общій монархъ—только физически одно лицо, юридически же это два лица. Положеніе его по сю и по ту сторону Лейты неодинаково ни въ историческомъ прошломъ, ни въ настоящее время. До дарованія конституціи австрійскимъ наслѣднымъ землямъ онъ управлялъ ими въ качествѣ абсолютнаго суверена; въ Венгріи, напротивъ, онъ всегда былъ ограниченъ сословнымъ собраніемъ [1]). Послѣ 1867 г. и нынѣ, несмотря на конституціонный образъ правленія въ обоихъ государствахъ, юридическое положеніе монарха все же осталось различнымъ. Въ Австріи онъ императоръ, въ Венгріи король; въ каждомъ государствѣ ведется особый счетъ государямъ того же имени. Карлъ, какъ императоръ, былъ Карломъ VI; какъ король венгерскій, онъ былъ Карломъ III; точно также Фердинандъ I былъ въ Венгріи Фердинандомъ V и пр. Въ каждомъ государствѣ имѣется особая корона. Въ Австріи обряда вѣнчанія на царство нѣтъ. Вступая на престолъ, императоръ въ присутствіи обѣихъ палатъ рейхсрата только произноситъ клятву соблюдать конституцію государства [2]); въ Венгріи, наоборотъ, имѣется торжественное вѣнчаніе короной св. Стефана, изготовленіе особаго коронаціоннаго королевскаго диплома [3]), а равнымъ образомъ и присяга свято и ненарушимо хранить національные законы и конституцію Венгріи, ея права и привилегіи, преимущества жителей и сословій, основанныя на золотой буллѣ короля Андрея II, и пр. [4]).

Сообразно съ такой двойственностью положенія монарха, и титулъ его гласитъ: «Императоръ Австрійскій и король Богемскій и пр. *и* апостолическій король Венгерскій», «Его Величество императоръ и король», «Его Императорское и королевское апостолическое Величество». Въ началѣ высочайшаго ре-

---

[1]) XII: 1867, § 5.

[2]) § 8 зак. 21 дек. 1867 R. 145.

[3]) II: 1867. Ср. обо всемъ этомъ Jurasch. Personal — & Realunion. S. 105.

[4]) Отмѣтимъ еще, что общаго цивиль-листа нѣтъ въ Австро-Венгріи и что каждое изъ государствъ отдѣльно опредѣляетъ расходы по содержанію двора (XII: 1867, § 7). Данчеру съ его точки зрѣнія остается только удивляться этому обстоятельству (op. cit. S. 320).

скрипта отъ 14 ноября 1868[1]), установившаго этотъ титулъ, открыто выражено, что послѣдній соотвѣтствуетъ «недавно упорядоченнымъ отношеніямъ», и предписывается употреблять его при суверенныхъ актахъ, а особенно при заключеніи трактатовъ съ иностранными державами[2]). Справедливо замѣчаетъ по этому поводу Юрашекъ[3]), что уже титулъ монарха долженъ служить указаніемъ на то, что въ общихъ дѣлахъ выступаютъ и фигурируютъ оба государства. Говоря: «Я, императоръ австрійскій и король венгерскій», монархъ какъ будто говоритъ: «мы оба, «императоръ австрійскій и король венгерскій»[4]). То же, что титулъ, показываетъ названіе монархіи, именуемой австро-венгерской[5]).

Обращаюсь къ вопросу о законодательныхъ собраніяхъ. Что касается рейхсрата и рейхстага, то это, очевидно, два отдѣльныхъ учрежденія, изъ которыхъ первое принадлежитъ имперіи австрійской, а второе королевству венгерскому. Законы XII: 1867 и соотвѣтствующій ему австрійскій разсматриваютъ ихъ, какъ совершенно самостоятельные и независимые органы. Общаго, съ другой стороны, для всей монархіи парламента вовсе не имѣется[6]).

---

[1]) См. его у Данчера, op. cit. S. 35—36.

[2]) Ср. наприм. конвенцію между Россіей и Австріей отъ 3/15 октября 1874 года. Ивановскій. Собраніе дѣйств. догов. Россіи, II, стр. 3; конв. отъ 21 марта/2 апрѣля 1884, тамъ же стр. 190, и др.

[3]) Op. cit. S. 107.

[4]) Мнѣніе Данчера (op. cit. S. 313 ff. и passim) о существованіи государства «Австро-Венгрія» вытекаетъ изъ его неудовлетворительнаго пониманія способовъ соединенія государствъ, о чемъ ниже. Одно утвержденіе на каждомъ шагу наличности таковаго, разумѣется, бездоказательно. Ср. Iellin. S. 237 N 52.

[5]) Самый терминъ «монархія» или нѣмецкое «Reich» (=держава) не означаетъ, конечно, единства государства. Термины эти не строго юридическіе и свидѣтельствуютъ только о подвластности одному монарху. Съ этой же точки зрѣнія нужно смотрѣть и на «Reichshälften». Ср. Iellin. op. cit. S. 215.

[6]) XII: 1867, §§ 5, 19, 29 etc., R. G. Bl. 146, §§ 1, 3. Данчеръ, правда (op. cit. S. 155 ff. и passim), и здѣсь утверждаетъ, что рейхсратъ и рейхстагъ, будучи законодательными собраніями въ Австріи и Венгріи въ частности, вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ собой двѣ части одного общаго парламента. Но его разсужденіе—чистѣйшая фантазія. Оно основано на томъ, что существуетъ общее министерство, что относительно нѣкоторыхъ

Относительно же делегацій нужно прежде всего сказать, что это не самостоятельныя законодательныя учрежденія, а только своего рода комитеты, исходящіе, каждый отдѣльно, изъ соотвѣтствующаго — австрійскаго или венгерскаго — парламента. Присвоеніе делегаціямъ, особенно въ случаѣ ихъ соединеннаго засѣданія, значенія общаго австро-венгерскаго парламента неправильно уже потому, что въ томъ же законѣ XII: 1867, который будто бы вводитъ такое общее учрежденіе, explicite (§ 28) сказано, что въ качествѣ законодательной власти по общимъ дѣламъ «Венгрія не считаетъ полезнымъ установленіе ни общаго государственнаго совѣта (Reichsrath), ни общаго или центральнаго парламента, подъ какимъ бы то ни было названіемъ, и не согласна ни на одно изъ этихъ учрежденій....» Если бы делегаціи были дѣйствительно частями общаго представительнаго собранія, какъ думаютъ Бидерманъ [1]) и Данчеръ [2]), то непонятно было бы противорѣчіе указаннаго закона, въ которомъ статьи, непосредственно слѣдующія за § 28, оказались бы прямо ему противоположны по своему значенію. Отсюда слѣдуетъ, что делегаціи не составляютъ общаго парламента. И дѣйствительно, изъ нормъ, сюда относящихся [3]), видно, что это, какъ уже замѣчено, лишь коммиссіи или комитеты (Ausschüsse), обладающіе, правда, рѣшительнымъ правомъ голоса и

вопросовъ законодательныя собранія должны прійти къ извѣстному соглашенію, и т. п. Признавая, что постановка вопроса не соотвѣтствуетъ его взгляду, что рейхсрату и рейхстагу отдѣльно предлагаются законопроэкты и договоры, что въ каждомъ изъ нихъ отдѣльно происходитъ обсужденіе, что отдѣльно публикуются законы, что отдѣльно происходятъ выборы въ то и другое учрежденіе и пр.; допуская (S. 174), что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ парламента, въ которомъ единство было бы такъ отодвинуто, какъ въ (воображаемомъ и желанномъ!) австро-венгерскомъ парламентѣ, что это единственное въ своемъ родѣ явленіе и т. п., что общій парламентъ не признанъ, никогда не созывался и что не имѣется нужныхъ для его функціонированія постановленій, — допуская все это, Данчеръ тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что законно онъ существуетъ, а настоящій порядокъ вещей неправиленъ и даже юридически немыслимъ (S. 164 ff).

[1]) Rechtl. Nat. §§ 36, 38 ff.

[2]) Op. cit. S. 52—58, 151 и 176—219. Ср. противъ него Iellinek S. 246 N 66.

[3]) XII: 1867, § 29—§ 51; Австр. зак. 1867 г. R. G. Bl. № 146, § 6—§ 35 incl.

поставленные наряду съ самими парламентами [1]), но остающіеся тѣмъ не менѣе комиссіями какъ по составу, такъ и по всей своей дѣятельности. Доказательства Юрашека [2]) въ этомъ направленіи до того солидны и полны, что мнѣ остается только привести ихъ.

Прежде всего нѣтъ спеціальнаго закона для делегацій. Объ австрійской делегаціи идетъ рѣчь лишь «*въ дополненіе*» къ основному закону о представительствѣ государства [3]), въ которомъ имѣются только постановленія для рейхсрата. Мало того: этимъ же закономъ [4]) рейхсрату предоставляется право опредѣлять форму веденія общихъ съ Венгріей дѣлъ, другими словами, право организаціи делегаціи Цислейтаніи. Между тѣмъ самостоятельныя законодательныя учрежденія сами опредѣляютъ и измѣняютъ свое устройство, и это право принадлежитъ даже ландтагамъ австрійскихъ наслѣдственныхъ земель. —Характеръ делегацій, какъ учрежденій, представляющихъ не народъ, а лишь отдѣльныя законодательныя учрежденія, разительнѣе высказывается въ слѣдующемъ.

Одна делегація состоитъ изъ членовъ рейхсрата, другая— рейхстага [5]). Вступая въ составъ делегаціи (какъ той, такъ и

---

[1]) Такъ что парламенты своими рѣшеніями не могутъ замѣнить ихъ рѣшеній. Ср. Ulbr. въ Marq. Handb. l. c. S. 14. Члены делегацій вдобавокъ не могутъ быть связаны инструкціями. XII: 1867, § 38, R. G. Bl. 146, § 21.

[2]) «Rechtl. Nat. der Delegationen» въ Grünh. Zeitschr. V. S. 270—283, Personal—und Realunion. S. 112 ff.

[3]) Введеніе къ R. G. Bl. № 146.

[4]) § 11 litt. o R. G. Bl. № 111.

[5]) Въ Венгріи избирается 60 делегатовъ: $^1/_3$ этого числа выбирается верхней палатой изъ нея же, а остальныя двѣ трети — нижней палатой. Въ Австріи точно также верхняя палата избираетъ 20 членовъ in pleno, нижняя же палата избираетъ своихъ 40 членовъ такимъ образомъ, что изъ числа членовъ каждой страны, имѣющей представителей въ рейхсратѣ, избирается опредѣленное число въ делегацію (XII: 1867, § 29; зак. 1867 г R. 146, §§ 7 & 8). Положеніе, что делегація—часть парламента, этимъ не нарушается, такъ какъ члены ея все-таки оказываются избранными изъ числа наличныхъ членовъ рейхсрата, хотя бы выборъ и происходилъ по группамъ (Iurasch. Grünh. Zeitschr. S. 274 ff). Аналогія замѣтна и въ Венгріи, гдѣ обязательно избраніе въ делегацію 5 членовъ изъ кроатовъ — 4 изъ нижней и 1 изъ верхней палаты (XXX: 1868, §§ 40 и 41).

другой), члены ея не теряютъ званія члена рейхсрата (или рейхстага), и отъ этого послѣдняго ихъ положенія зависитъ и первое. Такъ, выступая изъ рейхсрата (или рейхстага), членъ делегаціи вмѣстѣ съ тѣмъ перестаетъ быть таковымъ[1]). При распущеніи того или другого парламента, eo ipso прекращается и дѣятельность соотвѣтствующей делегаціи. Новый рейхсратъ или рейхстагъ долженъ избирать и новую делегацію[2]).

Необходимо, далѣе, замѣтить, что ни одна изъ делегацій не дѣйствуетъ по собственному праву. Функціонированіе какъ той, такъ и другой, основывается на препорученіи соотвѣтственныхъ парламентовъ. Для Венгріи это несомнѣнно въ силу XII: 1867, § 38, опредѣляющаго, что делегація *представляетъ* собой сеймъ по отношенію къ прочимъ землямъ Его Величества; для Австріи это слѣдуетъ изъ австрійскаго Ausgleichsgesetz'а отъ 21 дек. 1867, § 6, по которому «законодательная власть, принадлежащая представительнымъ собраніямъ обѣихъ половинъ монархіи, будетъ отправляться *ими* касательно общихъ дѣлъ *при посредствѣ* делегацій»[3]). Подтвержденіе своего мнѣнія Юрашекъ[4]) справедливо видитъ въ способѣ выраженія закона, который говоритъ о «дѣятельности» делегацій, о «выполненіи» ими извѣстнаго права, а не объ ихъ «правѣ» и не «о принадлежности» имъ такового[5]). Послѣднія выраженія употребляются лишь тамъ, гдѣ извѣстное право составляетъ собственное достояніе делегацій и должно быть признано за ними уже въ силу ихъ положенія, какъ комиссій. Такъ, делегаціи «имѣютъ право» дѣлать предложенія, обращаться къ министерству съ вопросами и т. п.[6]).

---

[1]) XII: 1867, § 30; зак. 1867 г. R. 146, §§ 10, 24.

[2]) XII: 1867, § 46; зак. 1867 г. R. 146, § 26.

[3]) Сопоставляя этотъ § съ § 11 закона о формѣ представительства, легко объясняется и послѣдній. Если въ немъ (§ 11) значится, что «въ компетенцію рейхсрата входятъ всѣ дѣла, затрогивающія права, обязанности и интересы, общіе всѣмъ странамъ, которыя онъ представляетъ, кромѣ тѣхъ дѣлъ, которыя, въ силу соглашенія съ землями короны венгерской, должны обсуждаться имъ сообща съ другими землями монархіи», то, безспорно,—особенно въ виду litt. o § 11—этимъ желательно было выразить то, что хотя въ означенныхъ общихъ съ Венгріей дѣлахъ законодательная власть принадлежитъ рейхсрату, но выполненіе ея относится къ его делегаціи. Ср. Ulbr. Lehrb. S. 754.

[4]) Grünh. Zeitschr. l. c. S. 277—278; Personal—& Realunion. S. 115.

[5]) XII: 1867, §§ 30 и 37; R. G. Bl. № 146, §§ 13, 16, 26.

[6]) XII: 1867, §§ 44, 39; R. G. Bl. № 146, §§ 14 & 28.

Если, такимъ образомъ, можетъ считаться доказаннымъ, что делегаціи являются своего рода коммиссіями, то ясно, что онѣ могутъ быть коммиссіями лишь соотвѣтственныхъ законодательныхъ учрежденій—рейхсрата, съ одной стороны, и сейма, съ другой, а не какого-нибудь общаго австро-венгерскаго парламента, какъ это утверждаютъ приверженцы унитарности Габсбургской монархіи [1]). Это вытекаетъ, во-первыхъ, изъ того, что нѣтъ общаго парламента для совокупности австрійскихъ и венгерскихъ земель, а, во-вторыхъ, изъ порядка веденія дѣлъ, имѣющаго цѣлью прійти путемъ делегацій къ установленію не *одной* государственной воли, а *двухъ*, хотя и тождественныхъ по своему содержанію, рѣшеній. Предложенія правительства дѣлаются каждой делегаціи особо [2]); делегаціи совѣщаются не совмѣстно, а раздѣльно [3]). Свое окончательное рѣшеніе одна делегація сообщаетъ другой только *послѣ* постановленія таковаго каждой изъ нихъ; дѣло, слѣдовательно, происходитъ не такъ, какъ это бываетъ между палатами одного парламента. Сообщенія должны привести къ согласованію рѣшеній делегацій; въ этихъ видахъ имѣютъ мѣсто письменныя сношенія между той и другой делегаціей, и лишь въ случаѣ безуспѣшности допускается въ видѣ крайней мѣры общее ихъ собраніе, въ которомъ — что крайне важно—дозволительно не обсужденіе, а лишь голосованіе по тому или иному вопросу [4]). Въ такомъ способѣ производства справедливо видятъ [5]) средство взвѣсить, какое или, точнѣе, чье рѣшеніе сильнѣе. То, которое перевѣшиваетъ, немедленно принимается какъ той, такъ и другой делегаціей, и притомъ въ качествѣ не общаго или чужого, а своего собственнаго, раздѣльно постановленнаго рѣшенія.

Такимъ образомъ, оказывается совершенно правильнымъ выставленное положеніе о томъ, что делегаціи отправляютъ только чужое право законодательства въ области общихъ всей монархіи дѣлъ и что это лишь Ausschüsse соотвѣтственныхъ

---

[1]) Dantscher op. cit. S. 178 ff.
[2]) XII: 1867, § 39; R. G. Bl. 146, § 14.
[3]) XII: 1867, § 33; R. 146, § 19.
[4]) XII: 1867, §§ 34 — 36, 43; R. 146, §§ 15, 31.
[5]) Jurasch. l. c. Ulbr. въ Marq. Handb. S. 14, 20; Rechtl. Nat. S. 60, 61.

двухъ парламентовъ,—столь же раздѣльные, какъ и сами парламенты, изъ которыхъ делегаціи выходятъ и которые въ указанной сферѣ ими замѣняются.

Противниками [1]) дуалистическаго взгляда выставляется еще общность нѣкоторыхъ отраслей управленія и соотвѣтствующихъ имъ органовъ — министерствъ. Но общность этихъ учрежденій, равно какъ и посольствъ, консульствъ и т. п., нисколько не противорѣчитъ независимости Австріи и Венгріи. Въ публичномъ правѣ фактъ общеизвѣстный и всѣми признанный, что государства безъ ущерба для своего суверенитета могутъ путемъ договора вступать въ извѣстныя ассоціаціи, создавая для достиженія извѣстныхъ цѣлей постоянные общіе органы [2]). Эти органы юридически принадлежатъ одинаково какъ тому, такъ и другому государству. Такъ, напримѣръ, членъ высшаго суда вольныхъ городовъ въ Гамбургѣ (до недавняго времени въ Любекѣ) [3]) служитъ судьей не только Гамбургскимъ, но и Любекскимъ и Бременскимъ [4]). Точно также каждое изъ общихъ между Австріей и Венгріей учрежденій является какъ австрійскимъ, такъ и венгерскимъ, а каждое изъ общихъ должностныхъ лицъ

---

[1]) Bidermann. Rechtl. Natur. S. 39; Dantscher op. cit. S. 155 ff. S. 202 ff.

[2]) Наиболѣе часто приводимымъ примѣромъ служатъ созданные отдѣльными германскими государствами общіе суды высшей инстанціи. Iellin. op. cit. S. 168, Brie. Theorie. S. 62 ff. Перечень ихъ см. у Лабанда, Das Staatsrecht des deutsch. Reiches. 1 Aufl. III, 2, S. 46. Общему органу ничего не препятствуетъ производить воздѣйствіе даже непосредственно на каждое изъ государствъ, вступившихъ въ союзъ, и дѣйствовать, слѣдовательно, точно такимъ же образомъ, какъ если бы онъ не только юридически, но и физически отличался двойственностью. Справедливо въ этомъ отношеніи говоритъ Бри (l. c.), что верховная власть, продолжающая и въ общихъ съ другими государствами дѣлахъ господствовать надъ своими подданными, одинаково обязываетъ послѣднихъ какъ въ томъ случаѣ, когда она пользуется общими органами, такъ и въ томъ, когда дѣйствуетъ чрезъ только ей подчиненныя и только отъ нея зависимыя учрежденія и лица. Общіе для отдѣльныхъ германскихъ государствъ суды пользуются обязательной для каждаго изъ этихъ государствъ юрисдикціей и непосредственно обязываютъ каждое изъ нихъ къ приведенію въ исполненіе постановленнаго приговора.

[3]) Ср. Wolffson. Das Staatsrecht der freien und Hansestadt Hamburg въ Marq. Handb. III, II, 3, S. 32.

[4]) Iellin. op. cit. S. 171.

одновременно состоитъ на австрійской и венгерской государственной службѣ [1]).

Съ этой точки зрѣнія нужно обсуждать тѣ органы, общность которыхъ необходима для достиженія цѣли соединенія: 1) общаго министра иностранныхъ дѣлъ, пословъ, консуловъ и т. п., заботящихся о политическихъ сношеніяхъ обѣихъ половинъ монархіи, покровительствѣ въ чужихъ краяхъ ихъ интересамъ и торговлѣ, защитѣ подданныхъ по ихъ дѣламъ за-границей и пр., въ каковыхъ отношеніяхъ вся монархія представляется въ видѣ единаго тѣла [2]); 2) общаго министра финансовъ, предсѣдателя и членовъ «счетнаго двора» (Rechnungshof), которымъ ввѣрено составленіе общаго бюджета, распредѣленіе расходовъ по общему управленію, администрація этого общаго дѣла и соотвѣтственный контроль [3]); 3) общаго военнаго министра и подчиненныхъ ему лицъ, вѣдающихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ управленіе войскомъ и военнымъ флотомъ (поскольку оно не поручено верховному начальствованію монарха или министерствамъ «защиты страны») [4]).

Ни одинъ изъ этихъ органовъ не можетъ быть отнесенъ къ Австро-Венгріи, какъ единому государству. Это органы двойственные. Если противъ этого возражаютъ [5]), что въ такомъ случаѣ для нихъ потребовалось бы отдѣльное назначеніе австрійской и венгерской верховной властью, что оказался бы нужнымъ

---

[1]) Если такое должностное лицо, которое собственно должно было бы пріобрѣсть подданство какъ въ Австріи, такъ и въ Венгріи, состоитъ только австрійскимъ или только венгерскимъ подданнымъ, а подчасъ не бываетъ ни тѣмъ ни другимъ (Ulbr. Lehrb. § 316), то это, правда, аномалія, но, по остроумному замѣчанію Іеллинека (op. cit. S. 244), доказываетъ только, что и въ публичномъ правѣ нѣтъ правила безъ исключенія. Буквально то же имѣетъ мѣсто въ Швеціи и Норвегіи (см. выше стр. 37).

[2]) Дуалистическій характеръ проявляется однако въ утвержденіи парламентами международныхъ договоровъ въ требуемыхъ конституціями случаяхъ. Со стороны Австро-Венгріи, выступаютъ, такимъ образомъ, всегда два контрагента. XII: 1867, § 8; R. 142, § 11 litt. a. Ulbr. Rechtl. Natur. S. 57.

[3]) Замѣтимъ, что Австро-Венгрія, какъ *одно* государство, не имѣетъ податей. О финансовомъ верховенствѣ австро-венгерскаго монарха не можетъ быть вопроса. Ср. Ulbr. Rechtl. Natur. S. 59—60. Lehrb. S. 737.

[4]) Ср Ulbr. въ Marq. Handb. § 9.

[5]) Bidermann, Dantscher l. c.

двойной докладъ или отчетъ по каждому дѣлу и т. п., то при этомъ забываютъ, что общій органъ, наприм., министръ, совершаетъ всякій актъ въ качествѣ австрійскаго и венгерскаго министра одновременно, что онъ не можетъ дѣйствовать, какъ австрійскій или венгерскій министръ въ отдѣльности [1]), и что къ нему, въ свою очередь, обращаются, какъ къ должностному лицу обоихъ государствъ. Здѣсь министръ, по вѣрному замѣчанію Юрашека [2]), является лишь рефлексомъ, отраженіемъ другого и главнѣйшаго изъ всѣхъ общихъ органовъ—монарха, который точно также объявляетъ войну, заключаетъ миръ, начальствуетъ надъ войскомъ и т. п., какъ австрійскій *и* венгерскій суверенъ, какъ императоръ *и* король [3]).

Справедливость этого взгляда становится очевидной тамъ, гдѣ наряду съ общими органами выступаютъ и органы отдѣльные для каждаго государства. Въ дѣлахъ, выходящихъ за предѣлы военнаго верховенства,—опредѣленіи размѣра контингента и пр. [4])—фигурируютъ отдѣльные парламенты обоихъ государствъ, и монархъ отдѣльно санкціонируетъ рѣшенія рейхсрата и рейхстага. Въ вопросахъ законодательныхъ общее министерство отдѣльно вноситъ законопроэктъ въ каждую делегацію [5]); оно же является отвѣтственнымъ предъ каждой делегаціей, поскольку отъ нея зависитъ вчатіе преслѣдованія [6]). Консулы, какъ представители торговыхъ интересовъ за-границей, подчинены не только общему министру иностранныхъ дѣлъ, но и каждому изъ отдѣльныхъ министровъ торговли [7]), и т. п. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ двойственная природа общихъ органовъ, скрытая при выполненіи ими одного дѣйствія, рѣзко обнаруживается при раздвоеніи совершаемаго акта и разновременномъ появленіи ихъ въ роли органа того и другого государства.

---

[1]) XII: 1867, § 27; R. 146, § 5.

[2]) Op. cit. S. 117; cp. Ulbr. Rechtl. Nat. S. 60.

[3]) Cp. Juraschek op. cit. S. 107 N 7.

[4]) См. выше стр. 54.

[5]) XII: 1867, § 39; R. 146, § 14. Что это единственная цѣль общности, что къ ней сводятся всѣ отрасли общаго управленія и всѣ общіе органы, совершенно очевидно. Стоитъ только припомнить XII: 1867, §§ 2—4. Cp. Ulbr. въ Marq. Handb. l. c. S. 14; Iellin. op. cit. S. 241.

[6]) XII: 1867, § 50; R. 146, § 16.

[7]) Ulbr. Lehrb. S. 747.

§ 9. Разсмотрѣніе законодательства, относящагося къ нашему вопросу, привело насъ къ заключенію, что Австрія и Венгрія, обладая, каждая въ отдѣльности, своей особой территоріей, своимъ особымъ подданствомъ и своей особой верховной властью, должны считаться совершенно самостоятельными и независимыми государствами [1]). Господствующаго надъ ними политическаго образованія не имѣется [2]). Существенныхъ для таковаго признаковъ и элементовъ нельзя видѣть ни въ делегаціяхъ, ни въ общемъ монархѣ, ни, наконецъ, въ министерствахъ, характеръ которыхъ, надѣюсь, сказаннымъ достаточно выясненъ.

Такимъ образомъ, Австро-Венгерская монархія представляется не инымъ чѣмъ, какъ особаго рода союзомъ государствъ Австріи и Венгріи съ цѣлью общей обороны и союзными для преслѣдованія этой цѣли органами [3]).

На вопросъ о томъ, къ какой категоріи соединеній отнести этотъ союзъ, можно прежде всего всего аподиктически отвѣтить, что онъ не принадлежитъ къ числу личныхъ уній. О случайности соединенія и фактическомъ только совпаденіи порядка престолонаслѣдія [4]) въ данномъ случаѣ, разумѣется, нельзя и говорить. Поэтому въ литературѣ приходится, въ самомъ дѣлѣ, сравнительно рѣдко встрѣтить писателя, который бы Австро-Венгрію признавалъ личной уніей; да и тотъ поступаетъ такъ или въ силу своего недостаточнаго пониманія характера личнаго соединенія, или по незнакомству съ исторіей Габсбургской монархіи, мало останавливается на вопросѣ и своего взгляда почти не обосновываетъ [5]).

---

[1]) Равенство и независимость Австріи и Венгріи особенно рельефно сказывается въ дѣлѣ Босніи и Герцоговины. См. зак. отъ 22 февр. 1880, R. 18; G. A. VI: 1880 и Dareste op. cit. I, p. 356—357. Ср. Ulbr. Lehrb. § 338. Разсужденія по этому поводу Данчера (op. cit. S. 280—311) лишены основанія.

[2]) Для поясненія этого можно бы воспользоваться еще доказательствомъ Іеллинека, основаннымъ на томъ соображеніи, что если въ силу II: 1867, § 4 продолжительность соединенія Австріи съ Венгріей обусловлена, то Австро-Венгрія, какъ единое государство, вообще немыслима, ибо суверенному государству невозможно предназначить временное существованіе: dies для него non-sens (op. cit. S. 35, 236).

[3]) Ср. Ulbr. въ Marq. Handb. S. 14.

[4]) См. выше стр. 41.

[5]) Таковы Цахаріе, отчасти Блюнчли и нѣкоторые интернаціоналисты (см. обзоръ литературы). Ср. Ulbr. Natur. S. 53.

Напротивъ того, можно указать на крупныя попытки [1]) выставить Австро-Венгрію союзнымъ государствомъ,—попытки, которыя не могутъ, правда, считаться удачными, но тѣмъ не менѣе отличаются обстоятельностью, полнотой и разборомъ относящагося къ вопросу историческаго и законодательнаго матеріала. Въ виду этого я считаю умѣстнымъ и даже необходимымъ разсмотрѣть, хотя бы въ главныхъ чертахъ, природу союзнаго государства, чтобы, путемъ примѣненія ученія о немъ къ уже добытымъ нами при ознакомленіи съ Австро-Венгріей результатамъ, рѣшить, насколько Австро-Венгрія подходитъ подъ типъ такъ называемаго союзнаго государства.

§ 10. Союзное государство (Bundesstaat), въ отличіе отъ союза государствъ (Staatenbund), прежде всего — государство и, какъ таковое, является юридическимъ лицомъ «Rechtsperson» и субъектомъ правъ «Rechtssubject». Согласно съ этимъ, союзное государство обладаетъ всѣми необходимыми для наличности государства элементами — территоріей, подданствомъ и верховной властью. Staatenbund, напротивъ, можетъ разсматриваться только какъ «Rechtsverhältniss» [2]), какъ извѣстное правовое отношеніе, въ которомъ состоятъ вступившія въ союзъ государства. Ему не присущи элементы государства: территорія, подданство, верховная власть, а, слѣдовательно, и суверенитетъ имѣются въ немъ лишь для каждаго государства въ отдѣльности [3]).

---

[1]) Бидермана (о немъ Ulbr. Natur. S. 49 ff., Jurasch. op. cit. S. 106—109, Iellinek op. cit. S. 227) и Данчера въ названныхъ сочиненіяхъ. См. также Schäffle. Bau und. Leben des socialen Körpers. IV, S. 406.

[2]) Здѣсь идетъ рѣчь объ отношеніи между *государствами*, и этимъ отнюдь не утверждается, будто въ государствѣ, а, слѣдовательно, и въ Bundesstaat'ѣ нѣтъ извѣстныхъ правовыхъ отношеній между самимъ государствомъ и его членами. См. Laband. Das Staatsrecht des deutsch. Reiches. 2 Aufl. I, S. 53.

[3]) Laband l. c. и въ Marq. Handb. II, I, S. 15 N 2; v. Mohl. Encycl. S. 44, 465; Ulbr. Rechtl. Natur. S. 9 ff.; Iellin. op. cit. S. 172 ff.; Zorn. Staatsrecht. S. 50; O. Mejer. Einleit. 1 Aufl. § 3, 2 Aufl. § 10; Rosin. Kritische Begriffsstudien. S. 12 N 3. Писатели, признающіе Staatenbund юридическимъ лицомъ, хотя и не государствомъ («Gemein—но не Staatswesen»), какъ Brie. Grünh. Zeitschr. XI, S. 127 ff., 134, Theorie. S. 83 ff., 88; G. Meyer. Staatsrecht. 2 Aufl. § 13; Ulbr. Österr. Staatsrecht, § 315, не принимаютъ во вниманіе, что, съ одной стороны, между суверенными государствами можетъ имѣть мѣсто лишь отношеніе международнаго характера, а, съ другой, немыслимъ ограниченный суверенитетъ (см.

Но, съ другой стороны, Bundesstaat есть «союзное» государство, а не простое, не унитарное. Въ зависимости отъ такого характера, верховная власть въ союзномъ государствѣ, господствуя непосредственно надъ народонаселеніемъ и территоріей, въ то же время въ другихъ отношеніяхъ непосредственно господствуетъ не надъ ними, а надъ особыми политическими тѣ-

---

ниже). Что въ союзѣ государствъ въ техническомъ смыслѣ имѣются союзные органы, что государствамъ воспрещается выходъ изъ союза и что въ общихъ дѣлахъ они связаны принципомъ большинства — не имѣетъ значенія: первое отличаетъ Staatenbund отъ Allianz; запрещеніе выступать изъ союза при независимости государствъ аналогично заключенію мирнаго договора «на вѣчныя времена» (отпаденіе, напротивъ, одного изъ составныхъ тѣлъ союзнаго государства должно считаться преступленіемъ государственной измѣны, ср. Iellin. op. cit. S. 196, Zorn. Staatsrecht. S. 53—54, Mejer. Einleit. 2 Aufl. § 10); касательно третьяго необходимо замѣтить, что если и не стать на точку зрѣнія Іеллинека (op. cit. S. 176), который думаетъ, что въ обѣщаніи принять мнѣніе большинства выражается постоянное единомысліе съ большинствомъ (ср. Hänel. Annalen 1877. S. 79—80), то все же нельзя признать центральной власти надъ государствами въ союзѣ по той причинѣ, что рѣшенія союзнаго органа не имѣютъ непосредственной силы для народонаселенія и территоріи отдѣльныхъ государствъ, а всегда нуждаются во власти государства для приведенія ихъ въ дѣйствіе (ср. Нидерланды 1579—1795, С. Американскую конфедерацію 1778—1789, Швейцарію 1815—1848, германскій союзъ 1815—1866). Независимости государствъ въ Staatenbund'ѣ не противорѣчатъ ни общее собраніе изъ представителей парламентовъ отдѣльныхъ государствъ для обсужденія общихъ вопросовъ (см. Brie, Theorie. S. 93, Iellinek op. cit. S. 186—187, Waitz. Politik. S. 157 ff., Ulbr. Rechtl. Natur. S. 11), ни общіе органы, воздѣйствующіе непосредственно на народонаселеніе и территорію отдѣльныхъ государствъ. Такіе органы (послы, полководцы) играютъ ту же роль, какъ общіе органы при ассоціаціи государствъ, и принадлежатъ каждому изъ государствъ, состоящихъ въ союзѣ, въ отдѣльности и всѣмъ вмѣстѣ (Iellinek op. cit. S. 185). Сильно поэтому ошибается Данчеръ (op. cit. S. 38, 157 ff.), когда утверждаетъ, что общность органовъ возможна лишь въ Bundesstaat'ѣ и непремѣнно обусловливается его существованіемъ. Этотъ взглядъ его, играющій весьма важную роль въ обоснованіи Австро-Венгріи, какъ союзнаго государства, не выдерживаетъ критики даже съ точки зрѣнія тѣхъ писателей, которые союзъ государствъ признаютъ субъектомъ правъ, а органы въ Staatenbund'ѣ считаютъ не общими органами, а органами стоящаго надъ государствами Gemeinwesen'а (особ. Brie въ Grünh. Zeitschr. S. 140), такъ какъ и эти писатели признаютъ общность органовъ при ассоціаціи государствъ (Brie. Theorie. S. 62 ff.). Ср. противъ Данчера Iellinek S. 227 ff.

лами, пользующимися извѣстными державными функціями [1]). Правда, и въ простомъ унитарномъ государствѣ (если оно децентрализовано) политическія единицы могутъ пользоваться нѣкоторыми правами верховенства, но громадное различіе между тѣмъ и другимъ случаемъ состоитъ именно въ томъ, что въ простомъ государствѣ эти единицы дѣйствуютъ по препорученію со стороны центральной власти, въ то время какъ въ союзномъ государствѣ онѣ обладаютъ указанными преимуществами по собственному праву, «aus eigenem Rechte» [2]).

Съ этими политическими тѣлами связаны даже особая территорія и особое подданство, но они не имѣютъ своей собственной верховной власти, и это-то препятствуетъ имъ считаться государствами. Та власть, которая въ ихъ предѣлахъ господствуетъ надъ народомъ и землей, хотя и дѣйствуетъ, какъ мы отмѣтили, по собственному праву, все жъ-таки не есть власть верховная, т. е. такая, которая, не признавая надъ собой никакой другой власти, господствуетъ надъ всѣми остальными

---

[1]) Brie. Grünh. Zeitschr. l. c. S. 156, Theorie. S. 97; Iellin. op. cit. S. 282; Meyer op. c. § 14; Schulze. Lehrb. des deutsch. Staatsrechts. I, S. 45; Gierke въ Schmoll. Iahrb. VII, S. 1162. Что Bundesstaat непосредственно состоитъ вообще только изъ государствъ, утверждаетъ Лабандъ (op. cit. I, S. 88, въ Marq. Handb. l. c. S. 20. «Das deutsche Reich ist nicht eine juristische Person von 40 Millionen Mitgliedern, sondern von 25 Mitgliedern»). Ср., впрочемъ, S. 55 — 56, S. 72 ff., 75, особенно N 1 (въ Marq. Handb.), гдѣ онъ не придаетъ значенія своему разногласію съ господствующей теоріей, по которой союзное государство состоитъ непосредственно изъ подданныхъ.

[1]) Laband op. cit. 2 Aufl. S. 60 ff.; Iellinek op. cit. S. 276 ff.; Liebe. Tüb. Zeitschrift. Bd. 38, S. 641. Вопросомъ о томъ, что понимать подъ «собственнымъ» правомъ, юристы много занимались. Утвержденіе Іеллинека (op. c. S. 42), что «eigenes Recht ist rechtlich uncontrolirbares Recht», въ литературѣ единогласно признано неправильнымъ (Brie. Grünh. Zeitschr. S. 98, Gierke l. c. S. 69, Rosin l. c. S. 13, Laband op. c. S. 62), и самъ Іеллинекъ позже, въ «Gesetz & Verordnung» S. 131 измѣнилъ свой взглядъ. Въ концѣ концовъ пришли къ заключенію, что *мое собственное* право есть право, *субъектомъ коего* являюсь *я*, право *мое*, *не чужое* и *не препорученное* мнѣ (ср. Rosin l. c. S. 16; Gierke l. c. S. 1195, Laband l. c.). Лабандъ требуетъ, для проведенія указаннаго въ текстѣ отличія, не eigenes Recht, а eigenes Herrschaftsrecht (l. c. S. 62), но дѣло въ томъ, что если ограничиться областью публичнаго права, eigenes Recht выражаетъ то же, что eigenes Herrschaftsrecht.

властями и элементами даннаго государства [1]). Государствомъ и притомъ государствомъ суверениымъ можетъ быть признаваемо одно только союзное государство, какъ единое и цѣлое; подчиненныя же ему тѣла, поскольку они обладаютъ собственными правами и выполняютъ ихъ въ отношеніи своего народа и своей территоріи, являются образованіями лишь похожими на государство или, по выраженію нѣкоторыхъ писателей [2]), государствоподобными [3]).

---

[1]) Суверенитетъ есть suprema potestas. Bodin. De re publ. I, 8. Суверенную власть лучше всего опредѣлять отрицательно, какъ власть никому не подчиняющуюся, отвѣтственную только предъ Богомъ (Mejer. Einleit. 2 Aufl. § 2), чѣмъ, впрочемъ, не отрицается, во-первыхъ, фактическая ея зависимость (вопреки Gerber'у, Grundzüge S. 25, признающему суверенитетъ понятіемъ политическимъ; см. Bluntschli. Allgem. Staatslehre. S. 562, Schulze. Lehrb. I, § 16, особ. N 1, Einleit. § 51), а, во-вторыхъ, возможность самоограниченія (Meyer. Lehrb. S. 16). Изъ этого опредѣленія суверенной власти непосредственно вытекаетъ и другое, по которому это власть самообязующаяся (Iellin. op. c. S. 34. См., впрочемъ, Gesetz & Verordnung. S. 197, 200) или, лучше, самоопредѣляющаяся (Laband op. cit. 1 Aufl. I, S. 73, Rosin l. c. S. 5). Напротивъ, такъ называемая Competenz-Competenz, т. е. возможность опредѣлять, расширять и вообще измѣнять свою компетентность (вопреки Hänel'ю, Elemente. S. 149, Zorn'у, Tüb. Zeitschr. Bd. 37 S. 314, Laband'у, Staatsrecht. 1 Aufl. S. 75) не составляетъ непремѣннаго условія суверенитета. Можно себѣ легко представить суверенную власть съ выдѣленіемъ изъ ея вѣдѣнія извѣстной сферы, въ предѣлахъ коей другая власть пользуется державными правами и безъ своего согласія не можетъ быть лишена ихъ. Многочисленныя государственныя образованія насъ убѣждаютъ въ правильности этого взгляда (см. Iellin. op. cit. S. 30, 140 ff., Meyer. Lehrb. S. 15). Не требуется, далѣе, для суверенной власти, чтобы державныя права государствоподобнаго организма обязательно проистекали отъ нея, т. е. чтобы «суверенная власть была всегда первоначальной, а несуверенная производной» (Iellin. op. cit. S. 44 ff. 56, 272). Ошибка Іеллинека въ этомъ отношеніи (также Цорна, Staatsrecht. I, S. 58) признана всѣми (Laband. Staatsrecht. I, 70, Gierke l. c. S. 1163 N 2, Brie въ Grünh. Zeitschr. S. 100, Meyer l. c. S. 34 N 17, Liebe l. c. S. 641 и др.). Для проведенія своего взгляда, ему пришлось насиловать факты и прибѣгнуть къ фикціи, что въ моментъ созданія германскаго союзнаго государства бывшія независимыя государства лишены были всѣхъ державныхъ правъ, а затѣмъ получили ихъ обратно отъ центральной власти.

[2]) Ср. Bluntschli. Allgem. Staatslehre. S. 555. Сокольскій. Кратк. учебн. стр. 12 прим. 1, также Hänel. Studien. I, S. 66.

[3]) Весьма многіе писатели не считаютъ суверенитета необходимымъ атрибутомъ государства. Таковы Іеллинекъ (op. c. S. 37), Лабандъ (l. c. S. 60),

Такимъ образомъ, союзнымъ государствомъ должно назвать такое государство, верховная власть котораго господствуетъ отчасти непосредственно надъ народонаселеніемъ и территоріей,

---

Г. Мейеръ (op. c. § 1), Моль (Encycl. S. 86), Бри (въ Grünh. Zeitschr. S. 94), Розинъ (l. c. S. 7). Но основанія, на которыя они при этомъ опираются, кажется, недостаточно вѣски. Наименованіе въ разговорной рѣчи государствами политическихъ тѣлъ безъ верховной власти, по собственному признанію приведенныхъ авторовъ, бездоказательно. Остается только такое шаткое основаніе (Iellin. op. cit. S. 16 ff.), какъ практика международнаго права. Конечно, при отысканіи критерія для проведенія различія между автономной общиной и провинціей и пр., съ одной стороны, и «несувереннымъ государствомъ», съ другой (а такимъ критеріемъ считаютъ пользованіе державными правами по собственному праву), — отпадаетъ доводъ Зейделя (Annalen 1876, S. 654) противъ государства безъ суверенитета, и ничто въ сущности не препятствуетъ признавать и несуверенныя государства. Вопросъ въ концѣ концовъ не важенъ и, по справедливому замѣчанію Либе (Tüb. Zeitschr. Bd. 38, S. 637), обращается въ «Wortstreit». Ср. Gierke, Tüb. Zeitschr. XXX, S. 304, Hänel, Annalen 1877, S. 83 и особенно Schulze. Lehrb. I, S. 25, который говоритъ: «*begrifflich* darf die Staatsgewalt keiner andern Gewalt staatsrechtlich untergeordnet sein. *Allein im wirklichen Leben* kommen Gestaltungen vor, welche sich nicht immer den strengen Forderungen der Theorie fügen. Diesen politischen Gebilden hat man die Bezeichnung des Staates niemals verweigert». Важно то, что въ союзномъ государствѣ — а это признается почти всѣми — отдѣльныя государства или государствоподобные организмы не обладаютъ суверенитетомъ. Признаніе суверенной какъ центральной власти, такъ и власти отдѣльныхъ государствъ ведетъ къ ограниченію и раздѣленію суверенитета, что составляетъ contradictio in adjecto (Laband op. c. S. 59, Iellin. op. c. S. 34—35· Rosin l. c. S. 6. Впервые доказалъ это Seydel. Tüb. Zeitschr. Bd. 28, S. 190 ff). Этотъ взглядъ, имѣвшій въ прежнее время сторонниковъ, благодаря вліянію Вайца (Politik S. 166, 213), но въ настоящее время совсѣмъ оставленный, недавно воскрешенъ Данчеромъ (op. cit. S. 326 ff.), который, благодаря ему, думалъ сохранить за Австро-Венгріей характеръ союзнаго государства. (Излишне прибавлять, что съ отпаденіемъ раздѣленія суверенитета и безъ того крайне слабое построеніе Данчера окончательно рушится). Въ связи со своимъ взглядомъ Вайцъ утверждалъ, что власти отдѣльныхъ государствъ сочинены съ властью центральной, а не подчинены ей (op. c. S. 213). Такая теорія, при вліяніи и контролѣ центральной власти (Laband въ Marq. Handb. S. 20 ff.), особенно при невозможности окончательно разграничить сферы правъ и отнесеніи разрѣшенія спорныхъ вопросовъ къ компетенціи центральной власти (Iellin. op. cit. S. 294, Schulze. Lehrb. I, S. 47, Laband op. c. S. 59), совершенно несостоятельна. Мало того: если измѣненіе компетенціи центральной властью и не есть essentiale Bundesstaat'a, то въ существующихъ

отчасти же только надъ извѣстными государственподобными организмами, входящими въ составъ союзнаго государства [1]).

Относительно вопроса объ образованіи Bundesstaat'а необходимо замѣтить, что организація его, какъ и всякаго государства, покоится на законѣ. Въ виду того, правда, что въ составъ союзнаго государства вступаютъ совершенно самостоятельныя и дотолѣ независимыя государства, требуется прежде всего соглашеніе международнаго характера о соединеніи и уступкѣ въ извѣстныхъ сферахъ своихъ державныхъ правъ, но такое соглашеніе имѣетъ лишь подготовительное значеніе и, по вѣрному замѣчанію проф. Сокольскаго, служитъ лишь матеріаломъ для того основнаго закона, который опредѣляетъ организацію союзнаго государства. Въ основу союзнаго государства ложится именно законъ, какъ актъ государственнаго характера, а не договоръ, по той причинѣ что въ моментъ возникновенія Bundesstaat'а мы предъ собой имѣемъ не суверенныя государства, какими эти политическія тѣла были до того, а только государственподобныя образованія, относительно которыхъ актъ международнаго права непримѣнимъ болѣе. Верховная власть новаго союзнаго государства создаетъ фундаментальный для него законъ, такъ называемую Grundverfassung [2]).

союзныхъ государствахъ оно тѣмъ не менѣе принадлежитъ этой власти, Настаивая на невозможности такого порядка вещей (op. c. S. 337—338), Данчеръ приходитъ, въ виду Reichsverfassung Art. 78, къ заключенію, что Германія — децентрализованное унитарное государство (Cp. Iellin. op. cit. S. 232 N 42, S. 294, Gierke l. c. S. 1164 N 1, Mejer op. cit. S. 32 N 9, Laband op. cit. S. 60 N 1, Zorn. Tüb. Zeitschr. Bd. 37, S. 303).

[1]) Легко усмотрѣть изъ приведенныхъ въ текстѣ положеній, что въ ученіи о Bundesstaat'ѣ, этой труднѣйшей изъ областей государственнаго права (Brie. Theorie. S. 95), я близко держусь взгляда проф. Сокольскаго (Кратк. учебн. стр. 12 — 13), построеніе котораго отличается большой ясностью и въ главнѣйшихъ чертахъ совпадаетъ съ ученіемъ Лабанда въ его «Staatsrecht des deutschen Reiches». См. особенно второе изданіе этого труда Лабанда, гдѣ (ч. I гл. 2) замѣчательно полно и стройно излагается ученіе о союзномъ государствѣ.

[2]) Такъ должно смотрѣть и на образованіе Германіи въ 1871 году. Заключенные между отдѣльными германскими государствами и сѣверогерманскимъ союзомъ договоры (см. ихъ у Laband'a l. c. S. 38 ff.) легли въ основаніе организаціи государства и тѣмъ самымъ были выполнены и уничтожены. Международное отношеніе прекратилось въ моментъ вступленія

§ 11. Изслѣдованіе природы союзнаго государства привело насъ къ слѣдующимъ для насъ важнымъ выводамъ: 1) оно состоитъ изъ отдѣльныхъ государствоподобныхъ организмовъ, лишенныхъ суверенитета, 2) надъ послѣдними возвышается центральная суверенная власть, и 3) организація союзнаго государства покоится на законѣ. Изъ разсмотрѣнія государственнаго устройства Австріи и Венгріи мы видѣли, напротивъ, что это совершенно самостоятельныя, никакой власти не подчиненныя государства, взаимное отношеніе которыхъ основано на договорѣ. Въ силу этого Австро-Венгрія ни въ какомъ случаѣ, вопреки Данчеру и Бидерману [1]), не можетъ считаться союзнымъ государствомъ.

Такимъ образомъ, остается признать Австро-Венгрію реальной уніей [2]), что и дѣлаетъ съ большимъ единодушіемъ громадное большинство писателей какъ государственнаго, такъ и международнаго права [3]).

отдѣльныхъ государствъ въ составъ имперіи. Обнародованіе Verfassung отъ 1 января 1871 г. есть уже актъ государственной власти. Сообразно съ тѣмъ, Publicationsgesetz отъ 16 апрѣля 1871 г. начинается словами: «Мы, Вильгельмъ, Божьей милостію *Императоръ Германскій*, симъ постановляемъ отъ имени *Германскаго государства* ....» (Laband op. cit. S. 47—48, 81—82). Аналогично образованіе Швейцаріи и С. Американскихъ Штатовъ (Iellin. op. cit. S. 265). Правъ поэтому Іеллинекъ, говоря, что государство не можетъ быть создано посредствомъ договора и что актъ созданія государства тождественъ съ актомъ созданія его организаціи. Въ этомъ смыслѣ онъ правъ, далѣе, что юридическое образованіе государства не подлежитъ конструкціи, что государство, какъ предположеніе правового порядка, не можетъ быть объяснено актомъ, только отъ него получающимъ санкцію, и что всякая попытка въ этомъ направленіи есть ὕστερον πρότερον. Съ нимъ вполнѣ согласны Gierke l. c. S. 1153, Laband, особенно въ Marq. Handb. S. 11, Zorn. Staatsrecht. I, S. 23, Liebe l. c. S. 637 и другіе.

[1]) Бидерманъ считаетъ ее, правда, Staatenstaat'омъ, но, не входя въ обсужденіе значенія этого крайне шаткаго и до сихъ поръ еще совершенно не установившагося термина (Ср. Bulmerinq въ Marq. Handb. I, 2, S. 195, Held. System. I, S. 392—393, Laband. I, S. 56, Zorn. Staatsrecht. I, S. 50, Schulze. Lehrb. S. 45 и др.), — здѣсь достаточно указать, что причисленіе авторомъ Австро-Венгріи къ Staatenstaat'амъ имѣетъ мѣсто потому, что имъ допускается извѣстная возвышающаяся надъ обоими государствами центральная власть (op. cit. S. 47) и что, повидимому, на его взглядъ, Staatenstaat близко подходитъ къ Bundesstaat'у (op. cit. S. 4, 8).

[2]) Staatenbund'омъ, въ виду общности монарха, трактуемое соединеніе не называется. О томъ, насколько въ послѣднемъ имѣются вмѣстѣ съ тѣмъ черты союза государства, будетъ рѣчь ниже.

[3]) См. обзоръ литературы въ I главѣ настоящей работы. Нѣкоторые другіе взгляды на Австро-Венгрію см. у Bidermann'a l. c. S. 4 ff; Jurasch. op. cit. S. 99 ff.

Кроація — Славонія [1]).

§ 12. Эта страна, носившая во время владычества Римлянъ названіе «Illyricum», въ теченіе XI в. отчасти добровольно, отчасти путемъ покоренія была присоединена къ Венгріи [2]). Претерпѣвъ разнообразныя судьбы, особенно во время войнъ съ турками, Кроація-Славонія въ 1791 г. вновь входитъ въ составъ земель венгерской короны. При первоначальномъ присоединеніи разсматриваемыя земли пользовались извѣстными преимуществами: онѣ сохраняли свое прежнее наименованіе «regna Croatiae et Slavoniae» [3]); все управленіе принадлежало королевскому намѣстнику, такъ называемому «бану»; сословія составляли особое собраніе «congregatio generalis statuum et ordinum regnorum Croatiae & Slavoniae», имѣвшее право издавать статуты и отправлявшее трехъ депутатовъ на венгерскій сеймъ [4]). Кроаты настаиваютъ на томъ, что въ 1527 г. они свободно избрали Фердинанда I Габсбургскаго въ короли Кроаціи и въ 1712 г. независимо отъ Венгріи приняли прагматическую санкцію [5]). Съ 1791 г. Венгрія стремится ослабить самостоятельность Кроаціи и тѣснѣе соединить ее съ собой. Съ этого времени начинаются неудовольствія съ обѣихъ сторонъ и рядъ конфликтовъ, завершившихся въ 1848 г. открытой войной. Кроація вступилась за императора Австрійскаго, и банъ Іеллачичъ доходилъ со своимъ войскомъ до стѣнъ Будапешта [6]).

Въ 1849 г. вступила въ управленіе Кроаціей Австрія [7]), а въ 1867 г., послѣ улаженія дѣлъ съ послѣдней, Венгрія должна была позаботиться и о Кроаціи. По предложенію короля, нача-

[1]) Cp. Iellin. & Pliverić, Das rechtl. Verhältniss Kroatiens zu Ung. Pliverić. Beiträge zum Ungar.-Kroat. Bundesrechte. Его же. Der Kroat. Staat. Ulbrich. Das Staatsrecht der österr.-ungar. Monarchie въ Marq. Handb. IV, I, 1. Bidermann. Législation autonome de la Croatie. Dareste. Les const. mod. I, p. 416 etc.

[2]) Cp. Virozsil. Das Staatsrecht des Königreichs Ung. I § 12.

[3]) Источники, впрочемъ, присвоиваютъ имъ терминъ «partes adnexae».

[4]) Cp. Ulbr. въ Marq. Handb. IV, I, 1, S. 138—139.

[5]) Cp. Pliverić. Das rechtl. Verhältniss. S. 13 ff., 64 ff.

[6]) Pliverić. Beiträge. S. 156 ff. Dareste op. cit. p. 416.

[7]) Cp. Bidermann въ Revue de droit internat. T. VIII, p. 222 etc.

лись между депутаціями венгерскаго рейхстага и кроатскаго ландтага переговоры, которые привели къ соглашенію, принятому въ Венгріи, какъ законъ XXX: 1868, а въ Кроаціи, какъ I: 1868 [1]). Законъ этотъ вмѣстѣ съ измѣненіями, послѣдовавшими въ 1873, 1880 и 1881 гг., и законами чисто кроатскими отъ 1869 и 1870 гг. объ управленіи и кроатскомъ законодательномъ собраніи, изданными во исполненіе закона 1868 г., служитъ основаніемъ для опредѣленія политическаго положенія Кроаціи-Славоніи въ настоящее время [2]).

§ 13. По § 1 этого закона

«Венгрія, Кроація, Славонія и Далмація [3]) образуютъ одну и ту же государственную общность [4]) ....,

изъ каковой общности слѣдуетъ, что [5]) «король Венгріи, Кроаціи, Славоніи и Далмаціи вѣнчается одной и той же короной, посредствомъ одного и того же акта вѣнчанія, и для всей совокупности земель короны св. Стефана устанавляется и изготовляется одинъ и тотъ же коронаціонный дипломъ».

Далѣе, отсюда же вытекаетъ, что общими являются, во-первыхъ, дѣла, которыя для самой Венгріи общи съ прочими землями императора Австрійскаго [6]), и, во-вторыхъ, еще особыя, общія только между Венгріей и Кроаціей-Славоніей-Далмаціей [7]). Эти послѣднія дѣла, для которыхъ имѣется общее

---

[1]) Bidermann l. c. p. 232; Pliverić. Beiträge. S. 280, Der Kroatische Staat. S. 26, Dareste l. c.

[2]) Такъ какъ соглашеніе вполнѣ независимо отъ предыдущаго порядка вещей и, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, не состоитъ съ нимъ ни въ какой непосредственной генетической связи, то историческій разборъ характера соединенія, привилегій Кроаціи, значенія терминовъ «partes adnexae», «regna socia» и т. п. является, при обновленіи отношеній, бездоказательнымъ и излишнимъ. (Ср. Iellin. an Pliverić, S. 57—59).

[3]) Собственно, Далмація принадлежитъ къ австрійскимъ землямъ «Reichsrathsländer» (Ср. Ulbr. въ Marq. Handb l. c. S. 136 и § 4 G. A. XV: 1881), такъ что въ настоящее время это упоминаніе Далмаціи имѣетъ лишь историческое значеніе, которымъ между прочимъ объясняется названіе «тріединаго королевства» (Ср. Virozsil l. c., Bidermann l. c. p. 215, Градовскій. Госуд. право европ. державъ, стр. 755).

[4]) Въ нѣмецкомъ текстѣ «Staatliche Gemeinschaft».

[5]) § 2 G. A. XXX (I): 1868.

[6]) ibid. § 3.

[7]) ibid. § 5.

венгро-кроатское законодательство и управленіе, касаются прежде всего содержанія двора [1]), далѣе, набора войска, обороны, воинской повинности и пр. [2]), финансовъ, банковыхъ билетовъ и монетной системы [3]), мореходства, торговли, таможенъ, телеграфовъ, почтъ и путей сообщенія, затрогивающихъ интересы какъ Венгріи, такъ и Кроаціи-Славоніи [4]). Относительно правъ подданства и натурализаціи и, соотвѣтственно съ тѣмъ, паспортовъ и надзора за иностранцами установляется точно также общее законодательство [5]).

Для всѣхъ упомянутыхъ дѣлъ законодательнымъ собраніемъ служитъ общій парламентъ всѣхъ земель венгерской короны, созываемый ежегодно [6]) въ Пештѣ. Въ верхнюю палату этого парламента Кроація-Славонія посылаетъ трехъ, а въ нижнюю 40 депутатовъ [7]); кромѣ того, тѣ кроатскіе магнаты, а также свѣтскіе и духовные сановники, которые до 1848 г. засѣдали въ венгерской палатѣ магнатовъ, продолжаютъ засѣдать въ верхней палатѣ впредь до ея преобразованія [8]). Исполнительная власть по общимъ дѣламъ принадлежитъ центральному венгерскому правительству въ Будапештѣ, къ которому, для представительства интересовъ Кроаціи-Славоніи-Далмаціи, причисляется спеціальный кроато-славонскій министръ, входящій въ составъ совѣта министровъ съ правомъ совѣщательнаго голоса [9]).

Во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ тѣхъ, которыя, какъ указано, подлежатъ общему парламенту и центральному правительству, въ дѣлѣ, слѣдовательно, внутренняго управленія, народнаго просвѣщенія и юстиціи, Кроація-Славонія-Далмація пользуется полной автономіей [10]). Во главѣ кроатскаго правительства стоитъ банъ,

---

[1]) ibid. § 6.

[2]) ibid. § 7.

[3]) ibid. §§ 8 и 9.

[4]) ibid. § 9.

[5]) ibid. § 10.

[6]) ibid. § 31.

[7]) ibid. § 32, §§ 2 и 3 G. A. XV: 1881; ср. Ulbr. l. c. S. 178—179. Это въ сущности тотъ же венгерскій парламентъ (in pleno), только съ участіемъ указанныхъ депутатовъ отъ кроатскаго ландтага.

[8]) § 37 G. A. XXX (I): 1868.

[9]) ibid. §§ 43 и 44.

[10]) ibid. §§ 47 и 48.

назначаемый верховной властью и отвѣтственный предъ особымъ законодательнымъ собраніемъ Кроаціи-Славоніи-Далмаціи [1]).

§ 14. Переходя къ вопросу объ отношеніи Кроаціи-Славоніи къ Венгріи, замѣчу, что, несмотря на серіозные въ этомъ направленіи труды Pliverić'а, отстаивающаго научно и съ большимъ знаніемъ дѣла самостоятельность Кроаціи-Славоніи, я все-таки долженъ склониться въ пользу взгляда Іеллинека, по которому Кроація-Славонія является не инымъ чѣмъ, какъ частью Венгріи. Эта часть пользуется, правда, обширнымъ самоуправленіемъ, но юридически она тѣмъ не менѣе только область Венгріи; послѣдняя, такимъ образомъ, должна считаться хотя и сильно децентрализованнымъ, но все же унитарнымъ государствомъ [2]).

Въ пользу инкорпораціи Кроаціи-Славоніи говоритъ прежде всего то обстоятельство, что всѣ венгерскія земли, т. е. какъ Кроація-Славонія, такъ и Венгрія, представляютъ одно единое цѣлое. Утвержденіе Pliverić'а [3]), что положеніе это должно быть принято лишь въ смыслѣ единства въ международномъ отношеніи, сомнительно и мало обосновано, особенно по сравненію съ соотвѣтствующими §§-ами актовъ соединенія Швеціи-Норвегіи и Австро-Венгріи [4]). Еще болѣе голословнымъ нужно признать его заявленіе, что въ королѣ различаются двѣ юридическихъ личности—одна короля Венгріи, а другая короля Кроаціи-Славоніи, — заявленіе, идущее прямо въ разрѣзъ съ § 2 разбираемаго нами закона. Прибавимъ еще, что цѣльности и единству Венгріи соотвѣтствуетъ и наименованіе «австро-венгерской монархіи» [5]).

Въ политическомъ тѣлѣ Кроаціи-Славоніи мы, далѣе, не находимъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ необходимо должно состоять всякое государство. Изъ трехъ элементовъ мы видимъ

---

[1]) ibid. §§ 50 и 51. Организація кроатскаго ландтага нормирована закономъ II: 1870. Судъ надъ баномъ происходитъ въ такъ называемомъ «Regnikolar—судилищѣ» (Ulbr. Marq. Handb. l. c. S. 181).

[2]) Die Lehre v. d. Staatenverb. S. 76 N 15.

[3]) Das rechtl. Verhältniss. S. 10 ff.

[4]) Rigsakt § 7; XII: 1867, § 8.

[5]) А не «австро-венгро-кроатской» монархіи. Ср. Pliverić. Beiträge. S. 81 ff.

въ немъ лишь одинъ—территорію, о которой дѣйствительно говорится и которая даже въ нѣкоторомъ родѣ гарантируется Венгріей въ §§ 59 и 65 зак. XXX: 1868 г. Двухъ другихъ элементовъ — народа, какъ таковаго, и верховной власти — мы въ Кроаціи-Славоніи не встрѣчаемъ. Относительно подданства вопросъ представляется яснымъ. Мы видѣли [1]), что законодательство касательно подданства и натурализаціи должно считаться общимъ, а § 1 закона [2]), изданнаго общимъ рейхстагомъ, гласитъ: «подданство во всѣхъ странахъ венгерской короны одно и то же». Присяга для всѣхъ гражданъ венгерской короны тождественна: «Клянусь, что ..... буду исполнять свято обязанности *венгерскаго* подданнаго» [3]). Указаніе Пливерича [4]) на то, что рядомъ съ общимъ, какъ онъ говоритъ, подданствомъ имѣется еще особое для Кроаціи (и особое для Венгріи), лишено основанія, какъ покоящееся на смѣшеніи понятій «правъ гражданства» и «подданства» [5]). Ссылка на § 46 зак. XXX (I): 1868 точно также ничего не доказываетъ, такъ какъ въ немъ говорится лишь объ «уроженцахъ» Кроаціи-Славоніи.

Что касается верховной власти, то необходимо замѣтить, что, во-первыхъ, монархъ въ Венгріи и Кроаціи, какъ явствуетъ изъ разсмотрѣннаго уже § 2 XXX (I): 1868, единый и притомъ не только физически, но и юридически (слѣдовательно не общій), что, во-вторыхъ, имѣется общій парламентъ для всѣхъ земель короны св. Стефана, постановленія котораго, по полученіи санкціи со стороны короля, обязательны для Кроаціи. Если Пливеричъ

---

[1]) ibid. § 10.

[2]) G. A. L: 1879.

[3]) Ulbr. въ Marq. Handb. l. c. S. 144.

[4]) Op. cit. S. 36 ff.

[5]) Op. cit. S. 72 ff. См. Ulbr. Lehrb. S. 256 ff. Особое подданство Пливеричъ видитъ въ томъ, что венгерецъ, не принадлежащій къ кроатской общинѣ, не имѣетъ права участвовать въ выборахъ въ кроатскій ландтагъ; но онъ при этомъ упускаетъ изъ виду, что для принадлежности къ таковой достаточно приписки, въ чемъ, вдобавокъ, по закону 1880 г. не можетъ быть отказано. Замѣтимъ кстати, что если бы и существовало особое подданство для Кроаціи, то все же общее подданство было бы несовмѣстимо съ понятіемъ реальной уніи, какъ ее понимаетъ Іеллинекъ (op. cit. S. 205 ff.). Пливеричъ между тѣмъ старается доказать, что именно теорія Іеллинека приводитъ къ признанію реальной уніи между Венгріей и Кроаціей (op. cit. S. 4).

основывается на томъ, что общіе законы, по утвержденіи монарха, отсылаются въ кроатскій ландтагъ [1]), и толкуетъ это постановленіе въ смыслѣ [2]) признанія за ландтагомъ права обнародованія такихъ законовъ (чему, какъ соглашается самъ Пливеричъ [3]), не соотвѣтствуетъ практика), то отсюда еще совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы кроатскій ландтагъ могъ воспротивиться публикаціи законовъ, принятыхъ общимъ парламентомъ и удостоенныхъ высочайшей санкціи. Рейхстагъ, слѣдовательно, воздѣйствуетъ непосредственно на Кроацію Славонію. А если такъ, если мы предъ собой имѣемъ монарха, занимающаго *одинъ* престолъ, и парламентъ, *единый* для всѣхъ земель въ совокупности, то невозможно говорить объ особой верховной власти для каждой изъ этихъ земель, невозможно даже въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о верховной власти въ союзномъ государствѣ [4]). Отсюда вытекаетъ, что Кроація-Славонія не вправѣ претендовать на названіе государства, которое, по вѣрному замѣчанію Іеллинека [5]), прежде всего должно быть способнымъ обнаружить извѣстную самостоятельную верховную волю [6]).

Для опроверженія мнѣнія Пливерича, достаточно было бы и сказаннаго. Но я укажу еще на одну черту соединенія или, лучше сказать, присоединенія Кроаціи-Славоніи къ Венгріи, подтверждающую мой взглядъ.

Министръ Кроаціи-Славоніи, засѣдающій въ центральномъ министерствѣ и являющійся посредникомъ между кроатскимъ правительствомъ и королемъ, отвѣтственъ только предъ общимъ парламентомъ. Въ случаѣ разногласія его съ баномъ на почвѣ закона XXX (I): 1868 г., министръ этотъ вмѣстѣ съ

---

[1]) § 60 XXX (I): 1868.

[2]) Beiträge. S. 354 ff.

[3]) ibid. S. 358.

[4]) См. выше стр. 72.

[5]) Die Lehre v. d. Staatenverb. S. 76 N 15.

[6]) Замѣтимъ, что Кроація, такимъ образомъ, не можетъ считаться и государствомъ несувереннымъ, если даже допустить существованіе таковаго. Іеллинекъ, не признающій суверенитета необходимымъ для государства, все-таки Кроаціи отказываетъ въ названіи государства. Тѣмъ болѣе страннымъ является утвержденіе Пливерича, что Кроація—государство суверенное (Das rechtl. Verhältniss. S. 67, Beiträge. S. 69 & passim). О томъ, что фактически воля Кроаціи и въ общемъ рейхстагѣ можетъ не обнаружиться, см. ниже.

представленіемъ предложенія бана представляетъ королю и мнѣніе общаго венгерскаго министерства [1]). Такимъ образомъ, какъ правильно полагаетъ Іеллинекъ [2]), имѣется контроль надъ автономнымъ управленіемъ Кроаціи [3]). Контроль этотъ еще рельефнѣе проявляется въ томъ, что стоящій во главѣ кроатскаго самоуправленія банъ назначается лишь по предложенію и подъ условіемъ контрасигнированія со стороны венгерскаго министра-президента. Самъ Пливеричъ признаетъ, что такое назначеніе «независимаго» правительства не вполнѣ нормально, и можетъ объяснить его только путемъ препорученія [4]), а Бри, принявшій мнѣніе Пливерича о существованіи реальной уніи между Венгріей и Кроаціей, соглашается, что указанное обстоятельство, вмѣстѣ съ фактомъ наличности общаго парламента, представляетъ значительное отступленіе отъ чистаго типа реальной уніи [5]).

Итакъ, Кроація-Славонія—провинція венгерскаго государства, въ предѣлахъ которой въ отношеніи однихъ дѣлъ дѣй-

---

[1]) § 5 XXXIV: 1873.

[2]) Die Lehre v. d. Staatenverb. l. c., вопреки Пливеричу (Das rechtl. Verhältniss S. 24 ff.).

[3]) Насколько этотъ контроль существенъ, видно изъ примѣровъ, имѣющихся у Bidermann'а l. c. p. 240, 250, 288 etc.

[4]) Доказательства Пливерича (l. c.), будто подъ венгерскимъ министромъ-президентомъ должно понимать общаго венгро-кроатскаго, ни на чемъ не основаны.

[5]) Theorie S. 70, 76 N 6, 78 N 2. Замѣтимъ, что изъ всѣхъ ученыхъ, testimonia которыхъ приводятся Пливеричемъ (Beitr. S. 513 ff., Der Kroat. Staat S. 126 ff.), въ пользу его взгляда, кромѣ Бри, высказались лишь Шульце (принимающій за реальную унію всѣ соединенія, указанныя Юрашекомъ), Цорнъ (для котораго понятіе реальной уніи не поддается опредѣленію—см. выше стр. 16), Пальма, видящій въ трактуемомъ соединеніи реальную унію sui generis, Лентнеръ, Данчеръ и Каспарекъ. Остальные ученые, спеціально занимавшіеся нашимъ вопросомъ, воздаютъ только дань трудамъ Пливерича, не присоединяясь къ его мнѣнію. Таковы Ульбрихъ, полагавшій сначала, что Кроація-Венгрія—unio realis inaequali jure, но затѣмъ присоединившійся къ Іеллинеку (Marq. Handb. l. c. S. 15), Бидерманъ (высказавшій мысль о томъ, что Венгрія-Кроація—союзное государство, Revue VIII, p. 232), Г. Мейеръ, Шулеръ-Либлуа, Ранда, Губернатисъ, отчасти Розинъ и др. Въ послѣднее время къ Пливеричу присоединился Гольцендорфъ (Handb. des Völkerrechts. II, S. 131 N 8), впрочемъ, съ оговоркою, что Кроацію не легко отличить отъ провинціи.

ствуютъ децентрализованные органы, а въ отношеніи другихъ— центральные [1]).

§ 15. Противъ нашего заключенія защитники независимости Кроаціи-Славоніи выставляютъ еще слѣдующіе доводы. Прежде всего, заявляютъ они, финансовое устройство страны доказываетъ, что она не подчинена Венгріи, а сочинена съ ней. Это видно изъ того, что опредѣленная часть доходовъ Кроаціи (45%) идетъ на внутреннее управленіе ея, а остальная — на покрытіе расходовъ по общему управленію, причемъ, если доля Кроаціи въ общихъ издержкахъ (исчисленная въ 5,57%) покрывается менѣе, чѣмъ 55% ея доходовъ, то остатокъ поступаетъ въ распоряженіе Кроаціи [2]).

Во-вторыхъ, Кроація вполнѣ сохранила свою историческую индивидуальность. Въ пользу этого аргумента приводится: коронаціонный дипломъ изготовляется также и на хорватскомъ языкѣ [3]), хорватскій же языкъ является языкомъ оффиціальнымъ какъ *въ* Кроаціи, такъ и *для* Кроаціи, вслѣдствіе чего имъ пользуются на ландтагѣ, а кроатскіе депутаты вправѣ говорить на немъ даже на сеймѣ въ Пештѣ; далѣе, въ государственныхъ актахъ, имѣющихъ силу для всѣхъ земель короны св. Стефана, обязательно употребленіе гербовъ какъ Венгріи, такъ и Кроаціи-Славоніи; во время засѣданій общаго парламента на зданіи поднимается рядомъ съ венгерскимъ флагомъ и кроатскій; на монетахъ значится прибавка: *и* король Кроаціи-Славоніи и Далмаціи, и т. п.» [4]).

Въ-третьихъ, настоящее положеніе Кроаціи-Славоніи не можетъ быть измѣнено безъ согласія Кроаціи [5]); и,

въ-четвертыхъ, оно основано на договорѣ.

Разберемъ эти возраженія по порядку.

Относительно перваго необходимо указать на то, что даже и самая широкая автономія области еще недостаточна, чтобы

---

[1]) Ulbr. въ Marq. Handb. l. c. S. 177.

[2]) Pliverić. Das rechtl. Verhältniss. S. 40. Ср. § 11—§ 18 XXX (I): 1868, § 3 XXXIV: 1873; §§ 2—6 LIV: 1880.

[3]) Но дипломъ тѣмъ не менѣе остается единымъ (§ 2 XXX (I): 1868)!

[4]) Pliverić. Der Kroat. Staat. S. 111 ff. Ulbr. въ Marq. Handb. S. 177 ff.

[5]) § 70 XXX (I): 1868.

признать существованіе соединенія, а потому и наличность собственнаго бюджета, къ которой въ сущности сводится трактуемое возраженіе, не въ силахъ поколебать заключенія объ инкорпораціи Кроаціи. Замѣчаніе Лабанда [1]), на котораго ссылается Пливеричъ, имѣло бы значеніе лишь тогда, если бы совпадали остальныя условія, требуемыя для самостоятельности государства. Канада имѣетъ свои особенные доходы, между прочимъ и таможенные, свои особенные расходы, свои государственные долги, свою особую монетную единицу — долларъ [2]) и все же, по общему признанію, является только провинціей Великобританіи [3]). Слѣдовательно, полная самостоятельность финансоваго устройства сама по себѣ бездоказательна. Но дѣло въ томъ, что Кроація не можетъ похвалиться и таковой. Бюджетъ Кроаціи входитъ въ общую роспись доходовъ и расходовъ венгерской монархіи, и въ этой росписи значится даже расходъ по внутреннему управленію Кроаціи-Славоніи [4]); затѣмъ, не говоря уже объ общности финансоваго управленія (которую, пожалуй, можно бы объяснить препорученіемъ), съ точки зрѣнія Пливерича непонятно то обстоятельство, что контроль производится общимъ парламентомъ [5]), а кроатскому ландтагу посылается отчетъ лишь для свѣдѣнія [6]). Пливеричъ старается, правда, доказать, что этимъ установлена отвѣтственность предъ кроатскимъ ландтагомъ, но его ссылка въ этомъ отношеніи на Лабанда [7]) не оправдывается. Въ главѣ XII германской конституціи проводится различіе между сообщеніемъ лишь «для свѣдѣнія и памяти» («Zur Kenntnissnahme») [8]) и для сложенія отвѣтственности («zur Entlastung») [9]). Наконецъ, союзному въ финансахъ отношенію («Gesellschaftswirthschaft» у Ла-

---

[1]) Das Staatsrecht des deutsch. Reiches въ Marq. Handb. II, 1, S. 201 ff.

[2]) См. Britisch North America Act 30 Vict. c. 3, § 102—§ 126. Dareste op. cit. II, p. 377 etc.

[3]) Iellin. die Lehre v. d. Staatenverb. S. 65 ff.

[4]) См. смѣту за 1883 г. у Ульбриха въ Marq. Handb. l. c. S. 169.

[5]) l. c.

[6]) § 28 XXX (I): 1868.

[7]) Op. cit. S. 47.

[8]) § 71.

[9]) § 72.

банда) не соотвѣтствуетъ и то положеніе, въ силу котораго, буде 55% доходовъ Кроаціи не покрываютъ причитающихся на ея долю (5,57%) общихъ расходовъ, дефицитъ пополняется Венгріей [1]). Если точно также, вопреки указанному отношенію, покрываются прежде всего не общіе расходы, а спеціальные—кроатскіе, то эти два обстоятельства, взятыя вмѣстѣ съ приведенными раньше, указываютъ, что въ данномъ вопросѣ мы имѣемъ не условіе двухъ контрагентовъ, а только извѣстное отношеніе къ области, основанное на доброжелательствѣ [2]) и выражающееся въ томъ, что излишекъ ея доходовъ поступаетъ въ собственное ея распоряженіе.

Этимъ мы заканчиваемъ опроверженіе перваго изъ выставленныхъ доводовъ и переходимъ ко второму. Сохраненіе исторической индивидуальности за присоединенной стороной не можетъ измѣнить правового положенія послѣдней, такъ точно, какъ и предоставленіе ей самаго обширнаго самоуправленія. Если старыя теоріи публичнаго права различали извѣстные виды присоединеній и присоединенію на извѣстныхъ условіяхъ придавали даже названіе реальной уніи (inaequali jure) [3]), то новая наука государственнаго права и новое государство такого различія не допускаютъ. «Какъ бы ни разнообразился способъ присоединенія и политическое положеніе инкорпорированной страны по отношенію къ новой верховной власти, разъ страна эта вошла въ составъ другого государства, она тѣмъ самымъ утратила качество самостоятельнаго государственнаго тѣла». «Если страна эта—продолжаетъ Іеллинекъ [4])—управляется не такъ, какъ другія области государства, къ которому она принадлежитъ, если ея новыя учрежденія состоятъ въ исторической связи съ прежними, то юридически это лишь широкая автономія». «Инкорпорированная страна есть часть государства, несмотря на ея самоуправленіе, не-

---

[1]) § 27 XXX (I): 1868. Пливеричемъ выдвигается лишь обратное: если 55% превышаютъ 5, 57% общихъ издержекъ, излишекъ поступаетъ въ пользу Кроаціи.

[2]) Это прямо означено въ § 13 XXX (I): 1868.

[3]) См. особенно Ulbr. Die rechtl. Natur. S. 9, S. 66-67, Lehrb. des öster. Staatsrechts. S. 31. Другія ссылки приведены въ I главѣ.

[4]) Op. cit. S. 69—70.

смотря даже на сохраненіе того имени, какое она имѣла, будучи самостоятельнымъ государствомъ» [1]).

Относительно того, что не можетъ произойти измѣненія въ положеніи Кроаціи безъ ея согласія, намъ нечего распространяться. Выше [2]) уже было показано, что право опредѣлять правовую сферу своей власти или такъ называемая «Competenz—Competenz» не составляетъ непремѣннаго аттрибута и условія суверенитета и что, такимъ образомъ, невозможность со стороны Венгріи расширить свои права въ ущербъ Кроаціи-Славоніи еще не лишаетъ Венгерской монархіи права считаться суверенымъ государствомъ вообще и въ отношеніи Кроаціи-Славоніи въ частности.

Остается послѣдній доводъ: положеніе Кроаціи-Славоніи основано на договорѣ, заключенномъ между нею и Венгріей, т. е. на актѣ международномъ [3]). На этомъ основаніи, говоритъ Пливеричъ, отношеніе между означенными двумя политическими тѣлами можетъ быть только свойства международнаго, а не государственнаго, другими словами, можетъ быть только на началахъ сочиненія, а не подчиненія. Аргументу этому защитники независимости Кроаціи-Славоніи придаютъ первенствующее значеніе [4]), а между тѣмъ онъ едва-ли серіозенъ. Дѣло въ томъ, что очень многія государства образуются путемъ договора или, лучше сказать, благодаря договору. Но договоръ этотъ служитъ лишь для вступленія въ извѣстное отношеніе; организація образовавшагося государства покоится уже не на международномъ соглашеніи, а на началахъ государственнаго права, на законѣ. Гдѣ на лицо основной законъ новаго государства, изданный его верховной властью, тамъ договоръ имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку онъ послужилъ къ изданію этого акта государственнаго устройства вновь образовавшагося

[1]) Замѣтимъ притомъ, что и историческія особенности не таковы, чтобы вполнѣ отвѣчать независимости государства. Ср. въ этомъ отношеніи мнѣніе самого Пливерича (Beiträge. S. 81 ff.), который находитъ, что ни титулъ, ни гербъ, ни флагъ не удовлетворяютъ условіямъ, вытекающимъ изъ союзнаго отношенія.

[2]) См. стр. 73, несогласно съ Пливеричемъ, Der Kroat. Staat, S. 122—123.

[3]) Pliverić. Das rechtl. Verhältniss. S 8 ff., 74 & passim.

[4]) «Dasjenige worauf Alles ankommt ist das «residuum» des Vertrages». Шульце у Пливерича (Beitr. S. 514).

единаго политическаго тѣла. Все это мы старались объяснить и развить уже раньше, при обсужденіи вопроса о союзномъ государствѣ и его «Bundesverfassung» [1]). Теперь намъ остается указать, что и въ примѣрѣ Кроаціи-Славоніи мы встрѣчаемся съ такимъ же точно явленіемъ. Дѣйствительно, и здѣсь соглашеніе, «Ausgleich» (допуская даже его тождественность въ данномъ случаѣ съ договоромъ, «Vertrag») [2]) играетъ только указанную выше роль. Оно служитъ для изданія общаго основнаго закона, санкціонированнаго для всего государства единымъ монархомъ.

Во введеніи къ законамъ 1868, 1873, 1880, 1881 гг. неизмѣнно значится:

«Соглашеніе это, по принятіи, утвержденіи и полученіи санкціи со стороны его императорскаго и королевскаго апостолическаго величества будетъ въ качествѣ *общаго основного закона Венгріи и Кроаціи-Славоніи и Далмаціи* причислено къ законамъ [3]).

Во всѣхъ этихъ актахъ рѣчь идетъ объ одномъ общемъ фундаментальномъ законѣ, и на изданіе его отнюдь нельзя смотрѣть, какъ на извѣстную формальность или торжественность. Другое дѣло, когда договоръ, заключенный извѣстнымъ государствомъ, имъ же издается въ видѣ закона для него одного, или когда каждое изъ заключившихъ договоръ государствъ издаетъ его въ видѣ закона у себя отдѣльно [4]). Тутъ, дѣйствительно, обнародованіе договора въ видѣ закона есть формальность, но этого нельзя сказать объ изданіи общаго основного закона, и

---

[1]) См. выше стр. 75.

[2]) Pliverić. Beitr. S. 287, гдѣ приведено противоположное мнѣніе.

[3]) На это указалъ и Эгерсдорферъ, который полемизируетъ съ Пливеричемъ (Der Kroat. Staat. S. 28 ff.). Нѣкоторыя особенности разсматриваемаго соединенія въ данномъ направленіи, какъ предварительная санкція для Венгріи и Кроаціи въ отдѣльности, побудили Іеллинека выразиться въ томъ смыслѣ, что договоръ не вполнѣ совмѣстимъ съ его воззрѣніями на Кроацію (Iellin. & Pliverić. S. 59), между тѣмъ какъ онъ самъ въ другомъ мѣстѣ (Lehre. S. 78—79) говоритъ, что «актъ инкорпораціи, поскольку онъ законенъ, всегда по своей природѣ международнаго характера, такъ какъ дѣло идетъ о соединеніи *дотолѣ* обособленныхъ государствъ.... Актомъ международнымъ создается отношеніе государственное». Примѣры см. тамъ же подъ № 3.

[4]) См. выше Швецію-Норвегію и Австро-Венгрію.

напрасно въ данномъ случаѣ Пливеричъ [1]) ссылается на Іеллинека.

Въ заключеніе коснусь одного возраженія противъ унитарности венгерской монархіи, которое отрицательнымъ путемъ имѣетъ цѣлью доказать независимость Кроаціи-Славоніи. Если—говорятъ [2])—Кроація не государство, а провинція, то каковымъ же намъ представляется то тѣло, въ составъ котораго она входитъ? Возможно-ли, чтобы государство постоянно зависѣло отъ своихъ частей? Выраженіемъ верховной воли одной изъ нихъ служитъ венгерскій парламентъ, другой—кроатскій ландтагъ. Существованіе общаго государства состоитъ въ зависимости отъ соглашенія между этими двумя органами воли составныхъ его частей, въ то время какъ органъ общей государственной воли въ данномъ отношеніи вполнѣ некомпетентенъ.

Въ опроверженіе этого, только на видъ серіознаго, довода нужно замѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, такъ называемая Competenz-Competenz, какъ мы уже сказали, не является непремѣннымъ условіемъ суверенитета государства. Іеллинекъ [3]) понималъ, что въ разсматриваемомъ соединеніи она не принадлежитъ венгерской монархіи, и все-таки послѣднюю призналъ суверннымъ государствомъ, въ каковомъ признаніи отказалъ каждой изъ ея частей. Во-вторыхъ, постановленіе каждаго изъ законодательныхъ собраній нуждается въ санкціи монарха, а монархъ этотъ единый, такъ что одного соглашенія венгерскаго рейхстага съ кроатскимъ ландтагомъ объ измѣненіи существующаго отношенія недостаточно. Не можетъ, слѣдовательно, быть и рѣчи о зависимости судьбы государства отъ воли двухъ названныхъ собраній.

§ 16. Такова строго юридическая точка зрѣнія. Фактически же вопросъ представляется еще менѣе благопріятнымъ для Кроаціи. Въ общемъ рейхстагѣ въ Пештѣ мадьяры составляютъ такое подавляющее большинство [4]), что со стороны кроатскихъ депутатовъ немыслима оппозиція. Политическій, стало быть,

[1]) Der Kroat. Staat. S. 34.

[2]) Pliverić. Das rechtl. Verhältniss. S. 65 ff., 74.

[3]) Die Lehre. S. 30.

[4]) Въ нижней палатѣ, напр., они имѣютъ 413 представителей противъ 40 кроатскихъ. Ulbr. l. c. S. 156. См. выше стр. 79.

суверенитетъ принадлежитъ даже не всѣмъ землямъ венгерской короны въ ихъ совокупности, а одной только Венгріи въ тѣсномъ смыслѣ слова: политически ея законодательное собраніе равносильно соединенному парламенту, а отвѣтственность органовъ управленія предъ послѣднимъ сводится къ отвѣтственности предъ венгерскимъ парламентомъ. Этимъ обстоятельствомъ, т. е. фактически одинаковымъ для венгерцевъ значеніемъ законодательнаго учрежденія съ участіемъ и безъ участія кроатскихъ депутатовъ, и объясняется, на мой взглядъ, почему мадьяры согласились на договорное отношеніе къ Кроаціи, не отдавая себѣ, быть можетъ, отчета въ его послѣдствіяхъ [1]). Для нихъ важны соображенія не чисто юридическія. Поскольку верховная воля всего государства сливается съ ихъ собственной волей, поскольку они рѣшаютъ дѣла суверенно и ихъ же согласіе необходимо для какой бы то ни было перемѣны въ настоящемъ строѣ, постольку, конечно, соглашеніе, состоявшееся съ Кроатами, признается ими безопаснымъ и удовлетворительнымъ.

Подводя итоги всему сказанному, намъ остается только повторить, что Кроація-Славонія — пользующаяся широкой автономіей провинція монархіи св. Стефана, а послѣдняя — хотя и сильно децентрализованное, но тѣмъ не менѣе единое государство.

Финляндія [2]).

§ 17. Страна, занимаемая нынѣшнимъ великимъ княжествомъ Финляндскимъ, была завоевана шведскимъ королемъ Эрикомъ въ 1157 году. Уже съ этого времени, несмотря на то, что

---

[1]) Іеллинекъ въ Krit. Vierteljahresschrift. N. F. Bd. XII, S. 329.

[2]) Ср. **Mechelin**. Das Staatsrecht des Grossfürstenthums Finland въ Marq. Handb. IV, II. 1, 2. Его-же. Précis du droit public du grand duché de Finlande, перев. Ордина. **Ординъ**. Покореніе Финляндіи. I, II. Dareste. Les constit. mod. II, p. 200 etc., и цѣлый рядъ статей по такъ называемому финляндскому вопросу: Коркунова «Великое Княж. Финл.». Юр. Лѣт. 1890 № 4; Таганцева «Высоч. Маниф. 1/13 дек. 1890 г. и т. д.» Юр. Лѣт. 1891 г. № 2; Ордина «Финл. комиссіи и конституціи». Русск. Вѣстн. 1890 № 3; П. М. «Финл. и ея учрежденія». Сѣв. Вѣстн. 1890 №№ 6 и 7; Глинскаго «Великодушное Покореніе». Ист. Вѣстн. 1890 № 4; Мих—а «Начало

завоеваніе было закончено лишь позже [1]; т. е. съ XII столѣтія, войны русскихъ въ Финляндіи, ставшей шведской провинціей, являются войнами русскихъ со шведами и чуть-ли не безпрерывно тянутся черезъ всю русскую исторію до 1809 г. Первоначально походы (Ярослава Всеволодовича въ 1228 г., Александра Невскаго, Новгородцевъ въ 1292, 1318, 1323 гг. и мн. др., Іоанна III, Іоанна Грознаго, Ѳеодора Іоанновича и Бориса Годунова) [2]) особеннаго значенія не имѣли, но со временъ Петра Великаго дѣло измѣняется: Россія завоевываетъ и сохраняетъ за собой пространства, пріобрѣтенныя силой оружія. Такъ, по трактату, заключенному въ Ништадтѣ 30 августа 1721 года, Россія пріобрѣтаетъ «въ совершенное, непрекословное, вѣчное владѣніе и собственность» [3]) Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію и часть Кареліи. Абоскій миръ, закончившій войну со Швеціей въ царствованіе Анны Іоанновны, не только подтвердилъ Ништадскій договоръ, но еще расширилъ границы Россіи до рѣки Кюмени [4]). Эта часть Финляндіи получила впослѣдствіи названіе «старой Финляндіи», въ отличіе отъ новой, завоеванной при императорѣ Александрѣ Павловичѣ. На знаменательной для Финлядіи эпохѣ царствованія этого государя необходимо остановиться [5]).

Въ 1808 г. была объявлена война Швеціи. Въ февралѣ русскія войска двинулись въ Финляндію, а 20 марта императоръ Александръ I издаетъ манифестъ о покореніи Финляндіи. 5 іюня издается о томъ же второй манифестъ, обращенный уже къ жителямъ покоренной Финляндіи, которые и начинаютъ приносить присягу на подданство. Между тѣмъ война еще продолжается. Въ виду упорства Густава IV, императоръ Александръ приказываетъ перенести театръ войны въ самую Швецію, чему особенно благопріятствуетъ зимнее время года.

Финл. Притязаній». Русск. Арх. 1890 № 7; Германсона «По вопросу о зак. Финл.». Вѣстн. Евр. 1890 № 6. См. также «Московскія Вѣдомости» за 1890 и 1891 гг.

[1]) Походы 1249 и 1293 гг. и миръ 1323 г.

[2]) Ср. относительно всего этого Ординъ. Покор. Финл. I гл. 1 стр. 21 и сл., также П. М. Сѣв. Вѣстн. 1890 № 3 стр. 41 и сл.

[3]) Полное Собраніе Законовъ № 3819.

[4]) Ср. Ординъ Покор. Финл. I стр. 98—99, 104—106.

[5]) См. Ординъ. Покор. Финл. I стр. 374 и сл.

Независимо отъ этого, по Высочайшему Повелѣнію отъ 20 января 1809 года, созываются народные представители Финляндіи на сеймъ въ Борго, гдѣ Императоръ лично открываетъ и закрываетъ совѣщанія (16 марта и 7 іюля). Вскорѣ новыя побѣды русскихъ побуждаютъ Карла XIII, занявшаго шведскій престолъ по низверженіи Густава IV, согласиться на миръ, который окончательно заключается въ Фридрихсгамѣ 5 сентября того же года. По условіямъ этого мира шведское правительство уступаетъ Россіи Финляндію, часть Вестроботніи до рѣки Торнео и Аландскіе острова.

§ 18. Политическое положеніе Финляндіи[1]), пользующейся обширными правами, основывается финляндскими публицистами на Боргоскомъ сеймѣ и такъ называемыхъ Боргоскихъ ак-

---

[1]) Оно представляется въ слѣдующихъ главнѣйшихъ чертахъ (ср. Méchélin. Précis). Императоръ и Великій князь, которому одному только принадлежитъ право управлять страной (§ 2 закона о формѣ правленія 1772 г.), имѣетъ въ дѣлѣ администраціи Финляндіей помощниками: 1) *Императорскій* сенатъ, состоящій изъ двухъ департаментовъ — судебнаго, какъ высшей инстанціи суда, и административнаго, который вѣдаетъ общее управленіе страной и отдѣленія котораго (въ числѣ 6) соотвѣтствуютъ министерствамъ большей части европейскихъ государствъ, 2) генералъ-губернатора, состоящаго предсѣдателемъ сената, начальникомъ всѣхъ исполнительныхъ органовъ и командующимъ войсками въ Финляндіи, 3) Финляндскій статсъ-секретаріатъ въ С.-Петербургѣ для веденія дѣлъ, требующихъ рѣшенія Е. И. В., и 4) министровъ Имперіи—иностранныхъ дѣлъ и военнаго,—исполняющихъ обязанности по великому княжеству. (Комитетъ по дѣламъ Финляндіи, учрежденный въ 1857 году при статсъ-секретаріатѣ и разсматривавшій дѣла, которыя ему сообщались министромъ статсъ-секретаремъ по повелѣнію Государя Императора, для изложенія своего по этимъ дѣламъ мнѣнія,—упраздненъ съ 1 октября н. ст. 1891 года).

Власть законодательная принадлежитъ Императору-Великому Князю и сейму страны, состоящему изъ четырехъ сословій—дворянства, духовенства, буржуазіи, т. е. депутатовъ отъ городовъ, и крестьянъ въ качествѣ депутатовъ отъ сельскихъ общинъ. Отмѣтимъ, что Финляндія съ мекленбургскими гросгерцогствами—единственныя въ настоящее время страны въ Европѣ, гдѣ еще имѣется сословное представительство (Dareste op. cit. II, p. 200).

Финляндія имѣетъ свои особыя судебныя учрежденія, свое особое дѣленіе на 8 губерній, распадающіяся на уѣзды въ числѣ 51. Между тѣмъ какъ эти губерніи и уѣзды представляютъ лишь отдѣльные административные округи, за общинами—городскими и сельскими—закономъ признается широкое право самоуправленія.

тахъ [1]). Здѣсь, говорятъ они, сохранены были за страной ея преимущества и независимость, удержаны ея законы и конституціонное устройство [2]), здѣсь произошелъ актъ «соглашенія» между двумя сторонами, актъ «соединенія» двухъ государствъ подъ верховной властью одного монарха.

Займемся изслѣдованіемъ правильности этихъ положеній.

§ 19. Всякое соглашеніе предполагаетъ двухъ равныхъ и самостоятельныхъ контрагентовъ. Слѣдовательно, прежде всего нужно доказать ихъ наличность. Финляндскіе писатели отвѣчаютъ, что контрагенты имѣлись, что таковыми, съ одной стороны, были Русскій Императоръ, а съ другой, чины Финляндіи. Но такой отвѣтъ не выдерживаетъ критики. Изъ бѣглаго очерка покоренія Финляндіи можно было усмотрѣть, что сеймъ въ Борго былъ созванъ, засѣдалъ и закончилъ свою сессію до прекращенія войны и начатія какихъ бы то ни было, хотя бы прелиминарныхъ, переговоровъ о мирѣ со Швеціей, открывшихся лишь 4 августа 1809 г., т. е. почти цѣлый мѣсяцъ послѣ закрытія сейма императоромъ Александромъ I. Что Финляндія до войны была лишь провинціей Швеціи—фактъ, не подлежащій сомнѣнію и признаваемый даже финляндцами [3]). Противодѣйствіе, встрѣчаемое русскими войсками со стороны финляндцевъ, оказывалось ими, какъ шведскими подданными. Война велась и могла быть ведена только со Швеціей, а не съ не существовавшимъ Финляндскимъ княжествомъ [4]). На какомъ-же, спрашивается, основаніи вступали финлядскіе чины въ договорное соглашеніе съ Императоромъ Всероссійскимъ? Незаконность или, лучше сказать, невозможность такого порядка вещей такъ ясно понималась самими финляндцами, что остается только привести слова одного изъ нихъ, высказанныя по этому поводу и принятыя съ

---

[1]) Méchélin въ Précis (пер. Ордина) стр. 23, въ Marq. Handb. S. 248—249; Кастренъ. Боргоскій мирный трактатъ, стр. 144; Коскиненъ въ Finnische Geschichte, S. 570; Германсонъ, Монгомери и др.

[2]) Главнымъ образомъ законы «о формѣ правленія» 1772 г. и «актъ единенія и безопасности» 1789 г.

[3]) Ср. Mechelin въ Marq. Handb. IV, II, 2, S. 246. Не будучи въ состояніи отрицать такого отношенія, Мехелинъ упоминаетъ о немъ лишь вскользь и переходитъ къ изложенію привилегій страны, на которыхъ, понятно, останавливается гораздо подробнѣе.

[4]) Коркуновъ. Юр. Лѣт. 1890 № 4 стр. 325.

большимъ сочувствіемъ. «Пока исходъ войны еще неизвѣстенъ», говорилъ пользовавшійся извѣстностью финскій профессоръ права Калоніусъ, «пока не заключенъ такой миръ, при которомъ повелитель [1]) самъ отказался бы отъ своего права, отъ воли *подданнаго* не зависитъ отказаться отъ своего долга, если онъ не хочетъ запятнать себя позорнымъ преступленіемъ *измѣны*». Король шведскій, думалъ онъ, можетъ еще возстановить прежнее положеніе Финляндіи [2]).

Понимая, что при указанныхъ условіяхъ никакой договоръ не мыслимъ, финскіе сепаратисты прибѣгаютъ къ другому доводу для спасенія своего положенія. Область шведская, соглашаются они, дѣйствительно, не могла договариваться съ Россіей, но дѣло въ томъ, что еще до сейма императоръ Александръ изъ Финляндіи создалъ особое «государство», воздвигнувъ въ немъ великокняжескій престолъ [3]). Какъ государство, утверждаютъ они, Финляндія уже могла вступить въ договорныя отношенія къ Россіи.—Бездоказательность и голословность такого разсужденія очевидны. Гдѣ, спрашивается, акты созданія новаго государства? гдѣ признаніе его со стороны другихъ европейскихъ державъ? Въ чемъ проявилось отношеніе ко вновь народившемуся государству, какъ таковому, или гдѣ оно, по крайней мѣрѣ, именуется таковымъ? На всѣ эти вопросы означенные писатели не даютъ отвѣта. Кромѣ двухъ-трехъ мѣстъ въ рѣчахъ императора Александра Павловича, гдѣ послѣднимъ присвоивается финляндцамъ крайне широкое и растяжимое [4]) названіе «націи», финляндскіе писатели ничего не могутъ привести въ пользу своего аргумента [5]), являющагося, такимъ образомъ, чистой фикціей.

Изъ положенія явствуетъ, что Боргоскій сеймъ не можетъ имѣть первенствующаго значенія въ дѣлѣ созданія нынѣшняго положенія Финляндіи. Замѣтимъ кстати, что такое значеніе сейму стали приписывать уже позже, особенно со времени Кастрена [6]),

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ: законный, прирожденный владыка.

[2]) Koskinen. Finn. Gesch. S. 538, ср. Méchélin. Précis, примѣч. Ордина на стр. 12—13

[3]) Mechelin въ Marq. Handb. l. c. S. 248.

[4]) Ср. Bluntschli. Lehre v. modern. Staat. I, S. 91 ff.

[5]) Mechelin l. c. S. 249—250.

[6]) Писавшаго о Боргоскихъ событіяхъ въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ.

а что до того онъ не обращалъ на себя особеннаго вниманія, и что современники его даже оставили о немъ мало свѣдѣній [1]).

Если нельзя искать объясненія происхожденія устройства Финляндіи въ Боргоскомъ сеймѣ и его рѣшеніяхъ, какъ не основанныхъ ни на какомъ соглашеніи, то объясненіе это остается искать въ другомъ мѣстѣ—въ Фридрихсгамскомъ трактатѣ, единственномъ актѣ, имѣющемъ договорный характеръ. Приведемъ нѣкоторыя изъ его статей, затрогивающія разсматриваемый нами вопросъ.

Статья IV гласитъ:

«Его Величество король шведскій какъ за себя, такъ и за преемниковъ своего престола и королевства шведскаго, отказывается неотмѣняемо и навсегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и преемниковъ Его престола и *Россійской имперіи* отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ державы шведской, а именно: на губерніи Кюменегородскую и т. д..... Губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежностями, преимуществами, правами и выгодами будутъ отнынѣ состоять *въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской* [2]) *и къ ней навсегда присоединяются.....*»

Статья V:

«Море Аландское, заливъ Ботническій и рѣки Торнео и Муоніо будутъ впредь служить границей между *Имперіей Россійской* и королевствомъ шведскимъ .... Въ устьѣ р. Торнео островъ Бьоркіо, портъ Ріодгамъ . . . будутъ самыми дальними пунктами россійскихъ владѣній.... По вышеписанному теченію рѣкъ Торнео и Муоніо острова, лежащіе съ восточной стороны ихъ фарватера, будутъ принадлежать *Россіи*, а лежащіе съ западной стороны — Швеціи».

---

[1]) Koskinen. Finn. Gesch. S. 588; П. М. Сѣв. Вѣстн. 1890 № 6, стр. 46.

[2]) Дословно тѣ же выраженія употреблены въ Высочайшемъ рескриптѣ генералъ-губернатору Финляндскому отъ 28 февраля 1891 г.: «Финляндскій край, *состоя .... въ собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской*, получилъ по *волѣ* Блаженной памяти императора Александра I особый порядокъ внутренняго управленія....»

Статья VI:

«Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами *милосердія* и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей: обезпечивъ, *по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія*, свободное отправленіе ихъ вѣры, право собственности и преимущества, то его шведское величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго, впрочемъ, долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія»[1]).

Трудно встрѣтить болѣе ясную и недвусмысленную постановку вопроса: Швеція уступаетъ Россіи свою провинцію Финляндію, которая отнынѣ становится провинціей Россіи, и своихъ подданныхъ, которые отнынѣ становятся подданными Россіи. Императоръ Всероссійскій сохраняетъ за покоренной областью религію, права и преимущества исключительно въ силу милосердія и великодушія. Созваніе Боргоскаго сейма, которое, исходя изъ точки зрѣнія писателей-сепаратистовъ, незаконно и непонятно, получаетъ опредѣленное значеніе въ качествѣ акта управленія уже покоренной областью.

Только-что указанные выводы могутъ быть подкрѣплены, кромѣ статей Фридрихсгамскаго договора, еще цѣлымъ рядомъ другихъ, точно также весьма важныхъ данныхъ. Укажу на главнѣйшія изъ нихъ.

Въ манифестѣ отъ 20-го марта 1808 г. къ русскому народу[2]) читаемъ:

«Страну сію (Финляндію), оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы *присоединяемъ* отнынѣ *навсегда къ Россійской Имперіи*, и вслѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное престолу Нашему подданство».

Въ манифестѣ отъ 5/17 іюня 1808 г. «къ вѣрноподданнымъ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи» значится:

«..... *Присоединивъ навсегда Финляндію къ Россіи*, съ удовольствіемъ Мы зрѣли..... Въ чредѣ народовъ скипетру Рос-

---

[1]) О Боргоскихъ актахъ, такимъ образомъ, въ договорѣ даже не упомянуто.

[2]) П. С. З. т. XXX № 22911.

сійскому подвластныхъ и *единую Имперію составляющихъ*, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени воспріяли навсегда свое мѣсто. Будьте тверды и непоколебимы въ преданности вашей къ *Россіи*».

Въ манифестѣ о заключеніи мира между Россіей и Швеціей, изданномъ 1-го октября 1809 г., говорится, что «доброе наше воинство *покорило* Финляндію, завладѣло всѣми ея провинціями... и на отдаленныхъ предѣлахъ ея утвердило свое обладаніе. На семъ великомъ пространствѣ всѣ города, порты, укрѣпленія, самыя твердыни Свеаборга пали во власть его».

Обращенная къ иностраннымъ дворамъ декларація о судьбѣ Финляндіи отъ 16-го марта 1808 года заключалась слѣдующими словами [1]:

«Е. И. В. возвѣщаетъ всѣмъ державамъ европейскимъ, что отнынѣ часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась шведскою и которую войска россійскія не иначе могли занять, какъ выдержавъ разныя сраженія, признается *областью россійскимъ оружіемъ покоренною и присоединяется навсегда къ Россійской Имперіи*».

Наконецъ, въ письмѣ къ Наполеону, императоръ сообщаетъ, что онъ «объявилъ шведскую Финляндію русскою провинціей [2])».

Можно, далѣе, привести немало документальныхъ данныхъ въ пользу того, что дарованіе правъ финляндцамъ было только актомъ милости и доброй воли русскаго монарха. Въ извѣстномъ

---

[1]) Ординъ. Покор. Финл. II, стр. 91—92.

[2]) «J'ai declaré la Finlande Suédoise province Russe». (См. Méchélin. Précis, Прилож. Ордина № 2. Ординъ. Покор. Финл. II, стр. 92—93). Самъ Мехелинъ признаетъ (Marq. Handb. S. 246), что въ началѣ войны русское правительство дѣйствительно имѣло въ виду обратить Финляндію въ провинцію, но утверждаетъ, что впослѣдствіи это намѣреніе было оставлено, какъ явствуетъ изъ манифеста отъ 5 іюня (см. выше). Предоставляю судить, насколько этотъ манифестъ способенъ подтвердить такую мысль (ср Méchélin. Précis, примѣч. Ордина на стр. 8). Понимая, впрочемъ, что содержаніе означеннаго акта не вполнѣ пригодно для защищаемаго положенія, Мехелинъ оговаривается, что манифеста нельзя класть въ основу обсужденія устройства Финляндіи на томъ-де основаніи, что во время его изданія война еще не была окончена и исходъ ея былъ неизвѣстенъ. А развѣ ко времени Боргоскаго сейма война была кончена?!

объявленіи 15 марта 1809 года императоръ Александръ говоритъ:

«Получивъ произволеніемъ Промысла въ Наше владѣніе Великое Княжество Финляндское, *Мы пожелали* подтвердить религію и основные законы страны.....»

Годъ спустя во введеніи къ другому манифесту (отъ 25 марта 1810) государь повторяетъ тѣ же слова:

«Съ той минуты, какъ Провидѣніе вручило Намъ судьбу Финляндіи, *Мы рѣшились* управлять ею, какъ свободнымъ народомъ....»

Въ предложеніяхъ, по Высочайшему повелѣнію и въ присутствіи государя переданныхъ земскимъ чинамъ при открытіи сейма, между прочимъ сказано [1]): «Е. И. В., созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ, *желалъ* явить тѣмъ самымъ торжественное доказательство его великодушныхъ намѣреній сохранить и соблюсти ненарушимо религію [2]).....»

Въ виду такихъ прямыхъ доказательствъ остается только удивляться финляндскимъ писателямъ, которые, не довольствуясь утвержденіемъ, что между Финляндіей и Россіей произошло соглашеніе, стараются увѣрить, что этого соглашенія *требовали* политическіе интересы Россіи и желаніе умиротворить край, что иначе дѣло и не *могло* обстоять [3]). Сепаратисты забываютъ, что «соглашеніе» произошло въ то время, какъ русскія войска наводняли всю Финляндію, что до того финляндцы на «соглашеніе» не шли, несмотря на то, что изъ первой же прокламаціи отъ 10 февраля 1808 года имъ было извѣстно, что за ними сохраняются ихъ вѣра и законы [4]), и крайне неохотно

---

[1]) Ординъ. Покор. Финл. II, стр. 348, прилож. № 72.

[2]) То же мы видимъ въ царствованіе императора Александра II. См. рѣчь, произнесенную имъ при открытіи сейма въ Гельсингфорсѣ 18 сентября 1863 г.: «*Я желаю*, чтобы на будущее время никакой новый заемъ не былъ заключенъ безъ участія сословій.... *Сохраняя* принципъ конституціонно-монархическій,.... *Я хочу*....»

[3]) Méchélin. Précis, пер. Ордина, стр. 18.

[4]) «Великое княжество Финляндское отнынѣ и далѣе почитаться будетъ наравнѣ съ прочими завоеванными Россійской Имперіей областьми, кои при кроткомъ правленіи предковъ Е. И. В. пользовались и теперь еще подъ скипетромъ Е. В. пользуется благополучнымъ спокойствіемъ и *сохра-*

исполняли требованія императора Александра [1]).

Чтобы правильно понять и по достоинству оцѣнить значеніе Боргоскаго сейма, нужно, сверхъ выставленныхъ положеній о покореніи Финляндіи, присоединеніи ея въ качествѣ провинціи и сохраненіи за финляндцами привилегій «по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго соизволенія» императора Александра,—имѣть въ виду еще то обстоятельство, что сейму придавалось лишь совѣщательное значеніе.

Во введеніи къ вопросамъ, поставленнымъ сословіямъ при открытіи сейма, значится:

«Полный довѣрія къ чувствамъ своихъ подданныхъ и убѣжденный въ усердной готовности народа идти навстрѣчу Его благодѣтельнымъ намѣреніямъ, Е. И. В. *рѣшилъ* внести нижеслѣдующіе предметы на *обсужденіе (délibération)* сословій, приглашая ихъ представить Ему ихъ *мнѣнія* (à Lui présenter leurs *avis*) [2])»...

Въ рѣчи, по случаю закрытія сейма въ Борго, императоръ говоритъ:

«Созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ, *Я хотѣлъ знать* желанія народа насчетъ его истинныхъ интересовъ.... Мнѣнія, вами теперь выраженныя, носятъ характеръ мудрости и любви къ отечеству. *Я пріиму ихъ въ соображеніе* въ важномъ дѣлѣ, которое для вашего преуспѣянія *обдумываю. Ваши работы кончены* [3])».

Такимъ образомъ, обзоръ исторіи покоренія и устройства Финляндіи насъ неминуемо привелъ къ тому, что страна эта была «покорена» русскимъ оружіемъ и Швеціей уступлена въ «собственность и державное обладаніе» Россійской Имперіи. Все совершившееся въ Финляндіи между этими двумя событіями, т. е. манифестомъ отъ 20 марта 1808 г. и Фридрихсгамскимъ мир-

---

неніемъ своихъ привилегій, свободнаго вѣроисповѣданія, вольностей, правъ и другихъ преимуществъ, которыя они издревле имѣли и еще имѣютъ». Ординъ. Покор. Финляндіи. II, стр. 23, 334; ср. его же примѣч. на стр. 19—21 въ Précis Мехелина.

[1]) По дѣлу, напримѣръ, о вызовѣ депутатовъ въ С.-Петербургъ. Ibidem. Это признаетъ и Мехелинъ въ Marq Handb. l. c. S. 247.

[2]) Ординъ. Покор. Финл. II, стр. 348-349, прилож. № 72.

[3]) Замѣтимъ, что всѣ рѣшенія послѣдовали безъ участія сейма, по непосредственному усмотрѣнію Петербургскаго правительства. Ординъ. Покор. Финл. II, стр. 401.

нымъ договоромъ, является актомъ внутренняго управленія, или, по справедливому выраженію Ордина[1]), дѣломъ русскимъ, внутреннимъ, домашнимъ. Таковымъ, повторяемъ, представляется намъ и сеймъ, созванный императоромъ въ Борго, при открытіи[2]) котораго онъ обращается къ финляндцамъ, какъ къ «своимъ подданнымъ», и совѣщаніе сословій на этомъ сеймѣ, и, наконецъ, дарованіе Финляндіи ея устройства въ силу свободнаго произволенія и въ качествѣ акта великодушія русскаго государя[3]).

§ 20. Независимо отъ историческаго хода событій, обратимся къ разсмотрѣнію нынѣшняго положенія Финляндіи и посмотримъ, представляетъ-ли она въ данную минуту тѣло, могущее притязать на названіе государства.

Чтобы быть вправѣ говорить о государствѣ, необходимо имѣть на лицо три элемента или первоначальныхъ фактора — верховную власть, населеніе въ техническомъ смыслѣ слова и территорію. Въ Финляндіи мы ни одного изъ этихъ элементовъ не видимъ.

Что касается прежде всего верховной власти, то ея для Финляндіи отдѣльно отъ Россіи не существуетъ. Ст. 4 основныхъ законовъ, на которую ссылаются и финляндцы-сепаратисты[4]), говоритъ, что «съ Императорскимъ Всероссійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы: царства Польскаго и Великаго княжества Финляндскаго». Въ статьѣ этой не говорится ни о государствѣ финляндскомъ, ни о соединеніи его съ государ-

---

[1]) Покор. Финл. II, стр. 486.

[2]) А, слѣдовательно, *до* состоявшагося «соглашенія».

[3]) Здѣсь умѣстно привести слова Іеллинека: «Даже въ томъ случаѣ, говоритъ онъ (Die Lehre. S. 69), когда государство по договору покоряется другому, съ условіемъ сохраненія за нимъ извѣстной самостоятельности, предоставленіе таковой является одностороннимъ государственнымъ актомъ, а не выполненіемъ договора, такъ какъ, въ силу послѣдовавшаго во исполненіе договора покоренія, одинъ изъ контрагентовъ исчезъ, и нѣтъ никого, кому могли бы принадлежать вытекающія изъ договора права. Возможно, что государство обѣщаетъ третьей державѣ сохранить за инкорпорированной страной старыя учрежденія или даровать новыя, но отсюда проистекаетъ международное обязательство только въ отношеніи этой третьей державы, а не инкорпорированнаго государства». Въ нашемъ случаѣ вопросъ поставленъ еще очевиднѣе по той причинѣ, что, во-первыхъ, Финляндія никогда не была самостоятельнымъ государствомъ, а, во-вторыхъ, никакого обѣщанія третьему государству со стороны Россіи не давалось.

[4]) Méchelin. Précis, пер. Ордина, стр. 37.

ствомъ Россійскимъ; въ ней рѣчь идетъ о нераздѣльности, т. е. единствѣ престола [1]).

Нѣтъ, слѣдовательно, двухъ самостоятельныхъ престоловъ, занимаемыхъ однимъ и тѣмъ же монархомъ; въ Государѣ Императорѣ не различаются двѣ юридическія личности — одна Всероссійскаго Самодержца, а другая Великаго Князя Финляндскаго. Финляндія имѣетъ съ Россійской Имперіей не только одного монарха, но и одну верховную власть, которая одинаково господствуетъ какъ въ Имперіи, такъ и въ Финляндіи [2]).

Замѣтимъ вдобавокъ, что статья 4 составлена безъ какого-либо участія со стороны Финляндіи, опредѣляя въ то же время отношеніе къ ней Имперіи.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о подданствѣ финляндскомъ, мы и здѣсь приходимъ къ отрицательнымъ результатамъ. Законъ [3]) не знаетъ финляндскаго подданства, а знаетъ лишь «права гражданства въ Финляндіи», каковое обозначеніе онъ придаетъ правамъ и привилегіямъ финляндскихъ жителей. Вмѣсто пріобрѣтенія финляндскаго подданства обывателями Имперіи, законъ говоритъ лишь объ ихъ перечисленіи въ Финляндію и разрѣшеніи имъ тамъ приписаться. Припиской въ Финляндіи не измѣняются даже преимущества, принадлежащія россійскимъ дворянамъ по ихъ званію [4]). Перечисленіе обывателей Имперіи рѣзко и существенно отличается отъ принятія иностранца въ число подданныхъ Е. В. по великому княжеству Финляндскому тѣмъ, что въ первомъ случаѣ нѣтъ принятія присяги на

---

[1]) При всемъ томъ, редакцію статьи 4 нельзя признать удачной и соотвѣтствующей ея источникамъ, въ числѣ которыхъ указывается на манифесты отъ 20 марта 1808 г. (П. С. З. № 22911) и 11 дек. 1811 г. (№ 24907). Въ манифестѣ отъ 1 марта 1881 г. о вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора сказано: «Мы вступаемъ на прародительскій престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ *съ нею* Царства Польскаго и великаго княжества Финляндскаго». Здѣсь ясно выражено, что престолъ одинъ, а Финляндія и Польша нераздѣльно соединены съ Россійской Имперіей.

[2]) Сокольскій. Кратк. Учебн. стр. 64 — 65. Сенатъ въ Финляндіи «Императорскій» а не «Великокняжескій»; въ приговорахъ сената употребляется формула: «Именемъ Его *Величества*». Méchélin. Précis, пер. Ордина, стр. 48—49.

[3]) Св. зак. т. IX, примѣч. 2 къ 312 ст. (изд. 1876 г.).

[4]) Пунктъ 3 того-же примѣчанія.

подданство, а во второмъ оно обязательно имѣется [1]). И здѣсь отмѣтимъ тотъ фактъ, что правила эти были изданы въ 1858 г. безъ какого бы то ни было участія сейма [2]).

Переходя къ территоріи, мы видимъ, что въ 1808 г. не было никакой границы между Финляндіей и Россіей. Именнымъ указомъ, объявленнымъ министромъ коммерціи 12 апрѣля 1808 г., повелѣно: 1) товары изъ присоединенной шведской Финляндіи, идущіе въ Россію и изъ Россіи въ присоединенный край, отпускать безъ пошлинъ, на томъ же основаніи, какъ отпускается товаръ изъ одного россійскаго порта въ другой россійскій портъ...; 2) таможенную стражу вдоль всей границы съ шведской Финляндіей снять . . . . [3]).

Манифестомъ отъ 11 дек. 1811 г., изданнымъ на основаніи мнѣнія государственнаго совѣта, было Высочайше повелѣно: «1) старую и новую Финляндію отнынѣ совокупно именовать Финляндіей, и 2) прежняя Финляндская губернія, наравнѣ съ губерніями въ Финляндіи существующими, отнынѣ состоять будетъ *въ главномъ управленіи*, для сей страны Нами учрежденномъ» [4]). Возможно - ли, чтобы русская область была добровольно отрѣзана отъ Имперіи и присоединена къ территоріи другого государства? Конечно, нѣтъ. Вполнѣ естественно, напротивъ,

---

[1]) Сокольскій. Кратк. Учебн. стр. 158—159. Сходство условій натурализаціи съ условіями перечисленія въ Финляндію объясняется тѣмъ, что и здѣсь и тамъ требуется согласіе монарха (при перечисленіи потому, что имѣетъ мѣсто распространеніе привилегій, дарованныхъ верховной властью!). Упомянемъ еще о томъ, что въ 1810 г. финляндцы въ Россіи были признаны равноправными съ русскими (указъ спб. воен. ген.-губ. о поступленіи съ пріѣзжающими финляндцами по тѣмъ же правиламъ, какъ съ прибывающими изъ внутреннихъ губерній). Méchélin. Précis, примѣч. Ордина на стр. 40.

[2]) П. С. З. №№ 32709 и 32770. Согласно съ проведеннымъ взглядомъ на подданство, и въ Финляндскомъ уголовномъ уложеніи (гл. XII) предположено употребить выраженіе: «финляндецъ или иной россійскій подданный». Таганцевъ. Юр. Лѣт. 1891 № 2, стр. 105—106.

[3]) П. С. З. 12/IV 1808. См. Méchélin. Précis, прим. Ордина на стр. 24.

[4]) Méchélin. Précis. Прилож. Ордина № 6. Какъ видно изъ текста, въ манифестѣ ничего не говорится объ «инкорпораціи Выборгской губерніи въ великое княжество Финляндское», какъ это утверждаетъ Мехелинъ въ Marq. Handb. I. c. S. 252.

измѣнять дѣленіе одного и того же государства, сообразно съ нарождающимися потребностями и цѣлями управленія [1]).

Наконецъ, въ конвенціи, заключенной между Императоромъ Всероссійскимъ и королемъ Шведскимъ о размѣнѣ частныхъ недвижимыхъ имуществъ, находящихся по обѣимъ сторонамъ границы [2]), нигдѣ не говорится о границахъ великаго княжества Финляндскаго, а, напротивъ, всюду значится: граница между «Россіей» и «Швеціей», приходъ пограничный между «Россіей» и «Швеціей» и т. д.

Территоріи, какъ таковой, для Финляндіи, слѣдовательно, не существуетъ [3]).

§ 21. Итакъ, не только исторія устройства Финляндіи, но и современное ея политическое положеніе убѣдительно доказываетъ, что въ лицѣ Финляндіи мы имѣемъ не государство, а инкорпорированную часть Россійской Имперіи. Часть эта получила, правда, развитое во всѣхъ отношеніяхъ самоуправленіе съ особыми законодательными и правительственными органами и даже съ особой военной силой, но остается тѣмъ не менѣе русской областью, отличающейся лишь особенностями мѣстнаго права.

Изъ предыдущаго ясно, что взглядъ, по которому Финляндія является самостоятельнымъ государствомъ, связаннымъ съ Россіей лишь общностью династіи и суверена и состоящимъ съ Имперіей въ реальной уніи, не можетъ быть правильно обоснованъ, а потому ошибоченъ [4]).

---

[1]) По соединеніи гражданскаго управленія Именнымъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Синоду, въ тотъ же день (11 дек. 1811 г. П. С. З. № 24909) было соединено и духовное управленіе всѣми греко-россійскими церквами въ Финляндіи и подчинено Святѣйшему Синоду. Митрополитъ с.-петербургскій именовался митрополитомъ новгородскимъ, с.-петербургскимъ и финляндскимъ вплоть до послѣдняго времени, когда (24/X 1892) былъ Высочайше утвержденъ Всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода объ учрежденіи финляндской епархіальной архіерейской каѳедры (Правит. Вѣстн. 1892 № 239).

[2]) Отъ 1821 г. со ссылкой на Фридрихсгамскій договоръ. П. С. З. № 28513.

[3]) Хотя позднѣе (манифестами 1811 г., а, стало быть, до приведеннаго договора 1821 г. и опять-таки только въ видахъ управленія) была возстановлена граница между финляндскими и прилегающими русскими губерніями.

[4]) Писатели расходятся въ опредѣленіи существа отношенія Финляндіи

§ 22. Саксенъ-Кобургъ-Гота [1])

существуетъ съ 1826 г. До этого времени его исторія

къ Россіи. Кромѣ финляндскихъ писателей, являются сепаратистами: Геффкенъ (Europ. Völkerrecht v. Heffter, bearb. v. Geffken. S. 49 N 3), который, впрочемъ, подъ понятіе реальной уніи подводитъ и австрійскія наслѣдственныя земли; Энгельманъ (Das Staatsrecht des Kaiserthums Russland въ Marq. Handb. IV, II, 1, S. 12), Романовичъ-Славатинскій (Система рус. госуд. права, I, стр. 98)—всѣ трое безъ объясненія причинъ; Чигеринъ (О нар. представит. стр. 184 и сл.), признающій реальной уніей инкорпорацію на извѣстныхъ условіяхъ, и особенно Бри (Zur Lehre въ Grünh. Zeitschr. XI, S. 105—106, Theorie, S. 70), который опирается на условія мира и намѣреніе побѣдителя (ни то, ни другое, какъ мы видѣли, не оправдываетъ защищаемаго взгляда).

Въ послѣднее время за реальное соединеніе Финляндіи съ Россіей высказался и проф. Сергѣевичъ (Лекціи, стр. 93, 102—104), держащійся того мнѣнія, что «финляндцы присягнули россійскому престолу» и что «по первоначальному *присоединенію* Финляндія была *присоединена* собственно, какъ провинція, какъ часть, а не какъ отдѣльное государство», но что «она сдѣлалась отдѣльнымъ государствомъ по волѣ императора Александра 1».

Къ писателямъ, признающимъ инкорпорацію Финляндіи, относятся, кромѣ проф. Таганцева и Коркунова, спеціально занимавшихся нашимъ вопросомъ (l. c.), еще Гольцендорфъ (Handb. des Völkerrechts. II, S. 131), справедливо говорящій, что для понятія соединенія недостаточно дарованія или сохраненія особой конституціи; Лоренсъ (Commentaire, p. 342), настаивающій на покореніи Финляндіи силой оружія и отсутствіи условій въ договорѣ съ Швеціей; Мартенсъ (Междунар. право l. c.), который основывается на тѣхъ-же соображеніяхъ; Лохвицкій (Обзоръ, Финляндія), не находящій въ самой конституціи Финляндской данныхъ для причисленія Финляндіи къ государствамъ, и Іеллинекъ (Die Lehre. S. 70—71), выясняющій, что «завоеваніемъ государства или его части господствовавшая въ немъ до того времени государственная власть совершенно уничтожается, а на ея мѣсто вступаетъ новая, въ данномъ случаѣ русская, занявшая мѣсто шведской». «Этому нисколько не противорѣчитъ даже то обстоятельство, что сохраненіе извѣстной самостоятельности завоеванной области обѣщано третьей державѣ». Іеллинекъ, впрочемъ, ошибается, когда думаетъ, что Швеція выставила условіемъ такое сохраненіе въ ст. IV и VI Фридрихсгамскаго трактата: по ст. VI король шведскій прямо отказывается отъ «священнаго долга» чинить какія-либо условія въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ.

На писателяхъ, которые, въ силу полнаго смѣшенія юридическихъ понятій, соединеніе Финляндіи съ Россіей признаютъ личной уніей—Brachelli, Block и др.,—останавливаться, думаю, излишне.

[1]) Ср. **Forkel**. Das Staatsrecht der Herzogth. Sachsen-Coburg & Gotha

слита съ исторіей франкскаго графства Геннебергъ, съ одной стороны, и Тюрингіи, съ другой. По договору отъ 12-го ноября 1826 г. въ Гильдбурггаузѣ герцогъ Кобургъ-Заальфельдскій, взамѣнъ княжества Заальфельда, получилъ герцогство Готу и принялъ титулъ герцога Саксенъ-Кобургъ-Готскаго. Соединеніе герцогствъ было основано на одномъ только личномъ правѣ монарха на престолъ въ томъ и другомъ герцогствѣ и оставалось въ такомъ видѣ въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій. При этомъ государства сохраняли свое устройство неизмѣннымъ. Кобургу уже въ 1821 г. дана была довольно либеральная конституція, которая въ 1846 году была еще расширена, такъ что революціонному движенію 1848 г. почти ничего не пришлось преобразовать. Совсѣмъ не то имѣло мѣсто въ Готѣ, гдѣ преобладали начала сословныя и существовали сословныя законодательныя собранія. 1848 годъ здѣсь вызвалъ сильное волненіе, результатомъ котораго явился законъ 1849 г. Одновременно съ этимъ герцогъ (Эрнстъ II) принялся за дѣло объединенія Кобурга и Готы и, несмотря на сопротивленіе ландтаговъ (помѣшавшихъ, впрочемъ, полному достиженію его цѣли), добился того, что 3 мая 1852 г. былъ изданъ *общій* основной законъ для обоихъ герцогствъ, коимъ цѣлый рядъ дѣлъ и вопросовъ объявленъ общимъ. Послѣдующія попытки герцога въ томъ же направленіи не имѣли успѣха, почему законъ 1852 г. съ небольшими дополненіями[1]) и по настоящій день остается главнымъ источникомъ государственнаго права разсматриваемаго соединенія. Особыхъ конституцій для Кобурга и Готы не существуетъ, такъ какъ названнымъ основнымъ закономъ были

въ Marq. Handb. III, II, 2, S. 140 ff.; **Brückner**. Art. Thüring. Staaten въ Bluntschli & Braters Staatslexikon X, S. 539 ff.; Juraschek op. cit. S. 63 ff. **Zachariä**. Die deutsch. Verfassungsgesetze. I, S. 646 ff. Dareste. Const. mod. I, p. 286.

[1]) Законы 1874 и 79 гг. Проэктъ соединенія частей на болѣе тѣсныхъ основаніяхъ былъ представленъ въ 1867 г. Dareste l. c. Въ числѣ причинъ постигшей его неудачи можно, наряду съ этнографическимъ различіемъ населенія, поставить и то обстоятельство, что Кобургъ и Гота географически не прилегаютъ другъ къ другу, а отдѣлены довольно большой полосой земли, принадлежащей герцогству Саксенъ-Мейнингену и одному прусскому округу. Ср. Forkel op. cit. S. 140, Brückner op. cit. S. 555—556.

отмѣнены отдѣльные законы отъ 1821 г. для Кобурга и отъ 1849 г. для Готы [1]).

§ 23. Займемся разсмотрѣніемъ конституціи 1852 г., поскольку она касается отношеній названныхъ герцогствъ другъ къ другу:

§§ 1—4 гласятъ:

«Герцогства Кобургъ и Гота образуютъ подъ властью Саксенъ-Кобургъ-Готскаго герцогскаго дома *одно соединенное* и *нераздѣльное цѣлое*».

«Соединенныя герцогства въ качествѣ германск*аго* союзн*аго* государств*а* раздѣляютъ всѣ права и обязанности, вытекающія изъ союзной организаціи».

«Герцогъ—глава государств*а* . . . .»

«Герцогъ обязанъ имѣть пребываніе въ предѣлахъ государственн*ой* территор*іи* . . . .»

Изъ приведенныхъ положеній явствуетъ, что въ Саксенъ-Кобургъ-Готѣ имѣется *одинъ* герцогъ, *одна* территорія, *одно* подданство [2]).

Кромѣ вытекающаго отсюда единства въ отношеніяхъ къ герцогу, къ германскому союзному государству (а до 1866 г. къ германскому союзу) и къ иностраннымъ державамъ, кромѣ цѣлаго ряда *общихъ* учрежденій [3])—верховнаго кассаціоннаго и апелляціоннаго судовъ, а въ настоящее время всѣхъ *судебныхъ установленій* [4]), —кромѣ общихъ военнаго, почтоваго и таможеннаго дѣлъ [5]), кромѣ общаго государственнаго архива, кромѣ общаго, напоминаемъ, основного закона для обѣихъ частей,—имѣется еще *общее управленіе* въ лицѣ государственнаго министра [6]) и такъ назы-

---

[1]) Ср. Art. II закона отъ 1 іюня 1852 г. о вступленіи въ силу основного закона отъ 3 мая того же года.

[2]) Относительно послѣдняго ср. еще Staats-Grund-Gesetz, Abschn. II, въ которомъ условія пріобрѣтенія и потери подданства, права и обязанности подданныхъ въ Кобургѣ и Готѣ регулируются не только тождественно, но и однѣми и тѣми же нормами.

[3]) St. G. G. § 71.

[4]) На основаніи St. G. G. § 72, разрѣшающаго расширять кругъ общихъ отношеній.

[5]) Объ измѣненіяхъ въ послѣднее время см. Forkel op. cit. S. 116

[6]) Пріобрѣтающаго особое значеніе при преемствѣ престола. St. G. G. § 159. По закону 1857 г. (см. Forkel op. cit. S. 122) государственное ми-

ваемаго Gesammt-министерства [1]) и *общее законодательное собраніе*, которому подлежатъ всѣ перечисленные общіе вопросы и сверхъ того дѣла по государственной службѣ и перенесенію извѣстныхъ учрежденій изъ Кобурга въ Готу и наоборотъ [2]).

§ 24. Не входя въ дальнѣйшій разборъ законодательныхъ нормъ, дѣйствующихъ въ Саксенъ-Кобургъ-Готскомъ образованіи, можно съ увѣренностью сказать, что предъ нами *одно* государство, что о соединеніи здѣсь не можетъ быть рѣчи не только въ смыслѣ международномъ, но и государственномъ. Гдѣ общи три фактора государства, гдѣ законодательная, исполнительная и судебная власть одной части слиты съ такими же властями другой, немыслимо видѣть два государства или даже государствоподобныхъ организма [3]). Правда, что, наряду съ общимъ ландтагомъ и его Ausschuss'омъ существуютъ отдѣльные ландтаги и соотвѣтствующіе имъ Ausschüsse [4]); правда, что ландтаги эти, состоящіе изъ 11 членовъ для Кобурга и 19 для Готы [5]), вправѣ обжаловать дѣйствія должностныхъ лицъ при нарушеніи послѣдними конституціи, дѣлать правительству представленія по поводу тѣхъ или иныхъ съ его стороны упущеній и зло-

---

нистерство имѣетъ два отдѣленія: изъ нихъ одно вѣдаетъ дѣла Готы и находится въ г. Готѣ, а другое — дѣла Кобурга и находится въ городѣ того же имени. Каждое отдѣленіе имѣетъ своего начальника; государственный министръ, будучи главой всего министерства, является одновременно и начальникомъ одного изъ отдѣленій, управляющаго въ этомъ случаѣ общими дѣлами (нынѣ Готскаго).

[1]) Имѣющаго, впрочемъ, лишь совѣщательное значеніе. Замѣтимъ, что даже въ тѣхъ частяхъ управленія, которыя относятся къ Кобургу и Готѣ отдѣльно («внутреннее управленіе», церковь, школа и финансы), имѣются серіозныя исключенія въ пользу общности. Ср. Forkel op. cit. § 9.

[2]) St. G. G. § 111.

[3]) См. выше стр. 73.

[4]) Учрежденія, до извѣстной степени замѣняющія законодательныя собранія въ отсутствіи послѣднихъ. См. о нихъ Forkel op. cit. S. 128—129.

[5]) Общій ландтагъ заключаетъ въ себѣ 30 членовъ, а не 21 (7 и 14 делегатовъ), какъ это имѣло мѣсто до 1874 г. (St. G. G. § 73, Forkel op. cit. S. 126) и какъ ошибочно полагаетъ существующимъ и по настоящее время Юрашекъ, а за нимъ Іеллинекъ. При такомъ составѣ общій ландтагъ не можетъ носить характера *Ausschuss'a* особыхъ ландтаговъ, каковой характеръ ему приписывается Юрашекомъ (op. cit S. 66).

употребленій [1]) и принимать въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ жалобы частныхъ лицъ [2]); правда, что для заключенія извѣстныхъ договоровъ требуется утвержденіе соотвѣтственнаго ландтага [3]); правда, наконецъ, — и это важнѣе всего, — что для измѣненія основного закона 1852 г., а, слѣдовательно, и правомочій общаго законодательнаго собранія необходимо согласіе отдѣльныхъ ландтаговъ [4]), — но все это, какъ справедливо думаетъ Іеллинекъ [5]) и какъ мы отчасти старались показать въ другомъ мѣстѣ [6]), не можетъ поколебать выставленнаго нами положенія: Кобургъ и Готу, при отсутствіи въ каждомъ изъ нихъ факторовъ, необходимыхъ для наличности государства, приходится признать снабженными обширною автономіей частями или провинціями единаго герцогства Саксенъ-Кобургъ-Готы [7]).

Какъ кобургскій, такъ и готскій законъ—разсуждаетъ Іеллинекъ,—есть законъ, исходящій отъ общей Кобургъ-Готской верховной власти, хотя и ограниченный въ своемъ дѣйствіи извѣстнымъ территоріальнымъ пространствомъ . . . Въ силу того обстоятельства, что, съ одной стороны, въ германскихъ государ-

---

[1]) St. G. G. § 132.

[2]) St. G. G. § 133. Что касается финансовыхъ полномочій отдѣльныхъ ландтаговъ, то я, вопреки Юрашеку (l. c.), не вижу въ нихъ ничего возвышающаго ихъ надъ общимъ ландтагомъ. Напротивъ, изъ St. G. G. §§ 120—122 видно, что бюджетъ, поскольку онъ касается общихъ дѣлъ, установляется общимъ ландтагомъ, обязательно принимается отдѣльными ландтагами и распредѣляется ими въ отношеніи 3 : 7 между частями герцогства. Точно также общему ландтагу прежде всего принадлежитъ контроль за выполненіемъ росписи въ затрогивающемъ его интересы объемѣ.

[3]) St. G. G. § 128.

[4]) St. G. G. § 112.

[5]) Op. cit. S. 209.

[6]) Во избѣжаніе повтореній отсылаю къ отдѣлу о Кроаціи-Славоніи. Замѣчу тутъ же, что, при всемъ значеніи отдѣльныхъ ландтаговъ, ихъ права, обязанности, функціонированіе и его условія, способы комплектованія и т. п. опредѣляются однимъ основнымъ, общимъ для Кобурга и Готы закономъ.

[7]) Названіе «герцогств*а* Саксенъ - Кобургъ *и* Гота» можетъ имѣть историческое и, пожалуй, территоріальное значеніе, какъ это часто бываетъ съ титулами, но юридически оно мало доказательно.

ствахъ носителями верховной власти являются князья [1]), а не палаты, а, съ другой, герцоги Кобургскій и Готскій исчезли, всецѣло поглощенные личностью герцога Кобургъ-Готскаго [2]), мы должны, несмотря на широкія права провинціальныхъ собраній, заключить, что особой Кобургской и особой Готской верховной воли не можетъ быть проявлено: каждый актъ воли герцога необходимо признать верховной волей Кобургъ-Готскаго государства, какъ таковаго [3]).

Мекленбургъ-Шверинъ и Мекленбургъ-Стрелицъ [4]).

§ 25. Территорія, принадлежащая въ настоящее время Мекленбургскимъ гросгерцогствамъ, подвергалась въ средніе вѣка неоднократному дѣленію. Эта земля, бывшая первоначально во владѣ-

[1]) Это признано всѣми (ср., напримѣръ, Meyer. Lehrb. S. 8; Schulze. Das Staatsrecht des Königreichs Preussen, Marq. Handb. II, II, § 7; Leuthold. Das Staatsrecht des K. Sachsen, ibidem S. 224; Seydel. Das Staatsrecht des K. Bayern, Marq. Handb. III, 1, 1, S. 23 ff.) и справедливо даже для мекленбургскихъ гросгерцогствъ.

[2]) Что въ отношеніи носителя суверенитета Кобургъ и Гота являютъ полное единство, признаетъ и Юрашекъ. Здѣсь, скажемъ отъ себя, не приходится заботиться о совпаденіи носителей верховной власти въ одномъ физическомъ лицѣ и о принятіи необходимыхъ къ тому мѣръ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Швеціи-Норвегіи, а всегда прямо и непосредственно становится во главѣ государства одно лицо физическое (герцогъ, регентъ) или юридическое (общій ландтагъ, государственное министерство, St. G. G. § 157—§ 160), въ силу единаго и общаго закона о престолонаслѣдіи и правительствѣ (St. G. G. Abschnitt I). Даже нѣкоторые домэны принадлежатъ монарху въ качествѣ герцога Кобургъ-Готскаго, а не Кобургскаго или Готскаго въ отдѣльности (Forkel op. cit. S. 137).

[3]) Кромѣ Юрашека, не принимаютъ Саксенъ-Кобургъ-Готскаго соединенія за простое государство Шульце (Lehrb. I, S. 43) и Бульмеринкъ (Völkerrecht, S. 195). Противъ нихъ высказались explicite, кромѣ Іеллинека, Бри (Zur Lehre v. d. Staatenverbindungen въ Grünhuts Zeitschrift XI, S. 138) и Г. Мейеръ (op. cit. 2 Aufl. § 12). Форкель (op. cit. S. 116) называетъ трактуемое политическое тѣло несовершеннымъ унитарнымъ государствомъ (чего не понялъ Pliverić. Das rechtliche Verhältniss, S. 11, ср. Beiträge S. 386).

[4]) Ср. **Böhlau**. Mecklenburg. Landrecht. I; **Wiggers**. Art. Mecklenburg въ Bluntschli & Braters Staatslexikon. Bd. VI, S. 560 ff.; **Büsing** Das Staatsrecht der Grossherzogths. M.-Schw. & M.-Strelitz въ Marq. Handb. III, 2, 1; Juraschek op. cit. S. 59 ff.

нія славянскаго племени Оботритовъ и онѣмеченная герцогомъ Генрихомъ Львомъ въ царствованіе императора Фридриха Барбароссы, была раздѣлена въ 1229 г. на четыре самостоятельныхъ части. Не успѣла одна изъ этихъ частей, Мекленбургъ, усилиться и, вошедши въ составъ Священной Римской Имперіи въ качествѣ герцогства, возсоединить подъ своимъ главенствомъ остальныя части (1471), какъ произошло новое дѣленіе (1480), затѣмъ третье (1520), и предвидѣлись еще дальнѣйшія. Съ цѣлью воспротивиться будущему дѣлежу страны, при которомъ могли вмѣстѣ съ тѣмъ быть измѣнены права и преимущества привилегированныхъ классовъ, духовенство, рыцарство и представители городовъ всей страны заключаютъ въ 1523 г. между собой унію [1]), въ силу которой они объявляютъ себя единой корпораціей, а государство нераздѣльнымъ. Несмотря на это, территорія въ 1621 г. все-таки раздѣлена была на два герцогства Мекленбургъ-Шверинъ и Мекленбургъ-Гюстровъ, а затѣмъ, послѣ временнаго соединенія [2]), окончательно распалась въ силу Гамбургскаго соглашенія отъ 8-го марта 1701 г. на и понынѣ существующія герцогства Мекленбургъ-Шверинъ и Мекленбургъ-Стрелицъ [3]).

Если, государства, какъ только-что указано, и подвергались. вопреки уніи, дальнѣйшимъ раздѣленіямъ, то унію эту тѣмъ не менѣе нельзя считать недѣйствительной. Дѣло въ томъ, что вся страна и послѣ 1621 и 1701 гг., и вплоть до настоящаго времени въ извѣстныхъ отношеніяхъ осталась нераздѣльной. Двумъ образовавшимся независимымъ другъ отъ друга частямъ сословія и теперь противопоставляютъ нѣчто цѣлое въ лицѣ одной корпораціи, охватывающей оба великихъ герцогства. Въ этомъ смыслѣ унія 1523 г. въ самомъ дѣлѣ отстояла свое существованіе.

Обращаясь къ послѣдующей судьбѣ сословій, необходимо отмѣтить, что въ теченіе всего XVI и начала XVII столѣтій ихъ привилегіи все болѣе расширяются, получая свое выраже-

---

[1]) Такъ называемую Alte (въ отличіе отъ другой, отъ 1659 г.) Union der Stände (Prälaten, Mannen & Städte). См. ее у Zachariä. Die deutsch. Verfassungsgesetze I, S. 777.

[2]) Въ 1695 г., съ прекращеніемъ Гюстровской династіи.

[3]) Дальнѣйшія территоріальныя измѣненія, какъ безъинтересныя для насъ, я оставляю въ сторонѣ и отмѣчаю только, что на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. герцогства были возведены въ гросгерцогства.

ніе и подтвержденіе въ такъ называемыхъ «Assekurationen» и «Reversalen» [1]), что, далѣе, въ XVII столѣтіи возгорается открытая и упорная борьба между сословіями, съ одной стороны, и стремящейся къ усиленію правительственной властью, съ другой, и что борьба эта, въ срединѣ XVIII в. выродившаяся, по справедливому замѣчанію Бюзинга [2]), въ bellum omnium contra omnes, завершилась 18-го апрѣля 1775 года извѣстнымъ соглашеніемъ, носящимъ названіе «Landes-Grund-Gesetzlicher Erb-Vergleich». Это соглашеніе первоначально было заключено между сословіями и домомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ [3]), касается самыхъ разнообразныхъ и подчасъ второстепенныхъ вопросовъ [4]), построено всецѣло на принципѣ сословномъ и, вмѣстѣ съ признанной имъ [5]) уніей 1523 г., съ актомъ о раздѣлѣ 1701 г. и съ реверсами, является основаніемъ конституціи Мекленбургскихъ гросгерцогствъ [6]). Въ дальнѣйшемъ движеніи законодательства заслуживаетъ вниманіе по своей важности еще только актъ 1817 г., коимъ было установлено третейское разбирательство для улаживанія споровъ между правительствомъ и сословіями.

§ 26. Изъ приведенныхъ памятниковъ выясняется взаимное соотношеніе великихъ герцогствъ. Оно представляется въ слѣдующихъ чертахъ.

Каждое изъ гросгерцогствъ имѣетъ свою особую территорію. Мекленбургъ-Шверинъ состоитъ въ настоящее время [7]) изъ герцогства Мекленбурга, княжества Шверина, изъ Вендскаго округа, городовъ Рогштока и Висмара съ соотвѣтствующими округами; Мекленбургъ-Стрелицъ заключаетъ въ себѣ Штаргардскій округъ и княжество Рацебургъ [8]). Равнымъ образомъ въ каждомъ изъ государствъ имѣется отдѣльное подданство (неза-

---

[1]) Главнѣйшія изъ нихъ отъ 1555, 1572 и 1621 гг, См. Zachar. Die deutschen Verfassungsgesetze. I, S. 780 ff.

[2]) Op. cit. S. 13. Cp. Landes Grund-Gesetzlicher Erb-Vergleich § 1.

[3]) Къ нему приступилъ Мекленбургъ-Стрелицъ въ актѣ отъ 30 сент. того же года, а признаніе со стороны императора оно получило 14 апрѣля 1756 г.

[4]) Оно необыкновенно объемисто (530 статей).

[5]) L. G. G. E. V. Art. IV (§§ 138—144).

[6]) Cp. Zachariä op. cit. S. 772 ff.

[7]) Послѣ трактата 1803 г. Cp. Zachariä op. cit. S. 771.

[8]) Büsing op. cit. S. 7.

висимо, разумѣется, отъ общегерманскаго). Условія пріобрѣтенія и утраты подданства сначала были тождественны въ обоихъ государствахъ [1]), но затѣмъ стали разнообразиться и отличаться другъ отъ друга [2]). Что касается, далѣе, верховной власти [3]), то въ той и другой изъ трактуемыхъ странъ есть особый гросгерцогъ, который, какъ и всюду въ Германіи, носитель суверенитета. Титулъ обоихъ гросгерцоговъ совершенно одинаковъ, но это обстоятельство объясняется исторически, и изъ него не слѣдуетъ выводить какое-либо право одного суверена на государство другого [4]). Оставляя пока вопросъ о законодательныхъ собраніяхъ въ сторонѣ, замѣтимъ, что въ каждомъ изъ гросгерцогствъ имѣется своя особая система органовъ управленія [5]). Въ М.-Шверинѣ существуетъ система министерствъ, уцѣлѣвшая отъ 1848/49 г.; здѣсь имѣются министерства иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи и департаментъ военный; управляющіе этими учрежденіями составляютъ особое, коллегіально устроенное «государственное министерство», подъ предсѣдательствомъ самого великаго герцога или одного изъ членовъ по его назначенію. Въ М.-Стрелицѣ, напротивъ, и по сей день устройство органовъ центральнаго управленія чисто коллегіальное, состоящее изъ одного высшаго установленія, которое подъ различными названіями [6]) завѣдываетъ различными отраслями управленія; существуютъ, впрочемъ, еще спеціальныя комиссіи — финансовая и тайная для погашенія долговъ. Въ каждомъ изъ государствъ,

---

[1]) См. зак. отъ 1 іюня 1853 г. у Zachariä op. cit. S. 895.

[2]) См. рядъ законовъ отдѣльно для М.-Шверина и отдѣльно для М.-Стрелица у Büsing'а op. cit. S. 9 Anm. 4.

[3]) При употребленіи терминовъ «территорія», «подданство» и «верховная власть», считаю необходимымъ оговориться, что ихъ должно понимать лишь въ томъ смыслѣ, какой возможенъ въ отношеніи гросгерцогствъ (см. ниже).

[4]) Jurasch. op. cit. S. 60.

[5]) Ср. Büsing op. cit. S. 44 ff. и Wiggers въ Bluntschli & Braters Staatslexikon. VI, S. 570 ff.

[6]) Lehnkammer, Landesregierung, Staatsministerium, которое въ настоящее время само ведетъ свои сношенія какъ съ германскимъ, такъ и негерманскими государствами. См. Büsing op. cit. S. 47, Wiggers l. c. S. 571. Незначительное разногласіе Юрашека (op. cit. S. 63) объясняется, какъ мнѣ кажется, неправильнымъ пониманіемъ цитированнаго мѣста у Виггерса.

наконецъ, имѣются свои особые суды 1-ой и 2-ой инстанціи. Только высшій судъ (Oberlandesgericht въ Роштокѣ) является общимъ для обоихъ гросгерцогствъ. Равнымъ образомъ, вслѣдствіе извѣстной связи между государствами, общность распространяется еще на нѣкоторыя административныя учрежденія [1]).

Если до сихъ поръ изъ разсмотрѣнія законодательства мекленбургскихъ великихъ герцогствъ можно было вывести заключеніе о полной ихъ самостоятельности и обособленности, то къ иному результату приводитъ ознакомленіе съ законодательными собраніями разбираемыхъ государствъ. Выше было замѣчено, что сословіямъ удалось отстоять унію 1523 г. въ томъ смыслѣ, что они и послѣ раздѣленія государствъ образуютъ одну цѣльную корпорацію, состоящую изъ чиновъ обоихъ гросгерцогствъ. Соединеніе 1523 г. двойное и состоитъ, во-первыхъ, изъ уніи провинцій, и, во-вторыхъ, изъ уніи сословій. Первая по L. G. G. E. V. [2]) заключается въ томъ, что сословія, имѣющія свое совершенно особое и независимое отъ раздѣла всей страны дѣленіе на три округа (мекленбургскій, вендскій и штаргардскій, изъ коихъ первый соотвѣтствуетъ прежнему герцогству М.-Шверинскому, а два послѣднихъ — древнему М.-Гюстрову), сохраняютъ на всемъ протяженіи великихъ герцогствъ полное равенство правъ и преимуществъ и въ этомъ отношеніи должны содѣйствовать другъ другу по мѣрѣ силъ и возможности. Вторая, гораздо болѣе важная [3]), получаетъ свое выраженіе въ томъ, что оба сословія (рыцарство и городское, такъ какъ съ реформаціей отпало духовенство) необходимо обладаютъ тождественными привилегіями и правомочіями и что въ общихъ дѣлахъ ни одно не можетъ обходиться безъ другого. На этой-то послѣдней уніи и основано право каждаго сословія требовать голосованія не поголовно, а по сословіямъ, право itionis in partes, къ которому, въ виду своей сравнительной малочисленности, особенно часто прибѣгаютъ горожане и которое, при разногласіи сословій между собой, не даетъ возможности прійти къ какому-либо рѣшенію.

---

[1]) См. Büsing op. cit. S. 8. Anm. 2. Это обстоятельство само по себѣ не вредитъ независимости государствъ. См. выше стр. 66.

[2]) § 140. Zachar. op. cit. S. 825 ff.

[3]) Büsing op. cit. S. 27; L. G. G. E. V. §§ 141, 142.

Эта же унія учредила, далѣе, 1) главное законодательное собраніе—Landtag, состоящій изъ всѣхъ членовъ двухъ сословій, т. е. всего рыцарства и магистратовъ городовъ (числомъ 47+Роштока), и собирающійся обыкновенно два раза въ годъ, и 2) такъ называемый «Engerer Ausschuss», который засѣдаетъ въ отсутствіе ландтага и комплектуется изъ извѣстнаго числа представителей сословій [1]).

Право созывать сословія принадлежитъ только М.-Шверинскому гросгерцогу [2]), но право дѣлать имъ предложенія распространяется одинаково какъ на того, такъ и на другого изъ великихъ герцоговъ. По соглашенію отъ 14 іюля 1755 года («Erläuterungsvertrag»), гросгерцоги обязались сообщать другъ другу предложенія до внесенія ихъ въ ландтагъ. Сообщеніе это, именуемое «Hausvertragsmässige Kommunikation» само по себѣ не обусловливаетъ соглашенія насчетъ предложеній. Но тождество или, по меньшей мѣрѣ, сходство послѣднихъ въ извѣстныхъ случаяхъ вытекаетъ посредственно. Оно обязательно, когда ландтагу предлагаются вопросы, относительно которыхъ оба сословія имѣютъ, въ силу уніи, право требовать согласнаго и единаго рѣшенія [3]).

Сношенія правительствъ съ сословнымъ собраніемъ лежатъ на обязанности государственнаго министерства соотвѣтствующаго гросгерцогства и происходятъ чрезъ коммиссаровъ, не принимающихъ участія въ обсужденіи вопросовъ, а служащихъ

---

[1]) «Der engere Ausschuss» основанъ въ 1620 г. и получилъ свое настоящее устройство въ L. G. G. E. V. Art. VII, гдѣ подробно излагается его составъ, дѣятельность и пр. (см. также Büsing op. cit. § 12). Нелишнимъ, быть можетъ, будетъ замѣтить, что названнаго «Engerer Ausschuss», представляющаго оба сословія, не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ учрежденіемъ того же имени, представляющимъ лишь рыцарское сословіе и не встрѣчающимъ соотвѣтственнаго себѣ для городовъ. Существуютъ, кромѣ того, особые «Konvocations» & «Deputationstage»—первые для обоихъ сословій одного округа, вторые для одного сословія (рыцарскаго) всѣхъ округовъ. На практикѣ, впрочемъ, они не созываются. О конвентахъ общихъ и особыхъ, собирающихся по собственной инціативѣ, безъ предложенія со стороны правительства, см. Büsing op. cit. § 14.

[2]) Только чины сословій штаргардскаго округа (и притомъ каждый чинъ въ отдѣльности) приглашаются гросгерцогомъ М.-Стрелицкимъ.

[3]) Ср. Büsing op. cit. S. 8, 30, 46.

лишь передаточной инстанціей между Directorium'омъ ландтага [1]) и министерствами.

Что касается, наконецъ, того, какія дѣла подлежатъ вѣдѣнію обсуждаемаго законодательнаго собранія, то необходимо замѣтить [2]), что таковыми являются вопросы, затрогивающіе права и обязанности сословій [3]), причемъ требуется согласіе или обоихъ сословій [4]), или же только того изъ нихъ, которое заинтересовано. При отношеніи законопроекта къ одному только изъ чиновъ (напримѣръ, къ какому-либо городу), достаточно согласія послѣдняго [5]). Всѣ остальные вопросы, не предусмотрѣнные уніей 1523 г., считаются «безразличными» для собранія: при ихъ обсужденіи, сословія имѣютъ только совѣщательный голосъ или, по выраженію L. G. G. E. V. (§ 195), даютъ лишь свое «ratsames Bedenken & Erachten». Въ этого рода дѣлахъ законодательство каждаго изъ гросгерцогствъ можетъ развиваться и дѣйствительно развивается [6]) самостоятельно, такъ какъ здѣсь каждое правительство вправѣ дѣлать предложенія сословіямъ *одной*, подвластной ему, территоріи, и въ результатѣ, слѣдовательно, могутъ получаться несогласныя рѣшенія. Хотя для «безразличныхъ» вопросовъ существуютъ, собственно говоря, особыя, уже упомянутыя мною учрежденія (Konvokationstage), тѣмъ не менѣе и эти вопросы de facto обсуждаются на общемъ ландтагѣ. Нерѣдко, впрочемъ, бываетъ, что даже въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ постановленіями древней уніи сословій, эти послѣднія приходятъ къ различнымъ для того и другого великаго герцогства рѣшеніямъ, и что, такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи имѣются отличныя другъ отъ друга нормы въ М.-Шверинѣ и М.-Стрелицѣ [7]).

Остается сказать нѣсколько словъ объ учрежденіи общаго третейскаго суда для улаживанія споровъ между правительствомъ

---

[1]) Состоящимъ изъ 3 ландмаршаловъ, 8 ландратовъ и депутатовъ отъ города Роштока.

[2]) L. G. G. E. V. Art. VIII (ст. 191—201).

[3]) L. G. G. E. V. § 165.

[4]) На ландтагѣ, а въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, въ «Engerer Ausschuss». Büsing op. cit. S. 29.

[5]) Büsing. op. cit. S. 40 N 5 и Böhlau. Landrecht. I, S. 366.

[6]) Cp. Büsing op. cit S. 9 N 4, S. 59, § 25 ff.

[7]) Cp. Wiggers op. cit. S. 570.

и сословіями по толкованію и приведенію въ дѣйствіе законовъ, договоровъ и т. п. Учрежденіе это носитъ названіе «Kompromiss-Instanz» и покоится на законѣ 28 ноября 1817 г., общемъ для обоихъ великихъ герцогствъ [1]). Въ качествѣ третейскаго судилища является или судебное учрежденіе (мекленбургское или иностранное), или, при отсутствіи соглашенія, два германскихъ монарха, которые назначаютъ способныхъ арбитровъ, избирающихъ, въ свою очередь, суперъ-арбитра, или, наконецъ, въ случаѣ невозможности прійти къ какому бы то ни было соглашенію, два (или, по требованію одной изъ сторонъ, четыре) лица, безъ всякихъ на этотъ счетъ ограниченій, которыя точно также избираютъ суперъ-арбитра [2]).

S. 27. Обращаясь къ критическому обсужденію разсмотрѣнныхъ нами законодательныхъ нормъ, замѣтимъ прежде всего, что онѣ являются продуктомъ старины и упорной борьбы сословій съ центральной правительственною властью. Мекленбургскія гросгерцогства и понынѣ сохраняютъ древній, отжившій свое время отпечатокъ, и писатели [3]) справедливо называютъ ихъ государствами сословными. Можно привести цѣлый рядъ положеній, весьма ярко обнаруживающихъ ихъ средневѣковый характеръ и рѣзко отличающихъ гросгерцогства отъ государствъ новаго времени съ конституціоннымъ образомъ правленія. Я ограничусь лишь важнѣйшими доказательствами.

Во-первыхъ, замѣчается полное смѣшеніе началъ публично-правныхъ съ частно-правными. Такъ, красной нитью проходитъ соединеніе imperium'а съ dominium'омъ, т. е. извѣстныхъ державныхъ функцій съ обладаніемъ землей. Рыцарство, уже въ силу своего права собственности, участвуетъ въ законодатель-

---

[1]) См. выше.

[2]) Zachariä. I, S. 886 ff. У него же см. дальнѣйшія процессуальныя правила для третейскихъ судовъ. Чрезвычайно любопытное примѣненіе закона 1817 г. имѣло мѣсто въ 1849—50 гг. по поводу введенія въ М.-Шверинѣ конституціоннаго образа правленія («Freienwalderschiedsspruch»). Относящіеся сюда акты см. у Цахаріе S. 892 ff., ср. также Büsing'a op. cit. S. 14 ff., гдѣ имѣются указанія на позднѣйшія неудачныя попытки измѣнить существующій строй гросгерцогствъ (Ср. Dareste op. cit. I, p. 281—282).

[3]) Böhlau, Büsing (op. cit. passim), Dareste (l. c.), Iellinek (op. cit. S. 206), Jurasch. (l. c.), Zachariä (op. cit. S. 776 ff), Wiggers (l. c.). Held (System. II, S. 3 Anm. 1).

ной дѣятельности и служитъ представителемъ крестьянскаго населенія [1]), не политическимъ, разумѣется, дѣйствующимъ по избранію, а представителемъ ipso jure, на патримоніальномъ основаніи [2]), заслоняющимъ собой низшій классъ. Вслѣдствіе того же смѣшенія рыцарство, отъ своего имени и по собственному праву, а не препорученію, выполняетъ извѣстныя функціи судебныя и исполнительныя [3]). По той же причинѣ нѣкоторымъ автономнымъ единицамъ принадлежатъ даже такія права, какія въ новыхъ государствахъ могутъ быть достояніемъ только верховной власти —право помилованія (города Роштокъ, Висмаръ), право чеканить монету (Роштокъ) [4]). Съ другой стороны, и въ правахъ монарха замѣтно сліяніе началъ приватныхъ съ публичными. Личная поземельная собственность герцоговъ, такъ называемое domanium, служитъ для удовлетворенія не только ихъ собственныхъ потребностей, но и всѣхъ потребностей государства, управленіе которымъ считается частнымъ дѣломъ государя [5]). Обратно, для покрытія расходовъ по поводу событія чисто семейнаго и лично касающагося государя существуетъ особенная подать, взимаемая ad hoc и извѣстная подъ именемъ «подати принцессъ». Она служитъ для составленія приданаго лицамъ женскаго пола гросгерцогскаго дома при выходѣ ихъ замужъ [6]). По отношенію къ domanium'у (занимающему около $^2/_5$ всей страны) монархъ совершенно неограниченъ какъ въ дѣлѣ представленія населенія [7]), такъ и въ дѣлѣ управленія и законодательства.

Во-вторыхъ, одной изъ отличительныхъ чертъ сословнаго государства является стремленіе общественныхъ элементовъ къ обезпеченію не общегосударственныхъ, а своихъ отдѣльныхъ, частичныхъ интересовъ [8]). Изложенныя права сословій, защита

---

[1]) Попытки гросгерцоговъ создать третье сословіе изъ крестьянъ и присвоить ему участіе въ законодательномъ собраніи остались безуспѣшными. Ср. Büsing l. c. S. 17 N 2.

[2]) Büsing l. c. § 16.

[3]) Ibid. §§ 18, 21, 22.

[4]) Wiggers l. c. S. 568.

[5]) Büsing l. c. §§ 6, 23.

[6]) L. G. G. E V. §§ 115—120.

[7]) Büsing l. c. § 6. На ландтагѣ domanium своего представительства не имѣетъ.

[8]) Ср. Bluntschli. Lehre v. mod. Staat. II, S. 50; Сокольскій. Кратк. учебн. стр. 27 и сл,

на ландтагѣ только сословныхъ преимуществъ и привилегій, при болѣе или менѣе пассивномъ отношеніи къ важнѣйшимъ условіямъ существованія страны, именуемымъ даже «безразличными», указанная itio in partes, противополагающая интересы одного сословія интересамъ другого, — все это, думаю я, достаточно доказываетъ крайнюю обособленность и разрозненность общественныхъ силъ.

Характернымъ признакомъ сословной монархіи служитъ, въ-третьихъ, договорное отношеніе чиновъ къ коронѣ [1]). И этотъ признакъ въ полной мѣрѣ оправдывается на нашемъ примѣрѣ. Всякій законъ, расширяющій права монарха за предѣлы regalia majora, какъ задѣвающій преимущества сословій, облекается въ мекленбургскихъ гросгерцогствахъ въ форму договора между правительственной властью, предлагающей проектъ, и сословіями, которыя соглашаются на его принятіе [2]).

Главнѣйшій законодательный памятникъ, дѣйствующій по настоящее время, Landesgrundgesetzlicher Erbvergleich, есть не иное что, какъ соглашеніе; то же должно сказать о реверсахъ, резолюціяхъ, ассекураціяхъ и т. п., установляющихъ за сословіями извѣстныя привилегіи, взамѣнъ платежа долговъ государя и другихъ оказанныхъ ему услугъ. Если съ внѣшней стороны, т. е. въ дѣлѣ сношеній съ другими государствами, теперь и замѣчается сосредоточеніе всѣхъ функцій верховенства въ лицѣ гросгерцога, то зато съ внутренней стороны онъ по-прежнему раздѣляетъ ихъ съ сословіями. Послѣднія въ вопросахъ, затронутыхъ уніей 1523 г., обязательно изъявляютъ свое согласіе, и нарушеніе ихъ правъ въ этомъ направленіи даетъ по закону 1817 г. поводъ къ обращенію къ третейскому суду, предъ которымъ монархъ и сословія выступаютъ въ качествѣ совершенно равносильныхъ сторонъ [3]). Эта Kompromiss-Instanz, вѣнчающая, по выраженію Бёлау [4]), все зданіе сословной монархіи, не забыта и здѣсь.

Такимъ образомъ, мекленбургскія гросгерцогства въ общемъ и по сей день — средневѣковыя государства. Стро-

---

[1]) Ср. Schulze. Das Preuss. Staatsrecht. II, S. 214.
[2]) Ср. Böhlau op. cit. I, S. 312 ff.; Büsing op cit. § 17.
[3]) Büsing op. cit. §§ 16, 17.
[4]) Op. c. I, S. 315.

го говоря, нельзя даже назвать ихъ государствами. Сложившейся верховной власти здѣсь не имѣется; нѣтъ, далѣе, ни территоріи въ собственномъ смыслѣ, ни подданства и непосредственнаго отношенія верховной власти къ подданнымъ, ни понятія о должности и государственной службѣ [1]).

§ 28. Я подробно остановился на разборѣ государственнаго устройства мекленбургскихъ гросгерцогствъ и его характеристикѣ потому именно, что, исходя изъ сдѣланныхъ выводовъ и становясь на указанную точку зрѣнія, легко разобраться въ интересующемъ насъ вопросѣ о соединеніи великихъ герцогствъ.

Соединеніе, какъ мы видѣли, основано исключительно на уніи сословій и простирается, лишь насколько это прямо ею обусловливается. По вѣрному взгляду Виггерса [2]), это совсѣмъ не соединеніе государствъ. Сословія далеко не законодательныя собранія въ строгомъ и истинномъ смыслѣ этого слова, а только корпораціи, выполняющія публично-правныя функціи на частноправномъ основаніи и стремящіяся къ одному только — охраненію своихъ правъ и привилегій [3]). Самое соединеніе, какъ имѣвшее цѣлью отстоять свою независимость по отношенію къ общегосударственной власти и обезпечить равенство сословныхъ правъ на случай раздѣленія страны, противорѣчитъ, какъ справедливо полагаетъ Іеллинекъ, основнымъ понятіямъ современнаго публичнаго права, съ одной стороны, требующаго нераздѣльности территоріи при наслѣдованіи престола (въ отличіе отъ частноправнаго наслѣдства) [4]), а, съ другой, допускающаго къ заключенію общеобязательныхъ договоровъ лишь уполномоченную къ тому власть.

Если разсмотрѣніе образа правленія и анализа соединенія мекленбургскихъ гросгерцогствъ выяснило, что предъ нами остатокъ и переживаніе отъ среднихъ вѣковъ, нѣкоторая, такъ сказать, окаменѣлость и совершенная для нашего времени аномалія [5]),

---

1) Büsing op. cit. § 24.
2) Op. cit. S. 569 ff.
3) Cp. Iellinek op. cit. S. 206; Ulbr. Rechtl. Natur. S. 18—20.
4) См. Schulze. Lehrb. I, S. 233.
5) Cp. Zachariä op. cit. S. 777, Wiggers l. c. S. 564, Dareste op. cit. S. 281, и др.

то о построеніи, на основаніи подобныхъ примѣровъ, какихъ-либо конструкцій для современнаго права и науки не можетъ, конечно, быть рѣчи. Вотъ почему нельзя назвать правильнымъ выводъ нѣкоторыхъ писателей [1]) въ пользу расширенія понятія реальной уніи, въ виду подведенія подъ это понятіе трактуемаго соединенія великихъ герцогствъ.

Какъ образованія совершенно для насъ чуждыя и стоящія вдобавокъ одиноко, разсматриваемыя политическія тѣла не должны влiять на нашу науку и видоизмѣнять выработанныя ею понятія, опредѣленія и категоріи. Гросгерцогствамъ необходимо отвести вполнѣ обособленное мѣсто, какъ явленію sui generis. «Справедливо», говоритъ Іеллинекъ, «придавать такое названіе мекленбургской уніи, подобно тому какъ правъ естествоиспытатель, который, откопавъ какой-нибудь допотопный организмъ, требуетъ выдѣленія его въ особый родъ». Реальной уніей, въ качествѣ понятія новаго допускающей и даже требующей наличности государства въ истинномъ смыслѣ, мекленбургское соединеніе во всякомъ случаѣ считаться не можетъ [2]).

---

[1]) Юрашека, къ которому въ послѣднее время присоединились Шульце (Lehrb. I, S. 43) и Бульмеринкъ (Völkerrecht въ Marq. Handb. I, II, 2, S. 195). Замѣтимъ, впрочемъ, что первенство въ дѣлѣ причисленія соединенія мекленбургскихъ гросгерцогствъ къ реальнымъ уніямъ принадлежитъ не Юрашеку, а Клюберу (Öffentl. Recht, § 82) Противъ указаннаго причисленія высказались почти всѣ остальные писатели, особенно Іеллинекъ (op. cit. S. 205 ff.), Бри (Zur Lehre. S. 139, Theorie, S. 77) и Г. Мейеръ (Lehrbuch. 2 Aufl. § 12 N 1).

[2]) Что касается княжества Рацебурга (см. Büsing op. cit. § 26), составляющаго вмѣстѣ съ Штаргардскимъ округомъ великое герцогство Мекленбургъ-Стрелицъ, то я, вопреки Бюзингу, не вижу препятствій къ признанію его инкорпорированной частью. Не говоря уже объ общности территоріи, подданства, монарха и учрежденій, на лицо имѣется единство законодательства и управленія. При такихъ условіяхъ трудно говорить о какой-либо уніи. То обстоятельство, что въ собраніи ландтага княжество не принимаетъ участія, ничего, конечно, не доказываетъ, а существованіе городской общины и трехъ рыцарскихъ имѣній, съ которыми связаны извѣстныя суверенныя права, объясняется своеобразнымъ построеніемъ всего гросгерцогства. Нельзя упускать изъ виду средневѣковый характеръ государства.

§ 29. Изслѣдованіе всѣхъ современныхъ законодательствъ, причисляемыхъ въ литературѣ къ реальнымъ уніямъ, привело насъ къ тому заключенію, что послѣдними могутъ быть признаны только соединенія:

1) Скандинавскихъ государствъ — Швеціи и Норвегіи и 2) частей Габсбургской монархіи — Австріи съ Венгріей.

Намъ остается положить въ основаніе подвергнутыя разбору нормы, относящіяся къ этимъ двумъ соединеніямъ, и, пользуясь уже добытыми при разборѣ результатами, построить индуктивнымъ путемъ теоретическое ученіе о реальной уніи и ея юридической природѣ.

Выполненіе этой задачи составитъ предметъ третьей и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдней части настоящаго сочиненія.

ГЛАВА III.

Теорія реальной уніи[1]).

§ 1. Мы видѣли, что соединеніе Швеціи съ Норвегіей и Австріи съ Венгріей въ главнѣйшихъ чертахъ заключается въ томъ, что два вполнѣ независимыхъ и суверенныхъ государства состоятъ между собой въ извѣстномъ союзѣ, основанномъ на общности носителя верховной власти. Мы видѣли далѣе, что этотъ носитель суверенитета — единое лицо только физически, а юридически представляетъ всегда столько лицъ, сколько государствъ соединено другъ съ другомъ,—въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ два. Государства, какъ мы могли убѣдиться, и по вступленіи въ союзъ сохраняютъ свой полный суверенитетъ [2]) и, наряду съ особой территоріей и особымъ народонаселеніемъ, обладаютъ, каждое въ отдѣльности, и своей особой верховной властью.

Такого рода соединеніе не подходитъ ни подъ типъ личной уніи, ни подъ понятіе сложнаго государства [3]). Это и есть такъ называемая реальная унія.

Разсмотрѣніемъ ея жизненныхъ моментовъ намъ предстоитъ заняться.

---

[1]) Cp. Iellin. op. cit. S. 197—222; Brie. Theorie, S. 69—79; Juraschek op. cit. S. 78—97.

[2]) Это призналъ уже Klüber. Öffentl. Recht, § 82.

[3]) Включая въ послѣднее, сообразно съ даннымъ опредѣленіемъ сложнаго государства (см. выше стр. 37 — 38), союзное государство и государство государствъ. Для нашей цѣли достаточно указать на то, что въ послѣднемъ, въ Staatenstaat'ѣ, надъ политическими (именуемыми государственными, точнѣе, государствоподобными) тѣлами возвышается общая центральная власть. См. выше стр. 76 и сдѣланныя тамъ ссылки.

§ 2. Начнемъ съ возникновенія реальной уніи.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что обѣ существующія въ настоящее время реальныя уніи созданы путемъ договора [1]). Справедливость этого положенія я старался выяснить въ предыдущей части своей работы [2]). Но этого мало: можно смѣло сказать, что иной способъ происхожденія реальной уніи даже не мыслимъ. Школа Цахаріе и Юрашека, полагавшая въ основаніе трактуемаго соединенія фундаментальный законъ [3]), недостаточно отдавала себѣ отчетъ въ значеніи закона и договора для государства и въ различіи между ними. Разъ мы имѣемъ дѣло съ самостоятельными и не подчиненными никакой иной власти государствами, то, очевидно, къ трактуемому отношенію непримѣнимъ законъ. Такія политическія тѣла могутъ быть связаны только путемъ международнымъ, т. е. посредствомъ договора, которымъ они сами ограничиваютъ свою свободу дѣйствій и опредѣляютъ ея границы. Законъ, какъ актъ государственный, не можетъ выполнить требуемой здѣсь цѣли. Всемогущій во внутренней жизни государства, онъ безсиленъ принудить къ чему бы то ни было другое независимое образованіе. Если, повидимому, законъ (безразлично, основный-ли, или нѣтъ) опредѣляетъ извѣстный способъ соединенія или общенія съ постороннимъ суверепнымъ политическимъ тѣломъ, то объясненіе этого обстоятельства нужно искать въ договорѣ, предшествовавшемъ законодательной нормѣ и служащемъ для нея опорой. Совершенно непонятно было бы иначе, какимъ образомъ законодатель одного государства постановляетъ извѣстныя правила для органовъ другого, для него совершенно чуждаго государства, на какомъ, напримѣръ, основаніи венгерскій G. A. XII: 1867 повелѣваетъ Австріи избрать делегацію изъ опредѣленнаго числа членовъ, а § 39 норвежскаго Grundlav созываетъ по смерти короля шведскій государственный совѣтъ и пр. Здѣсь норма закона — только послѣдствіе договора, которымъ она обусловливается и безъ котораго теряетъ всякое значеніе, какъ одностороннее и, слѣдова-

[1]) Съ этимъ соглашается даже Бри, не ограничивающійся причисленіемъ къ реальнымъ уніямъ признанныхъ здѣсь двухъ соединеній (op. cit. S. 72 N 2).

[2]) См. выше стр. 40 и 56—58.

[3]) См, выше стр. 22.

тельно, необязательное волеизъявленіе. Сама по себѣ она въ нашемъ вопросѣ играетъ роль положенія, изданнаго во исполненіе договора, или служитъ для приданія заключенному союзу бóльшей формальности и торжественности. Встрѣчающееся внесеніе договора въ основные законы соединяемыхъ государствъ [1]) объясняется именно послѣднимъ обстоятельствомъ и юридически не важно [2]). Простое совпаденіе законовъ двухъ государствъ не оказываетъ, разумѣется, никакого вліянія на ихъ соединеніе. Напротивъ, тождественность нормъ, вытекающая изъ соглашенія, хотя бы молчаливаго, замѣняетъ договоръ и имѣетъ равное съ нимъ дѣйствіе [3]).

То расширеніе, которое въ ученіи о происхожденіи реальной уніи пытается провести Бри [4]), а за нимъ и Г. Мейеръ [5]), на мой взглядъ, неосновательно. Соглашаясь съ тѣмъ, что всѣ современныя реальныя уніи образовались путемъ договора, Бри утверждаетъ, что теоретически возможны и другія причины ихъ происхожденія — обычное право и законъ, изданный какой-нибудь высшей государственной властью, — а потому думаетъ, что реальная унія можетъ покоиться на всякомъ общемъ и обязательномъ для соединяемыхъ государствъ основаніи. Но, останавливаясь на каждой изъ причинъ, приводимыхъ Бри и не предусмотрѣнныхъ, по его мнѣнію, Іеллинекомъ, легко убѣдиться, что онѣ едва-ли подрываютъ теорію послѣдняго. Обычное право (не говоря уже о трудности представить себѣ основанное на немъ соединеніе!) могло бы замѣнить договоръ лишь постольку, поскольку воля государствъ направлена къ поддержанію связи и союза. Но въ такомъ случаѣ имѣлось бы вмѣстѣ съ тѣмъ молчаливо выраженное согласіе, т. е. то же самое, что въ концѣ концовъ Іеллинекъ предполагалъ выразить терминомъ

---

[1]) Iellinek op. cit. S. 202. Ср. Grundlav § 1, повторяющій § 1 Rigsakt'a.

[2]) Разсужденія по этому поводу Бри въ Grünh. Zeitschr. XI, S. 135—136 не измѣняютъ вопроса.

[3]) Такое положеніе вещей мы видимъ въ Австро-Венгріи, гдѣ нѣтъ особаго формальнаго акта договора, а соединеніе установлено законодательствомъ каждаго изъ соединенныхъ государствъ — законами 21 дек. 1867 R. 146 и XII: 1867 (см. выше стр. 52—53).

[4]) «Zur Lehre». въ Grünh. Zeitschr. S. 134 ff., Theorie, S. 70 ff.

[5]) Lehrb. 2 Aufl. § 12. N 2.

«договоръ», для котораго онъ, согласно съ наукой международнаго права, не требуетъ никакой опредѣленной формы и допускаетъ даже одни facta concludentia [1]).

Важнѣе, повидимому, пропускъ Іеллинека относительно закона, изданнаго верховной для обоихъ соединяемыхъ политическихъ тѣлъ властью, напримѣръ, центральной властью союзнаго государства [2]). Здѣсь, дѣйствительно, нѣтъ согласія самихъ вступающихъ въ союзъ державъ. Но необходимо замѣтить слѣдующее. Если принять во вниманіе отсутствіе соединеній, образованныхъ такимъ путемъ, а особенно ту цѣль внѣшней безопасности, которая всегда и неизмѣнно, какъ мы увидимъ ниже, преслѣдуется реальной уніей и которая въ союзномъ государствѣ не имѣетъ своего raison d'être,—то допустить въ числѣ основаній происхожденія указываемый Бри законъ значило бы во многомъ измѣнить типъ фактически существующей реальной уніи и вдаться въ область чистой гипотезы [3]).

Что касается случая, когда реальная унія образуется путемъ уступки государства или провинціи прежнею государственною властью новой власти, то въ немъ, вопреки Бри, нельзя усмотрѣть односторонняго волеизъявленія. Дѣло въ томъ, что здѣсь представляется дилемма. Либо государство (или провинція) завоевывается другимъ государствомъ, и тогда, несмотря на сохраненіе за нимъ извѣстныхъ привилегій и автономіи, оно становится не болѣе, какъ инкорпорированной областью покорившаго его государства, въ составъ котораго оно и входитъ [4]), безразлично, имѣется-ли тутъ мирный трактатъ или нѣтъ [5]),—либо политическое тѣло уступается, какъ государство. Допустимъ, что государство А въ такомъ именно качествѣ уступаетъ госу-

---

[1]) См. Мартенсъ. Современ. международ. право. I, стр. 399 и ссылки у него на писателей, а также Iellinek op. cit. S. 204.

[2]) Brie l. c., cp. Juraschek op. cit. S. 84.

[3]) Cp. Iellinek op. cit. S. 203 N 8 и S. 81—82. Излишне распространяться о томъ, что отдѣльное государственноподобное образованіе не можетъ состоять въ реальной уніи съ цѣлымъ союзнымъ государствомъ, въ составъ котораго оно входитъ. Пруссія не связана, слѣдовательно, реальной уніей съ Германіей, какъ ошибочно думаетъ Шульце (Das Staatsrecht des Königreichs Preussen въ Marq. Handb. II, 2, S. 33—34). См. противъ него Brie въ Grünh. Zeitschr. S. 137 N 126 и Jurasch. op. cit. S. 44.

[4]) Такъ, Финляндія по отношенію къ Россіи.

[5]) Дѣлаю эту оговорку въ виду Бри въ Grünh. Zeitschr. S. 137.

дарству В территорію С. Тогда договоръ государства А съ государствомъ В заключаетъ въ себѣ договоръ и съ С, ибо А съ самаго же начала разсматриваетъ С, какъ независимое, отдѣлившееся отъ В государство. С становится независимымъ въ моментъ соединенія съ А, а не послѣ того, какъ это бываетъ при инкорпораціи и дарованіи самостоятельности въ видѣ акта внутренняго управленія со стороны новаго, присоединившаго страну государства [1]). Впрочемъ, и такого рода соединенія, по вѣрному взгляду Іеллинека [2]), являются только переходными формами къ новому правовому положенію уступаемой территоріи—къ инкорпораціи или же, наоборотъ, къ полному обособленію — и не могутъ служить типами прочнаго и организованнаго союза [3]).

Послѣдній способъ образованія реальной уніи, приводимый противниками защищаемаго мною мнѣнія, въ сущности совершенно подходитъ подъ договоръ. Указываютъ на происхожденіе реальной уніи изъ уніи личной. Но несомнѣнно, что для нашего вопроса періодъ личнаго соединенія значенія не имѣетъ, и что въ настоящее время двѣ чисто лично соединенныхъ державы, для вступленія въ унію реальную, должны войти въ соотвѣтствующее соглашеніе. Что таковое, при неограниченномъ образѣ правленія въ обоихъ государствахъ, трудно распознается, дѣла не измѣняетъ. Все, правда, сводится къ одной волѣ абсолютнаго монарха, но и здѣсь юридически приходится различать два государственныхъ акта [4]), подобно тому какъ мы это дѣлаемъ относительно актовъ управленія органа, общаго двумъ государствамъ [5]).

---

[1]) Іеллинекъ недостаточно подчеркнулъ это, и потому получается какъ бы извѣстное противорѣчіе между его разсужденіями на стр. 69—71 и стр. 221—222 назв. соч. Дѣло въ томъ, что непродолжительное *соединеніе* Лауэнбурга съ Пруссіей дѣйствительно необходимо признать реальной уніей (а не инкорпораціей). Что оно не было личной уніей, очевидно (см. выше о личной уніи и Iellinek l. c.).

[2]) l. c.

[3]) Откуда не слѣдуетъ, чтобы въ такихъ случаяхъ имѣлась несовершенная реальная унія, смѣшеніе ея съ началомъ подчиненія (Brie l. c. S. 138). Это привело бы насъ къ отвергнутой уже unio realis inaequalis (см. выше стр. 86).

[4]) Iellinek op. c. S. 220—221.

[5]) См. выше стр. 68.

Итакъ, должно согласиться, что реальная унія покоится на договорѣ или, лучше, на взаимномъ соглашеніи, лежащемъ въ основаніи договора [1]).

§ 3. Аналогично съ образованіемъ реальной уніи происходитъ и ея прекращеніе. Для послѣдняго требуется направленное на уничтоженіе соединенія согласіе государствъ, и точно такъ же, какъ для образованія реальной уніи, недостаточно односторонне выраженнаго желанія [2]). Юридически прекращеніе реальной уніи вполнѣ возможно: обязательное соединеніе на вѣчныя времена совсѣмъ не требуется. Можно себѣ представить—и примѣръ Австро-Венгріи служитъ лучшимъ подтвержденіемъ этого—соединеніе временное, обусловленное продолжительностью извѣстнаго періода или порядка вещей. Если, въ виду значенія реальной уніи, неудобно обусловить ее царствованіемъ одного монарха, то ничего не препятствуетъ допустить ее на время существованія извѣстной династіи [3]) и т. п. Совершенно ошибочно поэтому полагаетъ Гольцендорфъ [4]) (а за нимъ Гарейсъ) [5]), что юридически реальная унія—нерасторжимый союзъ, и напрасно вслѣдствіе этого Бульмеринкъ [6]) принимаетъ австро-венгерское соединеніе за quasi Realunion, а не за настоящую реальную унію [7]).

---

[1]) Замѣтимъ, что въ виду договорной природы реальной уніи, при отсутствіи созданія ею какого-либо особаго государственнаго тѣла, международное признаніе реальнаго соединенія излишне и въ дѣйствительности не происходитъ. Ср. выше стр. 44.

[2]) Это признаетъ и Бри (Theorie, S. 71). Насильственные способы прекращенія, какъ подчиненіе одного государства другому, покореніе обоихъ третьей державой, отпаденіе отъ союза вопреки договору одного изъ соединенныхъ государствъ и т. п. (см. Iellinek op. c. S. 218 — 219) я оставляю въ сторонѣ.

[3]) Непонятнымъ является утвержденіе проф. Мартенса (Междунар. право. I, стр. 242), что реальное соединеніе «*никогда* не зависитъ отъ династіи». Проф. Мартенсъ, правда, совершенно послѣдовательно говоритъ о «вѣчной» нераздѣльности Австріи съ Венгріей, но, оставляя въ сторонѣ теоретическія соображенія, на какомъ, спрашивается, основаніи игнорируется G. A. II: 1722/3, § 11 или G. A. II: 1867, § 4?

[4]) Encyclop. S. 1017. Cp. Handb. des Völkerrechts. II, S 129.

[5]) Allgem. Staatsrecht въ Marq. Handb. I, 1, S. 105 (см. гл. I стр. 11).

[6]) Völkerrecht въ Marq. Handb. I, 2, S. 195.

[7]) Brie. Theorie, S. 72 и N 1; Iellin. op. c. S. 218 и N 16a; Jurasch. op. cit. S. 85—86.

§ 4. Обратимся къ ближайшему изслѣдованію юридической природы реальной уніи.

Прежде всего надлежитъ разсмотрѣть, чтó въ реальной уніи можетъ служить соединяющимъ между государствами звеномъ, и насколько въ этомъ отношеніи справедливо расширеніе, предпринятое Юрашекомъ, по ученію котораго [1]) предметомъ общности можетъ быть всякое государственное учрежденіе и всякій государственный органъ. И въ настоящемъ вопросѣ я долженъ присоединиться къ воззрѣнію Іеллинека, отвергающаго упомянутое расширеніе по совершенно основательнымъ, какъ мнѣ кажется, причинамъ. Соединеніе, исключительно покоящееся на общности народонаселенія или территоріи, онъ признаетъ [2]) немыслимымъ и допускаетъ его только въ фантазіи, отрѣшенной отъ всякихъ условій дѣйствительной жизни государства и международнаго союза; соединеніе посредствомъ органовъ административныхъ онъ считаетъ либо административнымъ союзомъ, либо Staatenbund'омъ, а соединеніе посредствомъ органовъ судебныхъ—исключительно первымъ. Что касается, наконецъ, союза, основаннаго на общности законодательнаго собранія, то Іеллинекъ указываетъ, что соединеніе Мекленбургскихъ гросгерцогствъ, вопреки Юрашеку, не можетъ служить подходящимъ для такого типа реальной уніи примѣромъ [3]), и для современнаго государственнаго права окончательно отвергаетъ возможность союза государствъ, простирающагося лишь на общность парламента. Онъ справедливо заявляетъ, что для подобнаго соединенія нельзя въ настоящее время придумать мало-мальски разумный мотивъ [4]).

Въ связи съ только-что разсмотрѣннымъ вопросомъ стоитъ вопросъ о томъ, можетъ-ли реальная унія имѣть мѣсто между республиками, и нельзя-ли въ зависимости отъ этого признать основаніемъ соединенія и личность президента [5]). Я думаю, что вмѣстѣ съ Бри [6]) слѣдуетъ отвѣтить на этотъ вопросъ от-

---

[1]) Op. cit. S. 88—94 (см. выше гл. I стр. 15—16).

[2]) Op. cit. S. 207; ср. Brie въ Grünh. Zeitschr. S. 138. Примѣръ Кобурга-Готы, какъ мы видѣли, не подтверждаетъ взгляда Юрашека.

[3]) См. стр. 120.

[4]) Ср. самого Юрашека (op. cit. S. 91 и Brie. Theorie, S. 77).

[5]) Въ пользу этого Юрашекъ (op. cit. S. 84) и до него еще Гельдъ (System. I, S. 397).

[6]) Theorie, S. 70.

рицательно, какъ съ исторической точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія цѣлесообразности и возможности такого рода соединенія. Бри справедливо ссылается на неудобства, которыя возникли бы отъ часто повторяющихся выборовъ и отвѣтственности высшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ общаго исполнительнаго органа предъ каждымъ изъ представительныхъ собраній республиканскихъ государствъ. Такимъ образомъ, приходится ограничить понятіе реальной уніи монархіей, а звеномъ, связующимъ государства, признать непремѣнно монарха, какъ носителя верховной власти.

§ 5. Что касается цѣли, преслѣдуемой реальной уніей, то уже Пёцль [1]) совершенно справедливо указалъ на то, что ею имѣется ввиду достиженіе внѣшней безопасности соединенными силами [2]). Сообразно съ этимъ, государства, состоящія въ реальной уніи, совмѣстно объявляютъ войну и совмѣстно заключаютъ миръ [3]). О войнѣ между ними не можетъ, конечно, быть вопроса. Сообразно съ этимъ, далѣе, государства ведутъ одну и ту же политику, фигурируютъ въ международномъ союзѣ, какъ одна коллективная личность, и сообща вступаютъ въ договоры. Но все это происходитъ лишь постольку, поскольку требуетъ общая цѣль и общая между державами сфера. Разъ вопросъ выходитъ за эти предѣлы, государства въ своихъ дѣйствіяхъ совершенно свободны. Презумпція всегда въ пользу самостоятельности каждаго изъ нихъ,—самостоятельности, ограничиваемой только положительнымъ и явно выраженнымъ опредѣленіемъ круга общихъ дѣлъ. Внѣ озваченнаго круга каждое изъ государствъ въ отдѣльности можетъ заключать договоры съ третьими державами, и дѣйствительно, хотя и рѣдко, но заключаетъ таковые [4]). Связанныя реальной уніей политическія тѣла подчасъ даже между *собой* вступаютъ въ извѣстныя соглашенія международнаго характера [5]). Въ чисто внутреннихъ дѣлахъ

---

[1]) Bluntschli & Braters Staatslexik. X, S. 673. Cp. Iell. op. cit. S. 214, Brie. Theorie, S. 74.

[2]) Чѣмъ не отрицается возможность преслѣдованія сверхъ того и другихъ цѣлей, для достиженія которыхъ государства вправѣ установить особую между собой ассоціацію.

[3]) Общность войска тѣмъ не менѣе не обязательна, какъ видно изъ примѣра Швеціи Норвегіи.

[4]) Стр. 36; Brie. Theorie, S. 74 N 3.

[5]) Стр. 37, 55 — 56. Ср. Ulbr. Lehrb. § 154. Неточно поэтому

ограниченія свободы совсѣмъ не встрѣчаются: здѣсь получаетъ полное выраженіе различіе государственнаго устройства, институтовъ, условій жизни и пр. соединенныхъ монархій. Государства являются совершенно чужими другъ для друга, и это особенно рельефно сказывается въ томъ положеніи иностранца, какое, говоря вообще, занимаетъ подданный одной державы въ другой—шведъ въ Норвегіи, австріецъ въ Венгріи и наоборотъ [1]).

§ 6. На вопросъ, не простирается-ли общность, кромѣ монарха, еще на какіе-нибудь другіе органы, нужно отвѣтить слѣдующее.

Хотя это распространеніе существомъ реальной уніи не обусловливается [2]), тѣмъ не менѣе, въ виду политическихъ цѣлей, оно имѣетъ мѣсто въ извѣстныхъ намъ реальныхъ соединеніяхъ и распространяется на учрежденія и органы, функціонирующіе въ общихъ вопросахъ, — обыкновенно на министра иностранныхъ дѣлъ, пословъ, консуловъ и т. п. Таковые или бываютъ общими въ собственномъ смыслѣ слова, и тогда они ничѣмъ не отличаются отъ органовъ административнаго союза, или принадлежатъ только одному государству, но въ то же время выполняютъ по препорученію извѣстныя функціи управленія отъ имени другого [3]).

Общимъ учрежденіемъ, напротивъ, не можетъ служить общее представительное собраніе съ рѣшительнымъ правомъ голоса [4]), хотя бы оно и составлялось только изъ делегатовъ отдѣльныхъ парламентовъ, а не выходило непосредственно изъ народонаселенія соединенныхъ государствъ [5]). Мы видѣли, что въ реальной уніи

утвержденіе писателей-интернаціоналистовъ, что въ отношеніи международнаго союза самостоятельность realiter связанныхъ государствъ *окончательно* исчезаетъ (ср., напр., Holtzendorff'a, Handb. des Völkerrechts, II, S. 127).

[1]) На практикѣ допускаются, конечно, и отступленія отъ этого принципа. См., напр., выше стр. 59.

[2]) Ср. Meyer. Lehrb. S. 26.

[3]) См. Швецію-Норвегію, стр. 37—38.

[4]) Шведо-норвежскій государственный совѣтъ, въ виду своего совѣщательнаго характера, сюда не подходитъ. См. выше стр. 41.

[5]) Напоминаемъ, что делегаціи въ Австро-Венгріи не являются такимъ институтомъ (по изложеннымъ выше, на стр. 62, причинамъ). Такъ какъ общее собраніе обѣихъ делегацій — крайняя и исключительная мѣра, то

двойственны всѣ безъ исключенія элементы государства, въ томъ числѣ и верховная власть, въ носителѣ которой различаются двѣ юридическихъ личности. Но въ такомъ случаѣ, если нѣтъ общей верховной власти, не можетъ быть и общаго участника въ законодательныхъ функціяхъ этой послѣдней. И въ дѣйствительности, когда требуется проявленіе власти законодательной, двойственность обнаруживается даже въ общихъ дѣлахъ, и тогда на сцену выступаютъ отдѣльные парламенты каждаго изъ заключившихъ унію государствъ. При такой природѣ реальнаго соединенія, естественно, нѣтъ мѣста общему законодательному собранію. Общіе органы дѣйствуютъ, какъ извѣстно, въ опредѣленной только области, не требующей участія законодательныхъ учрежденій.

Въ разбираемомъ вопросѣ я отступаю отъ ученія Іеллинека и прихожу къ выводамъ Бри [1]), который точно также высказывается противъ общаго парламента, хотя и по основаніямъ иного рода, чѣмъ тѣ, которыя приведены мною.

Бри считаетъ государства въ Staatenbund'ѣ не вполнѣ суверенными, между тѣмъ какъ за государствами въ реальной уніи онъ признаетъ полный суверенитетъ. Полагая затѣмъ, что общее законодательное учрежденіе несовмѣстимо съ независимостью соединяемыхъ государствъ, Бри совершенно послѣдовательно допускаетъ таковое въ Staatenbund'ѣ и отрицаетъ возможность его существованія въ реальной уніи [2]). Напротивъ, Іеллинекъ не считаетъ наличность общаго парламента несогласнымъ съ суверенитетомъ государствъ и допускаетъ его какъ въ союзѣ государствъ, такъ и въ реальной уніи.

Что касается моего взгляда, то я, согласно съ Іеллинекомъ, держусь воззрѣнія господствующей школы, по которому государства въ Staatenbund'ѣ остаются совершенно суверенными, и не дѣлаю въ этомъ отношеніи никакого различія между союзомъ государствъ и реальной уніей. Я признаю, далѣе, что общій парламентъ не уничтожаетъ суверенитета государствъ, поскольку отъ нихъ самихъ зависитъ [3]) *принятіе* его рѣшеній, и считаю даже

Бри (Theorie, S. 71 N 6) въ Австро-Венгріи видитъ только незначительное отступленіе отъ чистаго типа реальной уніи.

[1]) «Zur Lehre» въ Grünh. Zeitschr. l. c. S. 134 ff., Theorie, S. 76.

[2]) Ср. еще Theorie, S. 93.

[3]) Waitz. Politik, S. 157 ff.

цѣлесообразнымъ участіе народнаго представительства въ общихъ дѣлахъ, разъ оно участвуетъ въ аналогичныхъ дѣлахъ въ каждомъ изъ государствъ въ отдѣльности [1]), — но, соглашаясь со всѣмъ этимъ, я тѣмъ не менѣе допускаю общій парламентъ въ Staatenbund'ѣ и не допускаю его въ реальной уніи. Дѣло въ томъ, что Іеллинекъ ошибочно, какъ мнѣ кажется, принимаетъ реальную унію за спеціальный случай Staatenbund'а [2]). Для него достаточно убѣдиться, что цѣль Staatenbund'а и реальной уніи одна и та же, что какъ здѣсь, такъ и тамъ, государства остаются вполнѣ суверенными, чтобы въ силу только этого признать послѣднюю видомъ перваго. Но этого мало. Необходимо обратить вниманіе на организацію союза въ томъ и другомъ случаѣ. По признанію самого Іеллинека [3]), во всѣхъ историческихъ союзахъ государствъ существо организаціи состояло въ наличности извѣстнаго центральнаго органа въ видѣ конгресса (постояннаго или временнаго) изъ представителей входившихъ въ союзъ государствъ. Этотъ органъ стоялъ всегда, если не надъ каждымъ изъ государствъ, то во всякомъ случаѣ внѣ его [4]), и принадлежалъ не каждому государству въ отдѣльности, а лишь всѣмъ вмѣстѣ въ ихъ совокупности. Между тѣмъ въ реальной

---

[1]) Cp. Iellin. op. cit. S. 186—187, 246 ff.

[2]) Op. cit. S. 215; его мнѣніе принято проф. Сокольскимъ (назв. соч. стр. 13). Противъ нихъ, кромѣ Brie l. c., Meyer. Lehrb. S. 26 N 3.

[3]) l. c. S. 185; cp. Brie. Theorie, S. 92. Неправъ, слѣдовательно, Ульбрихъ, опредѣляющій Австро-Венгрію, какъ развившуюся въ Staatenbund реальную унію (Lehrb. S. 31 & 743). См. Brie въ Grünh. Zeitschr. S. 141 N 141 и Meyer. Lehrb. S. 26 N 3. Въ Австро-Венгріи, какъ было показано, имѣются только особые органы для достиженія преслѣдуемой соединеніемъ цѣли, и въ этомъ смыслѣ существуетъ простая ассоціація государствъ. Такъ смотритъ на дѣло и самъ Ульбрихъ въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ (въ Marq. Handb. l. c. S. 14). Этотъ характеръ ассоціаціи отличаетъ, правда, Австро-Венгрію отъ Швеціи-Норвегіи, представляющей болѣе чистый типъ реальной уніи (Iellin. op. c. S. 226), но не создаетъ изъ нея какого-нибудь иного соединенія съ чуждыми реальной уніи признаками. Швеція-Норвегія и Австро-Венгрія могутъ во многомъ быть несходны между собой, но это ни той, ни другой не препятствуетъ быть настоящими uniones reales.

[4]) Юрашекъ (op. cit. S. 87) подчеркиваетъ это съ большой силой. Впрочемъ, этимъ не исключается возможность существованія при Staatenbund'ѣ и другихъ органовъ, занимающихъ совершенно то же положеніе, какъ при всякой ассоціаціи независимыхъ государствъ (см. выше).

уніи общій органъ, монархъ, входитъ въ составъ самихъ государствъ и принадлежитъ каждому изъ нихъ. Этотъ органъ имѣется въ государствахъ и безъ уніи, а при ея заключеніи наблюдается только физическое соединеніе двухъ юридическихъ лицъ. Вотъ существенное различіе между реальной уніей и Staatenbund'омъ, — различіе, не дозволяющее подводить одинъ типъ подъ другой, если, конечно, подъ понятіемъ Staatenbund'а разумѣть союзъ государства въ тѣсномъ и техническомъ смыслѣ этого слова. Если, наоборотъ, союзъ государствъ понимать въ обширномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ всякаго вообще международнаго соединенія, при которомъ государства остаются суверенными, то въ такомъ случаѣ реальную унію дѣйствительно прійдется признать частнымъ случаемъ союза государствъ, но вмѣстѣ съ нею и Staatenbund въ собственномъ смыслѣ. Другими словами, и реальная унія и «Staatenbund» являются видами одного родового понятія—союза государствъ въ широкомъ смыслѣ слова.

§ 7. Отсюда ясно, къ какой категоріи соединеній относится реальная унія. Такихъ категорій, очевидно, можетъ быть только двѣ. Всѣ политическія соединенія, какъ бы разнообразны ни были ихъ организація и преслѣдуемыя ими цѣли, могутъ быть сведены къ двумъ родамъ: корпораціямъ и ассоціаціямъ [1]). Первыя основаны на законѣ и относятся къ области государственнаго права, вторыя, какъ всякія соединенія независимыхъ государствъ, покоятся на договорѣ и относятся къ сферѣ права международнаго [2]). Реальная унія, въ силу своей принадлежности къ союзу суверенныхъ государствъ, eo ipso является соединеніемъ международнаго, а не государственнаго права [3]).

---

[1]) На противоположномъ взглядѣ, допускающемъ и третій родъ соединеній, основано замѣчаніе Гирке (Schmoll. Jahrb. VII, S. 1158 N 3) о томъ, что реальная унія не можетъ быть отнесена ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Но его основанія не выдерживаютъ строгой критики. См. противъ него Laband. Staatsrecht. 2 Aufl. S. 55.

[2]) Laband op. cit. S. 52 и N 1, S. 53; ср. Iellinek op. cit. S. 316; Zorn. Staatsrecht. I, S. 50; Bidermann. Rechtl. Natur, S. 8.

[3]) Iellin. op. cit. S. 204, Brie. Theorie, S. 77. Впервые на это указалъ Гельдъ (System. I, S. 186, 397; ср. выше стр. 8). Причисленіе нашего соединенія къ государственнымъ на томъ основаніи, что общій органъ государственный, или въ виду прочности союза не выдерживаетъ, разумѣется, критики. Такой критерій приводитъ къ признанію государственнымъ соединеніемъ и *личной* уніи, что дѣйствительно утверждается

Изслѣдованіе существа, основанія, цѣли и характера реальной уніи ставитъ насъ въ возможность дать этому виду соединеній полное, охватывающее понятіе со всѣхъ сторонъ, и точное, выдѣляющее его изъ ряда другихъ соединеній, определеніе. Этимъ требованіямъ можетъ отвѣчать слѣдующая формулировка вопроса [1]).

«*Реальной уніей называется такое основанное на началахъ международнаго права соединеніе суверенныхъ государствъ для общей обороны или сверхъ того и для преслѣдованія иныхъ цѣлей, при которомъ верховная власть въ каждомъ изъ вступившихъ въ реальную унію государствъ ввѣряется одному и тому же физическому лицу, но съ различеніемъ въ немъ нѣсколькихъ юридическихъ личностей*».

§ 8. Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о значеніи реальной уніи для связанныхъ ею государствъ [2]).

Писатели справедливо считаютъ ее такой формой соединенія, которая особенно удобна для тѣснаго и прочнаго союза государствъ. Замѣтимъ прежде всего, что находящіяся въ реальной уніи суверенныя тѣла могутъ порвать союзъ только по обоюдному соглашенію и, слѣдовательно, съ соизволенія монарха, являющагося сувереномъ въ каждомъ изъ государствъ въ отдѣльности. Это обстоятельство создаетъ между заключившими унію государствами чрезвычайную связь, равной которой мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ другихъ международныхъ соединеній, въ томъ числѣ и въ Staatenbund'ѣ. Далѣе, самая цѣль союза исключаетъ всякія враждебныя дѣйствія между соединенными державами: ихъ политика всегда одинакова, а, въ силу сосредоточенія въ лицѣ общаго монарха верховнаго управленія не только общими дѣлами, но и дѣлами каждаго государства въ частности, оказывается даже во внутренней жизни сильное противодѣйствіе не всегда между собой согласнымъ и часто идущимъ врозь тенденціямъ. Личный интересъ суверена дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ примирительно и улаживаетъ

Юрашекомъ (op. cit. S. 71–72; ср. ibid. S. 96 и выше гл. I стр. 15). Противъ него см. Iellin. S. 85 N 4.

[1]) Ср. Сокольскій op. cit. стр. 13; Iellin. op. cit. S. 211, 215; Brie. Theorie, S. 69.

[2]) См. Brie. Theorie, S. 78—79, Grünh. Zeitschr. S. 141—142; Iellin. op. cit. S. 216—217; Jurasch. op. cit. S. 95.

возникающіе конфликты, которые при иномъ способѣ соединенія могли бы вести къ обособленію и распаденію.

Государственное устройство каждаго изъ состоящихъ въ уніи государствъ, несомнѣнно, имѣетъ большое значеніе для самаго соединенія. По вѣрному замѣчанію Бри [1]), оно угрожаетъ жизненности реальной уніи съ двухъ противоположныхъ сторонъ. При сильномъ развитіи конституціоннаго строя и ограниченіи монарха, всѣ тѣ выгоды, которыя происходятъ отъ сосредоточенія въ его лицѣ власти, естественно, уменьшаются, а частью и совсѣмъ исчезаютъ. Для устраненія недоразумѣній и спорныхъ вопросовъ, возникаетъ необходимость все чаще и чаще прибѣгать къ новымъ соглашеніямъ, а, при нежеланіи идти на уступки, становится сомнительной самая продолжительность союза или, по меньшей мѣрѣ, вѣроятность достиженія преслѣдуемой имъ цѣли [2]). Съ другой стороны, неограниченная форма правленія способствуетъ полному объединенію связанныхъ политическихъ тѣлъ. Подъ властью абсолютнаго монарха, реальная унія легко обращается въ инкорпорацію, такъ какъ отъ монарха всецѣло зависитъ слить въ *одну* имѣющіяся въ немъ *двѣ* юридическихъ личности и тѣмъ самымъ создать *одно* цѣльное государство [3]). Поэтому

---

[1]) Theorie, S. 79.

[2]) До извѣстной степени это оправдывается на примѣрѣ Австро-Венгріи, въ исторіи которой слово «Ausgleich» играетъ такую огромную роль (ср. Iellin. op. cit. S. 219, особ. Jurasch. op. cit. S. 120 ff.).

[3]) Ср. Gareis въ Marq. Handb. I, 1, S. 105 N 2. Въ этомъ процессѣ образованія государствъ властью суверена крайне трудно различить послѣдовательныя ступени по пути къ единству. Это обстоятельство (вмѣстѣ съ расширеніемъ понятія реальной уніи) побуждаетъ Юрашека признать, что для реальной уніи нѣтъ прочной формы, что она способна безконечно видоизмѣняться и незамѣтно переходить въ унитарное государство (op. cit. S. 94—95). Но Іеллинекъ справедливо возражаетъ, что при современномъ конституціонномъ строѣ означенный процессъ немыслимъ. Здѣсь въ каждый данный моментъ можно убѣдиться, имѣется-ли *одно* государство, или ихъ *нѣсколько*: если на лицо двѣ верховныхъ власти, два народонаселенія, двѣ территоріи, то предъ нами два государства, если же элементы государства единичны, то, очевидно, нельзя говорить о соединеніи государствъ, а необходимо допустить существованіе одного только государства (op. cit. S. 210). О переходѣ реальной уніи въ другія образованія ср. еще Ulbr. Lehrb. S. 31; Schulze. Lehrb. I, S. 43; Bidermann, Rechtl. Nat. S. 6—7. См. также выше гл. I стр. 16.

правъ Іеллинекъ [1]), когда признаетъ, что реальная унія, какъ рѣзко очерченный типъ соединенія, возможна только между ограниченными монархіями, съ твердыми сословными учрежденіями въ прошедшемъ и съ современными представительными собраніями въ настоящемъ.

Почти излишне присовокупить, что реальная унія предполагаетъ извѣстную общность интересовъ соединяемыхъ государствъ и основывается на особенныхъ, исторически сложившихся отношеніяхъ. Это условіе, наряду съ невозможностью для одного физическаго лица удовлетворять общимъ и частнымъ интересамъ многихъ realiter связанныхъ государствъ, служитъ причиной, почему ни въ настоящее время, ни въ исторіи не встрѣчается реальнаго соединенія значительнаго числа суверенныхъ тѣлъ: въ громадномъ большинствѣ случаевъ, а, быть можетъ, даже всегда, самостоятельными и независимыми членами реальной уніи являются только двѣ державы [2]).

---

[1]) Op. cit. S. 216, 81—82.
[2]) Cp. Brie. Theorie, S. 79.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 072401430